Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева

ПОБЕДА! 1945–2020

АЛЕЕТ ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

статьи из периодических изданий 2019-2020 гг.

ДАЙДЖЕСТ

ББК 63.3(2)62
А 45

Составитель: Миленина Ю. В.
Редактор: Кондратьева Н. В.

Алеет знамя над Рейхстагом : дайджест / Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева ; сост. Ю. В. Миленина. - Курск, 2020. - 148 с. : ил. – Текст : непосредственный.

Знак информационной продукции 12+

© Курская областная научная библиотека имени Н.Н. Асеева

Издание приурочено к празднованию Года памяти и славы. В дайджесте представлены статьи из периодических изданий 2019 и 2020 годов, имеющихся в фонде библиотеки. В него включены публикации о событиях военных лет, воспоминания участников, письма и фотографии военного времени. Представленные материалы раскрывают ход событий Великой Отечественной войны и рассказывают о самых трагических годах советского периода.

Журналы «Военная история», «Дошкольное воспитание», «Военно-исторический журнал» знакомят читателя с самыми важными битвами и событиями Великой Отечественной войны.

О людях, взявших на себя ответственность за судьбу страны в тяжелое время, повествуют материалы журналов «Военные знания», «Вопросы истории», газет «Красная звезда», «Культура», «Совершенно секретно»

Со статьями о мужестве и трудовом героизме простых людей в годы Великой Отечественной войны и тяжелое послевоенное время можно познакомиться в изданиях «Родина», «Документы Победы», «Аргументы и факты».

О том, почему спустя десятилетия не прекращается расследование преступлений фашистских оккупантов, расскажет читателям «Российская газета».

Журналы «Союзное государство» и «Преподавание истории в школе» познакомят читателей с работой по увековечению памяти погибших и реконструкции событий Великой Отечественной войны.

«Литературная газета» предлагает читателям подборку стихов поэтов-фронтовиков.

Статьи расположены по алфавиту авторов и заглавий работ.

Дайджест адресован широкому кругу читателей.

Бастрыкин, Александр. Преступления без срока давности : СКР расследует дела о геноциде, совершенном фашистами / А. Бастрыкин ; беседу вела Н. Козлова. - Текст : непосредственный // Российская газета. - 2020. - 27 янв. - С. 1, 5.

ТОЛЬКО В «РГ»

Александр Бастрыкин: СКР расследует дела о геноциде, совершенном фашистами

Преступления без срока давности

Наталья Козлова

Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин рассказал «Российской газете» о том, почему и спустя десятилетия не прекращается расследование преступлений фашистских оккупантов.

Александр Иванович, сегодня годовщина снятия блокады Ленинграда. Какие это вызывает у вас эмоции?

АЛЕКСАНДР БАСТРЫКИН: День полного снятия блокады—это особое событие и для жителей Ленинграда, и для всех, кто освобождал Северную столицу. Да и для всего советского народа. Город выстоял, и моя семья имеет к этому прямое отношение. Мою маму война застала в Ленинграде. Ее рассказы о пережитом забыть невозможно. И дело не только в масштабах, но и в деталях—их мама помнила всю жизнь.

В блокаду она, как и большинство ленинградцев, трудилась на заводе. Немцы периодически бомбили тот путь, которым люди шли на работу. Изможденные холодом и голодом ленинградцы знали об этом, но все равно каждое утро шли—ведь нужно было обеспечивать фронт. В один из таких дней под обстрел попала и мама.

5 →

РЕШЕНИЕ
КС РФ обязал уточнить правила обеспечения отпусками полицейских

ОЦЕНИТЬ СОСТОЯНИЕ

Мария Голубкова,
«Российская газета»,
Санкт-Петербург

Судьи Конституционного суда РФ обязали федерального законодателя поставить точку в споре, можно ли приравнять понятия «по болезни» и «по состоянию здоровья». Разбирательство провели в связи с жалобой бывшего заместителя начальника полиции УМВД РФ по городу Перми Владимира Чистякова.

Он попросил проверить на соответствие Конституции РФ положения статьи 63 федерального закона о службе в органах внутренних дел. В 2018 году он подал рапорт об увольнении со службы в связи с заболеванием и одновременно — заявление об отпуске по личным обстоятельствам. Отпуск продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия предоставляется по желанию сотрудника при соблюдении определенных условий. Но Чистякову руководство и суды в этом праве отказали на том основании, что он был уволен в связи с болезнью, а статья 56 того же закона такого основания для предоставления отпуска не содержит.

> Признано, что оспоренные положения не соответствуют Конституции России

—Такое положение необоснованно ставит сотрудников, увольняемых в связи с болезнью, в худшее положение по сравнению с сотрудниками, увольняемыми по состоянию здоровья,—указал Чистяков в обращении в Конституционный суд.—Оспариваемое положение закона противоречит статье 19 Конституции РФ, приводит к дискриминации.

Изучив обстоятельства дела, судьи согласились с приведенными доводами. Решение обосновано правовыми позициями суда. Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции РФ.

В решении КС подчеркивается, что «лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции», чем объясняются повышенные обязательства государства перед ними, в том числе особые основания для отпуска. Статья 63 не указывает конкретных оснований увольнения, с которыми связано возникновение права на отпуск по личным обстоятельствам. Но трактовка ситуации неоднозначна: увольнение по болезни можно считать ухудшением состояния здоровья. ●

Преступления без срока давности

1 ← Снаряды гремели один за другим, люди падали в снег, немели от ужаса... Неожиданно появились фигуры в черных шинелях, как оказалось позднее, это были совсем юные матросы — вчерашние призывники.

Они помогали раненым и скованным страхом людям добраться до укрытия. Среди спасенных ими была и моя мама. Она вспоминала, как потом обнаружила, что ее пальто буквально полностью было посечено мелкими осколками снарядов. Но еще больше ее потряс вид, открывавшийся на Дворцовую площадь,—множество черных фигур в шинелях, большинство из которых лежало без движения. Молодые и бесстрашные ребята пожертвовали собой ради спасения горожан.

Еще мама много рассказывала, как воевала в береговых частях Краснознамённого Балтийского флота на знаменитом Ораниенбаумском пятачке, который немцы не могли взять в ходе осады. Ее зенитная батарея насчитывала 60 бойцов, из них трое мужчин: командир батареи, замполит и старшина, остальные—молодые девчонки, 18–20 лет.

Советскому народу удалось прорвать блокаду, в том числе благодаря его сплоченности и самоотверженности: и мужчины, и женщины держали оборону практически наравне. Каждая годовщина снятия блокады Ленинграда—это не только чувства уважения и непомерной благодарности тем, кто сражался за Родину, но и призыв чтить подвиг советского народа.

Ленинград удалось отстоять. Но фашисты захватили часть Ленинградской области. Что творилось на оккупированных территориях?

АЛЕКСАНДР БАСТРЫКИН: Нельзя забывать про Лужский рубеж. Луга был значимым стратегическим пунктом на подступах к Ленинграду. В 1941 году там шли ожесточенные бои, и советские солдаты существенно смогли замедлить немецкие войска, отсрочив блокаду Ленинграда. К сожалению, город все же не устоял под натиском больших сил врага, и территория была оккупирована. Творившиеся там зверства оккупантов доподлинно известны и имеют документальные подтверждения.

Над пленными жестоко издевались, их держали прямо на земле под открытым небом, невзирая на время года. От болезней и голода там ежедневно умирали сотни людей. В том месте, где людей держали, не осталось и травинки — растительность была попросту съедена голодными людьми.

Проводимые раскопки подтвердили, что тела людей просто сбрасывали в огромные ямы, кого-то расстреливали, а некоторых, судя по расположению тел, хоронили живьем. Среди жертв оккупантов были люди, различные по своим взглядам, убеждениям, национальностям и полу. Фашисты не жалели ни стариков, ни детей.

После окончательного освобождения Луги было подсчитано, что по сравнению с довоенным временем от местного населения осталось чуть больше 10 процентов.

Мужчины и женщины держали оборону Ленинграда практически наравне.

Все это еще раз иллюстрирует ужасы вероломного вторжения фашистов и последствия распространения подобной идеологии, и значимость единства народа перед лицом угрозы суверенитету. Об этом важно знать и помнить, тем более молодежи—будущему России. Нам известны подлинные события, подкрепленные множеством доказательств. Наш долг—передать эту память в тех же мельчайших подробностях, о которых нам стало известно из уст наших родителей, дедов и прадедов, не допустив пасквилей нашей героической истории.

Есть еще факты преступлений, совершенных в годы войны, за которые никто не ответил?

АЛЕКСАНДР БАСТРЫКИН: Следственный комитет расследует ряд уголовных дел о геноциде, совершенном в период Великой Отечественной войны. Среди них дело, возбужденное по результатам изучения рассекреченных ФСБ России архивных материалов об убийстве в октябре 1942 года воспитанников Ейского детского дома. Это преступление было совершено в ходе карательных операций членов зондеркоманды СС-10 «а». Тела 214 убитых детей обнаружены после освобождения Краснодарского края от немецко-фашистской оккупации. Часть военнослужащих была осуждена, однако некоторые так и не понесли наказания за совершенные злодеяния в отношении мирных советских граждан.

Весной прошлого года в районе деревни Жестяная Горка в Новгородской области поисковиками обнаружены захоронения времен Великой Отечественной войны с останками гражданских лиц. Медико-криминалистическими экспертами установлено, что эти люди стали жертвами карательных операций оккупантов в 1942–1943 годах. Эти действия мы также квалифицировали как геноцид.

АКЦЕНТ

Убийства и истребление гражданского населения до или во время войны составляют преступления против человечности и не имеют срока давности

Какие последствия могут иметь такие расследования спустя три четверти века после преступлений?

АЛЕКСАНДР БАСТРЫКИН: Согласно Уставу Международного Военного трибунала в Нюрнберге убийства и истребление гражданского населения до или во время войны составляют преступления против человечности, и такие преступления не имеют срока давности. В соответствии с нормами международного права и национального законодательства Следственный комитет России имеет все основания для проведения расследования вышеуказанных фактов.

В этом году появится новая форма международного сотрудничества, так как летом 2019 года ратифицирован Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам. Согласно этому документу для расследования уголовных дел по общим тематикам возможно создавать международные следственные группы.

Дополнительный протокол вступил в силу на территории нашей страны 1 января. Сейчас прорабатывается механизм реализации его положений и более тесного сотрудничества с Центральным ведомством управлений юстиции земель ФРГ по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге. Уверен, что такое сотрудничество придаст дополнительный импульс и ускорит работу по расследованию всего спектра преступлений.

Факты преступных действий, основанных на идеях расового превосходства, нацизма, пусть и по прошествии продолжительного времени, не должны остаться незамеченными и безнаказанными.

9 мая 2020 года Россия и весь мир отметят 75-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Вы входите в состав Оргкомитета «Победа» при президенте РФ. Как Следственный комитет участвует в подготовке к торжествам?

АЛЕКСАНДР БАСТРЫКИН: В преддверии юбилея Победы одна из наших важнейших задач—нравственное и патриотическое воспитание молодежи на примерах героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны, увековечение памяти Защитников Отечества.

В целях сохранения памяти и наследия Великой Победы 8 ноября 2019 года в Зале Славы Центрального музея Вооруженных Сил Следственный комитет дал официальный старт Всероссийской молодежной патриотической Эстафете добрых дел, посвященной этому важнейшему событию.

В этой инициативе мы получили поддержку президента, по указанию которого мероприятия Эстафеты добрых дел Следственного комитета включены в федеральный план мероприятий празднования 75-летия Победы.

Мы оказываем помощь ветеранам Великой Отечественной войны, семьям погибших ветеранов боевых действий и погибших юных героев Отечества. Нами развернута активная работа по приведению в порядок обелисков и памятников воинам, павшим в боях за Родину, шефская помощь домам престарелых и инвалидов, детским домам, работа в поисковых отрядах, освещение подвигов детей-героев и многое другое.

В Эстафете активное участие принимают представители межрегиональной общественной организации «Молодежный союз «Юный следователь», молодежные и юношеские организации и объединения субъектов РФ, общественные организации ветеранов войн, военных конфликтов и ветеранов следствия, сотрудники следственных органов и члены их семей. ●

Видеоролики о подвигах при прорыве блокады Ленинграда покажут в городах РФ — подробности на сайте **rg.ru/art/1815098**

Бочаров, Геннадий. Прохоровцы : воспоминание о тех, кто вернул к жизни священное поле / Г. Бочаров. - Текст : непосредственный // Родина. - 2019. - № 9 (сент.). - С. 59-62. - (Защитники Отечества).

Текст: Геннадий Бочаров

ПРОХОРОВЦЫ

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЕХ, КТО ВЕРНУЛ К ЖИЗНИ СВЯЩЕННОЕ ПОЛЕ

01

Прохоровское поле.

3

Засеянное озимой пшеничное поле. Старый зеленый танк Т-34. К танку подведен электрический свет. Местная инициатива: первый послевоенный памятник (**1947 год**).

Подарок

Вдали — село Прелестное. Село отстроено заново. Война оставила от села два дома.

— Один был ваш? — спрашиваю я Ивана Прохоровича Рязанова, местного жителя, с которым ходим по «танковому полю».

— Нет, — отвечает он. — Дом Хижняка. В доме у Николая , — добавляет, — и сейчас на гвозде — военная фуражка. Козырек пробит крупнокалиберной пулей. Хранит.

— А что еще от села осталось? — спрашиваю я. — После танкового боя?

— Земля, — говорит он.

— Но земля остается всегда, — говорю я.

— Остается, — соглашается он. — Но уже другая. Наша прохоровская земля до сих пор перемешана с осколками и кусками брони.

— И теперь?

— И теперь. Все эти годы мы ее «чистим» и «чистим». Но скрежещет.

— Я вижу, — говорю я. Говорю и показываю свой правый ботинок. Новенький, между прочим. На ботинке свежий «шрам» от ржавого осколка. Только что распорол (**1979 год**).

Иван Прохорович Рязанов — моторист водокачки. До водокачки, то есть до пенсии, работал трактористом. Пахал прохоровскую землю. Пахал всю жизнь. До войны крепкого, веселого, работящего парня заметила не только Прохоровка. Заметила Москва. Ударник-стахановец был приглашен на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Вернулся в Прохоровку. Следом — посылка. Вскрывали всей улицей. В посылке 4 рубашки, плащ, пальто и туфли.

А вдогонку — невиданной красоты серебряные карманные часы. С надписью на крышечке: «Участнику совещания трактористов-ударников. Москва».

Иваново счастье

Но счастливых людей , за которыми не ходило бы по пятам горе, на земле, как известно, не много. Приглядывало горе и за Иваном. В один из пахотных дней он попал под трактор. Из больницы вышел неузнаваемым. Вышел калекой. А тут — война (**1941 год**).

Спустя много лет он скажет: «В теле все укрепилось. Ужилось. Только покривило».

Иван жил рядом с «танковым полем». При нашей первой встрече скажет: «Вы бы видели, что здесь творилось. Как наши дрались. Любого бы на ноги поставило». Его поставило. Поднялo. Когда бои откатились на запад и танки растащили с пахотных земель, он снова сел за рычаг трактора. И перекошенный, но прочный, как коленвал, пахал поле еще почти 40 лет подряд.

Что спасает человека от жестоких ударов жизни? Крепость духа? Но дух может быть сломлен. Он может быть сломлен очевидной и постоянной непохожестью тебя, искалеченного, на другого, здорового. Самому крепкому духу, как и самой сильной воле, необходима опора. Она — в его деле. Только дело защищает человека: здорового — от бессмысленного существования, а пострадавшего — от отчаяния.

— Моя жизнь, — говорит Рязанов, — переплелась с хлебом на «танковом поле». А в другой раз, за совместной кружкой самогона, изречет: «Хлеб надо добывать, как золото. А не за золото» (**1983 год**).

Сына своего Колю Иван Прохорович приучил к рычагу трактора тоже с детства. На поле, освобожденном от искореженных танков врага, зрели не только колосья. Вместе с колосьями зрел и Коля. А вместе с Колей зрели и его сверстники-прохоровцы. Высокие слова? Да, не низкие. Но слова, произносимые на этот счет сегодня, бывают еще выше. А остывают намного быстрее, чем гильзы, отстрелянные на «танковом поле».

На месте довоенного дома Рязанова, превращенного когда-то в пепел и щепки, вырос новый. Шли годы. Однажды Иван Прохорович копал у подсевшего фундамента канавку для стока дождевых вод. (**1990 год**). В какой-то момент услышал металлический звук. Лопата налетела на осколок. Привычное дело. Но в земле что-то сверкнуло. Сверкнуло не так, как обычно. Рязанов нагнулся. Сердце словно бы остановилось. Пульс замер. Но между ударами пульса жизнь продолжается. В эту паузу Иван и увидел: в земле блестела серебряная крышечка от его любимых московских часов! И надпись еще можно было разобрать: ... ударнику... Ивану ... Рязанову... Москва. Всесоюзная выставка...

Он очищал крышечку, встав на колени, то ли для удобства, то ли перед своей юностью.

Одна судьба

Иван Филиппович Шеенко — уроженец прохоровских мест. И он рос вблизи «танкового поля». И видел ад. За рычагом трактора — с 15 лет. Была одна военная ночь, в которой сошлась тьма тысячи других ночей. Их, мальчишек, «утрамбовали» в сани и повезли к Гусь-Погореловской школе. Они знали: в школе фа-

°2
Немца прогнали.

02

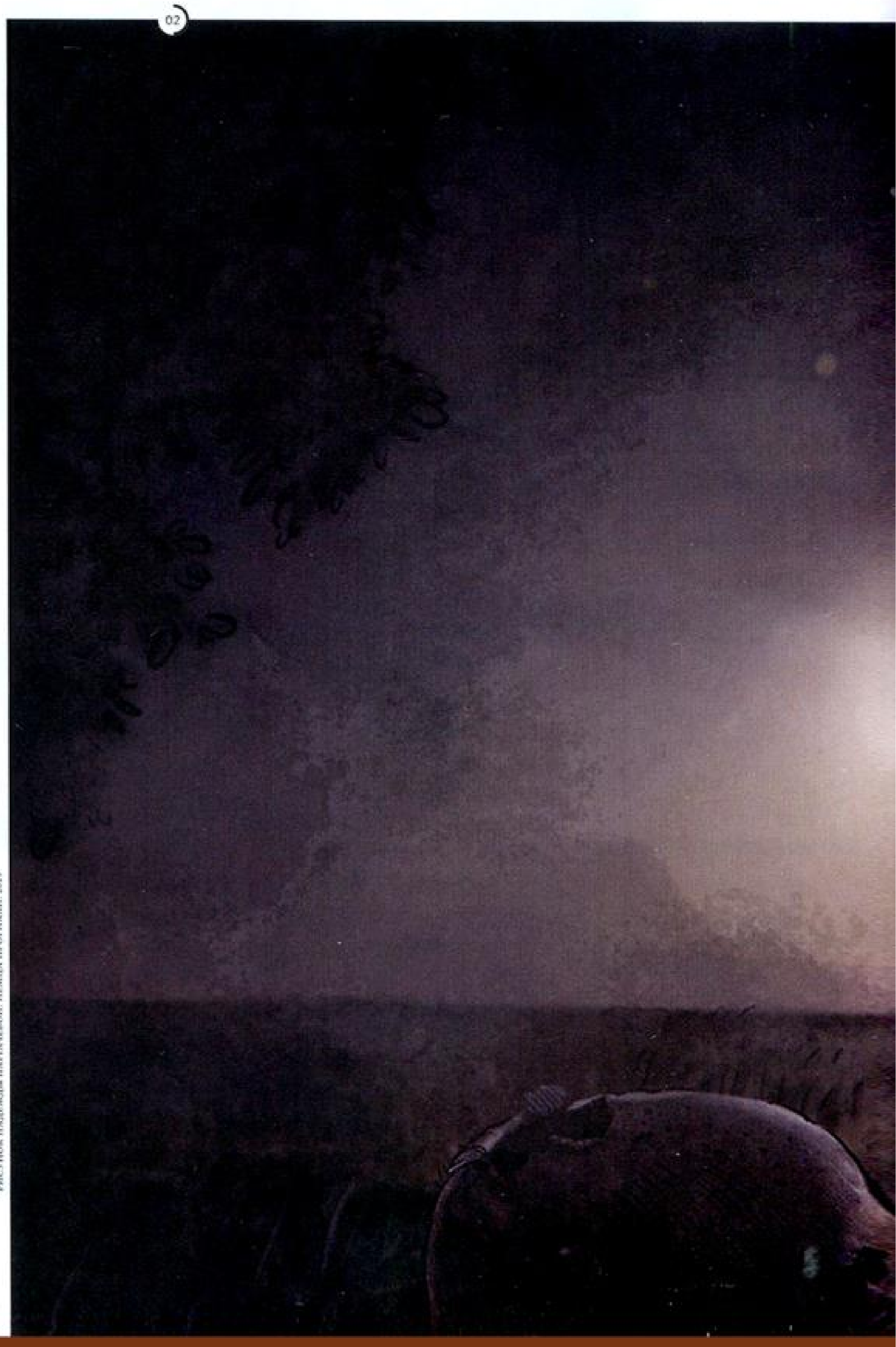


РИСУНОК НАДЕЖДЫ ПАРТАЧЕВОЙ. НЕМЦА ПРОГНАЛИ. 2019

шисты держат почти 600 советских пленных. Но и их, мальчишек, везли туда же! Месть за подрыв склада обмундирования.

За несколько сот метров до школы Иван услышал выстрелы. Увидел пламя: фашисты подожгли школу с четырех сторон. Все мгновенно разладилось: те, кто вез мальчишек, стали палить в темноту из автоматов. Иван выскочил из саней первым. Закричал ребятам: «Бежим!»

Рассеялись по скошенному полю. Никого не отловили. Но всех, кто был в школе, сожгли заживо.

Об этом преступлении в районе помнят все—все старые, кто был когда-то молодым, и молодые, ставшие старыми.

Трое суток Ваня Шеенко сидел в силосной яме. Трое суток он был комком боли. По силе, равной той силе, но уже в далеком будущем, станет для взрослого Ивана Шеенко только смерть сына. Хотя ни то, ни другое меры не знает.

Со временем Иван Филиппович Шеенко станет руководителем района. Тяжелейшие годы. Надрывали испытания. Он был одним из тех, на кого опиралась послевоенная страна. Откровения Шеенко:

—Выйду иногда ночью на порог. Смотрю на огоньки в домах, звезды на небе, где-то ребенок кричит «ма-а-а-ма», собака залает... Стою... Что-нибудь из прошлого пригрезится... Ну, да ладно, Геннадий...

—Что, ладно, Иван Филиппович?

—Да, ладно,—как бы извиняясь, повторяет он сдавленным голосом,—ладно...

ПЕРВАЯ ПАХОТА ПОСЛЕ ВОЙНЫ БЫЛА СТРАШНОЙ. ЛУКЬЯНОВ ВЕЛ СВОЙ ТРАКТОР, А ВПЕРЕДИ ШЛА ЕГО МАТЬ И ДРУГИЕ ЖЕНЩИНЫ. ОНИ НАГИБАЛИСЬ И ПОДНИМАЛИ С ЗЕМЛИ ПОГИБШИХ СОЛДАТ

ИВАН ВЫСКОЧИЛ ИЗ САНЕЙ ПЕРВЫМ. ЗАКРИЧАЛ РЕБЯТАМ: «БЕЖИМ!». РАССЕЯЛИСЬ ПО СКОШЕННОМУ ПОЛЮ. НИКОГО НЕ ОТЛОВИЛИ. НО ВСЕХ, КТО БЫЛ В ШКОЛЕ, СОЖГЛИ

Терпение земли

Сергей Иванович Лукьянов, как и все прохоровцы, за рычагом трактора с детства. В 13 лет Лукьянов видел танковое сражение. Мальчики прятались по погребам и ямам. Те, кто не сгорел и не погиб, выходили «наверх». Они не узнавали землю, на которой росли и играли. От их детства не осталось ничего. У многих — ни родных, ни домов. Пепел. Кочерыжки. Клочки кровли. И горы брони.

Передовая сверкала все дальше. Им, мальчишкам, после коротких наставлений давали старые тракторы. Лукьянову достался ХТЗ. Трактор называли «капитаном»: его бак крепился в форме офицерской портупеи. Горючее для тракторов сцеживали из баков подбитых танков. Танки утянули с места боев еще не все. Поле освобождали только для пахоты.

Пахота ждать не могла.

Главная черта Лукьянова: если страдала земля, с землей страдал и он, Сережа Лукьянов. Одно дело, говорил он, когда ураган рвал электрические провода, бил стекла в домах и валил столбы, и совсем другое, когда ураган калечил землю — сдирал посевы, сушил до пыли и доводил до трещин, в которые входили двухметровые палки. Это для Лукьянова было непереносимым. «Чего только наша земля не вытерпела, — говорил Лукьянов в минуты наших «философских», как он их называл, разговоров. «Мы у земли учимся всему, — говорил он. — А самые умные учатся терпению».

Первая пахота после боев была страшной. Он вел свой трактор, а впереди шла его мать и другие женщины. Шли инвалиды и старики, у кого шли ноги, и все они нагибались и поднимали с земли погибших солдат. Перекладывали на дырявые одеяла, на обожженные мешки. И на плащ-палатки. Несли к меже, до погребения. Пахал Сережа и по ночам — опережая дожди. Фар у большинства трактористов не было. Не было и у Сережиного «капитана» — черные, разбитые глазницы. Пахал на малом ходу.

— В темноте? — спрашивал я.

— Нет. Впереди шел напарник. Он раскачивал фонарем «летучая мышь». Так что было видно.

Я записывал в блокноте короткие ответы. И приписывал то, что казалось важным: темноту разгонял тусклый свет фонарей и рано созревающая воля детей.

Идем с Сергеем Павловичем по краю вспаханного клина. Лукьянов впереди, я чуть поодаль. Он внезапно остановился, я тоже. Стоял тракторист, молчал, вглядывался в пустоту. Чем-то он мне напомнил в эту минуту Шеенко. Может быть, у всех у них была одна и та же похожая минута? Только приходила в разное время? Он молча смотрел в пустоту поля. В пустоту неба. Что можно было увидеть в этой пустоте? Но это была пустота для меня. А для Сергея Павловича и живых, как он, людей одной судьбы, пустоты не было. И он, и они видели и слышали в ней свое прошлое. Ни один метр этой пустоты не был пуст — всюду были люди, их нарастающие голоса.

Нет пустоты, пока есть человек.

Вместе

В советское время на прохоровскую землю в дни памятных дат съезжалась «вся страна». Ведь не было в войну ни поля, ни высотки, ни города, за которые бы не сражались солдаты из всех уголков страны. В моих журналистских блокнотах, которые я перелистываю сейчас, сотни фамилий. Рязанов, Шеенко, Лукьянов — лишь трое из них. Лишь трое, опаленных пламенем «танкового поля»; трое, с которыми мне довелось когда-то познакомиться и сблизиться; трое, с которыми, прощаясь, обнимались.

А тогда... У каждого двора — столы. На столах еда, что у кого было. И стояла водка и, прости господи, самогон. Каждого, кто приезжал, звали к столам, как родного. Бывших фронтовиков возили по первой асфальтовой дороге, показывали новые усадьбы, новые крепкие дома. Примет войны не было. Но во власти военных воспоминаний были все.

Что защитит твое собственное прошлое от забвения?

Только твоя память.

А прошлое народа?

По-человечески — только память каждого о каждом.

°3

«А степная трава пахнет горечью...».

РИА НОВОСТИ

Бутаков, Ярослав.Маршал Жуков: взгляд без купюр / Я. Бутаков. - Текст : непосредственный // История от «Русской Семёрки». - 2019. - № 9. - С. 3-4.

Текст: Ярослав Бутаков

Маршал Жуков. 1966 г.
Е. Кассин, В. Савостьянов /Фотохроника ТАСС

МАРШАЛ ЖУКОВ: *взгляд без купюр*

Главный маршал Победы – так его неофициально прозвали ещё в советское время, и таким он и останется в истории. Однако победу, кроме Георгия Константиновича Жукова, ковали и другие, не менее выдающиеся военачальники. Кроме того, известно, что не бывает полководцев, не потерпевших неудач. Каким же был реальный вклад Жукова в победу?

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Характерно, что никто из историков не может привести примера ни одного гениального плана какой-либо операции, предложенного Жуковым. То есть не существует свидетельств его выдающегося стратегического таланта. Сам Жуков приписывал себе авторство замыслов некоторых операций. Насколько они оказались удачными по идее и по воплощению?

В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков говорил о том, что в разговоре со Сталиным в ночь на 30 июля 1941 года предложил нанести контрудар по немецким войскам в районе Ельни. Он мотивировал это тем, что здесь образовался выступ фронта, который может быть использован немцами в наступлении на Москву, и предлагал его срезать. В результате успешных наступательных действий Резервного фронта, командующим которого после этого разговора был назначен сам Жуков, ельнинский выступ противника был ликвидирован, и 6 сентября советские войска освободили город Ельню. В советской историографии это называлось первым крупным успехом Красной армии в Великой Отечественной войне и отмечалось, что под Ельней было разгромлено восемь вражеских дивизий.

Публикация документов, в том числе противника, в новейшее время заставила по-иному взглянуть на сражение под Ельней. В тот же самый день, 30 июля, когда Жуков вступил в командование Резервным фронтом, Гитлер директивой № 34 приказал группе армий «Центр» перейти к обороне на московском направлении. Следователь-

но, никакой угрозы наступления немцев из ельнинского выступа в тот момент не предвиделось.

В течение всего августа советские войска безуспешно атаковали немцев под Ельней, неся при этом большие потери. Наконец последнее наступление, начатое 30 августа, привело к тому, что немцы оставили ельнинский выступ, сократив линию фронта. Начальник генштаба сухопутных войск вермахта Гальдер с удовлетворением отметил, что «скрытый отвод войск с этой дуги явился неплохим достижением командования», добавив, что «противник ещё долгое время после того, как наши части были выведены, вёл огонь по этим позициям».

Ельнинский выступ обороняли всего четыре немецкие пехотные дивизии, и ни одна из них разгромлена не была. Более того, в ходе наступления в окружение попала и почти полностью погибла советская 109-я танковая дивизия. Утрата ельнинского выступа нисколько не помешала немцам меньше чем через месяц начать новое наступление на Москву и одержать внушительную победу под Вязьмой.

Стратегические планы операций, увенчавшихся крупными победами советских войск и навсегда оставшихся в истории военного искусства, – Сталинградской, Белорусской, Берлинской и т. д. – были плодом коллективных усилий, преимущественно в Генштабе. Характерно, что и сам Жуков никогда не приписывал себе их авторства.

Что касается осуществления операций, то и здесь, помимо успешных, Жуков руководил советскими войсками в весьма неудачных. Ярким примером служит операция «Марс» в ноябре-декабре 1942 года против немецких войск в районе Ржева. Идея атаковать ржевско-вяземский выступ противника относилась к числу излюбленных замыслов Жукова с тех пор, как он зимой 1941-42 гг. в качестве командующего Западным фронтом потерпел неудачу при попытке его ликвидировать.

На сей раз Жуков был представителем Ставки ВГК и координировал действия двух фронтов – Западного и Калининского. Наступление советских войск, начавшееся 25 ноября 1942 года, спустя месяц завершилось крупным поражением. На этот раз уже не дивизия, а целая армия – 41-я – попала в окружение в результате того, что Жуков не позаботился о флангах наступающих войск, и была разгромлена. Общие потери советских войск в этом сражении оцениваются более чем в 200 тысяч человек.

Маршал Андрей Ерёменко, командовавший Сталинградским фронтом, писал: «Жуковское оперативное искусство – это превосходство в силах в 5-6 раз, иначе он не будет браться за дело. Он не умеет воевать не количеством и на крови строит себе карьеру». Эта оценка подтверждается данными о соотношении сил и средств в тех наступательных операциях, которыми успешно руководил Жуков.

Однако справедливости ради необходимо уточнить, что и другие советские военачальники воевали аналогичным образом. Нельзя сказать, чтобы Жуков был хуже своих коллег по своим стратегическим талантам. Он, в общем, был такой же, как все они.

> По приказу № 4976 семьи сдавшихся в плен красноармейцев подлежали поголовному расстрелу

«АНТИКРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖЕР» СТАЛИНА

За счёт чего Жуков так выдвинулся вперёд во время войны? Прежде всего он импонировал Сталину своей решительностью, своим волевым настроем. Он не падал духом, не опускал руки в тяжёлых ситуациях. Сталин быстро понял, что если где-то на фронте случилась катастрофа, его последняя палочка-выручалочка – это Жуков.

Портрет маршала Г. К. Жукова. П. Корин. 1945 г.

Жуков, прибыв к новому месту назначения, прежде всего наводил порядок жестокими мерами, устанавливал беспрекословную дисциплину и повиновение среди подчинённых, не останавливаясь перед рукоприкладством и угрозами расстрела. Ныне стал известен приказ Жукова № 4976, изданный им в качестве командующего Ленинградским фронтом, от 28 сентября 1941 года. По нему семьи сдавшихся в плен красноармейцев подлежали поголовному расстрелу, а самих красноармейцев по возвращении из плена ожидала такая же участь.

Понятно, что такой приказ буквально не выполнялся, так как он противоречил приказу Ставки № 270 (тоже драконовскому, но не настолько).

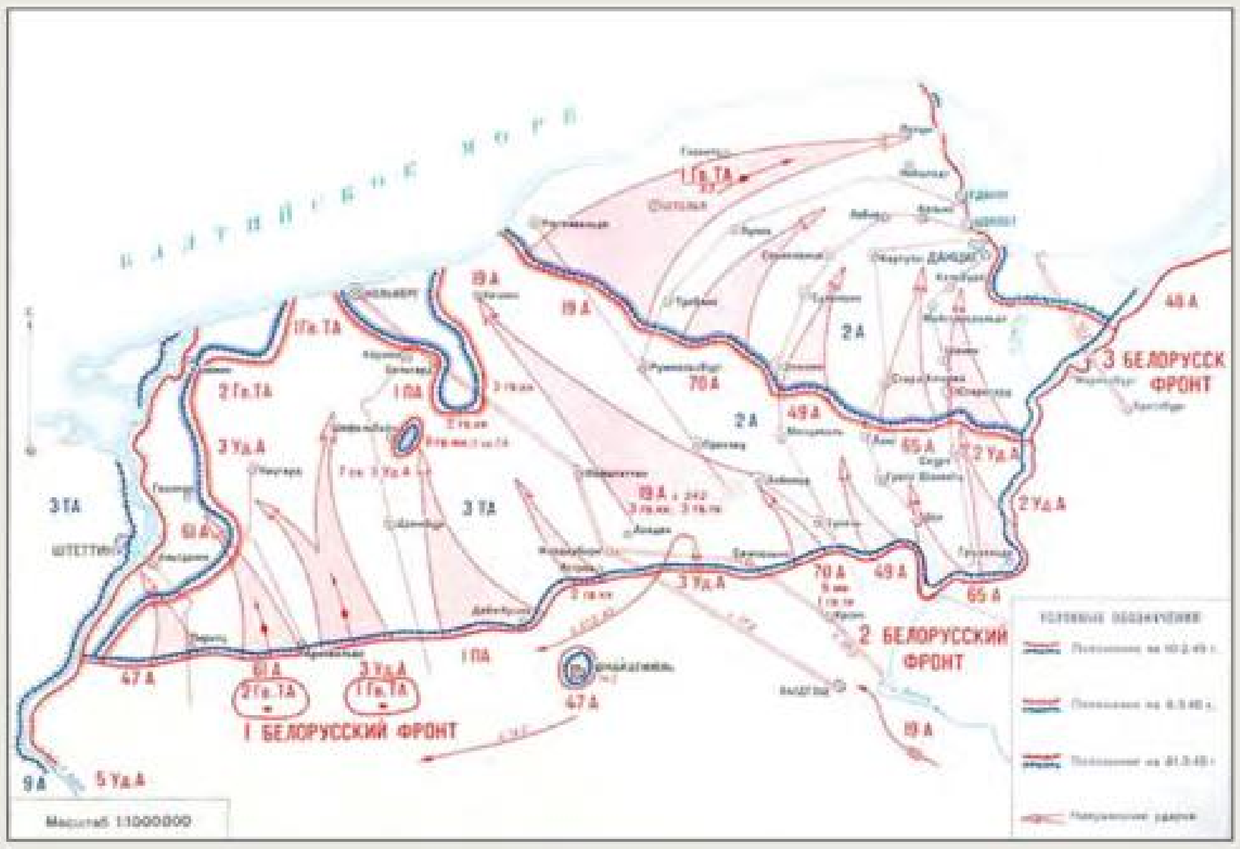
Неизвестно, насколько страхом репрессий Жуков действительно укреплял дисциплину и боеспособность вверенных ему войск. Главное – Сталину казалось, что укрепляет, поскольку сам Сталин никогда не мыслил иначе. Все эти меры, адекватны они были сложившейся ситуации или нет, соответствовали имиджу настоящего большевика.

И ещё – Сталин был уверен, что там, где Жуков, там он может быть спокоен за свою власть. Жуков был абсолютно лоялен хозяину Кремля. Совершенно беспочвенны некоторые нынешние выдумки про то, будто Жуков в качестве начальника Генштаба перед войной чуть ли не нарочно подстроил поражения советских войск, чтобы вызвать падение Сталина и занять его место. И после войны, когда Сталин подверг Жукова опале, многие из завистливых коллег Жукова хотели бы стереть его, по ходячему выражению, «в лагерную пыль». И только заступничество Сталина позволило Жукову отделаться всего лишь скромным понижением в должности.

В той войне, в которой сталкивались многомиллионные массы людей и тысячетонные стены железа и огня, мало что зависело от отдельного человека. Было бы нелепостью утверждать, что если бы не было Жукова, то не было бы и победы. Такой же нелепостью было бы говорить, что кто-то другой мог привести к победе быстрее, чем Жуков.

Восточно-померанская операция. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2020. - № 2. - 2-я стр. цв. вкл.

ВОСТОЧНО-ПОМЕРАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ



Восточно-Померанская операция

К.К. Рокоссовский и Г.К. Жуков

Танки на марше

В РЕЗУЛЬТАТЕ успешного завершения Висло-Одерской операции силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (12 января—3 февраля) и с началом Восточно-Прусской операции (13 января—25 апреля) 1945 года советские войска вышли на р. Одер буквально в 60 км от Берлина, захватили плацдармы на её западном берегу, окружив большую группировку войск противника в Восточной Пруссии.

Немецкое командование приступило к развёртыванию в Восточной Померании части сил группы армий «Висла» под командованием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера с задачей нанести удар по правому крылу 1-го Белорусского фронта, разгромить его войска в районе приграничного города Кюстрин и сорвать подготовку советского наступления на Берлин. Немецкая группировка включала до 26 дивизий, в том числе четыре танковые.

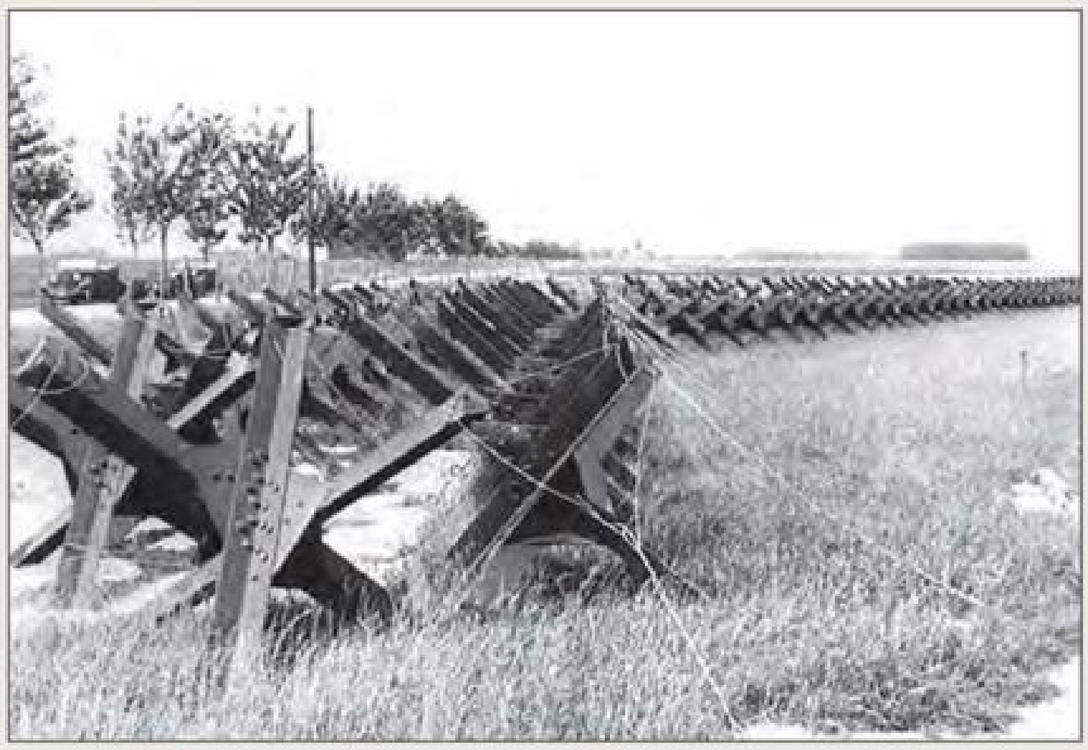
Советское Верховное Главнокомандование, обнаружив сосредоточение крупных сил противника в Восточной Померании и определив его намерения, 8 февраля приказало 2-му Белорусскому фронту под командованием Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского разгромить восточно-померанскую группировку противника. Эта операция стала продолжением успешного зимнего наступления советской армии.

10 февраля войска центра и левого крыла 2-го Белорусского фронта в составе 3 общевойсковых, одного танкового и одного механизированного корпусов при содействии авиации 4-й воздушной армии и кораблей Балтийского флота под командованием адмирала В.Ф. Трибуца перешли в наступление.

Прорыв вражеской обороны принял затяжной характер. Действиям советских войск мешали распутица и сложные условия лесисто-озёрной местности. Противник, опираясь на глубоко эшелонированную оборону, оказывал ожесточённое сопротивление. В ходе десятидневных тяжёлых и упорных боёв советские войска смогли продвинуться на линии фронта лишь на 40—60 км и были вынуждены прекратить наступление на рубеже Гнев—Хойнице—Ратцебур.

Между тем немецкие войска силами до шести дивизий 17 февраля нанес-

Советские артиллеристы ведут огонь из 122-мм гаубицы А-19 на улице Данцига



Противотанковые заграждения у дороги в окрестностях Данцига

ли сильный контрудар по войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и в течение четырёх дней потеснили части 47-й армии в районе Штаргарда на 8—12 км.

После того как войска фронта отразили контрудар, противник перешёл к обороне на всём фронте от Вислы до Одера и приступил к усилению восточно-померанской группировки.

Советское командование пришло к выводу, что сил одного 2-го Белорусского фронта для разгрома противника недостаточно. Ставка решила привлечь к Восточно-Померанской операции войска правого крыла 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского под командованием С.Г. Поплавского.

В ходе Восточно-Померанской операции, которая завершилась 4 апреля, советские войска разгромили и уничтожили свыше 20 дивизий и 8 бригад противника. В плен было захвачено около 100 тыс. человек. Противник потерял более 200 танков, около 3500 орудий и миномётов, 430 самолётов, большое количество кораблей и другой военной техники и имущества.

Эта операция по своему размаху и результатам стала одной из важнейших операций победной кампании 1945 года. Разгром восточно-померанской группировки обеспечил успешное наступление советской армии на Берлин и ликвидацию немецких войск в Прибалтике и Восточной Померании, что стало предпосылкой для победного завершения Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

От врага освободили всё южное побережье Балтийского моря — от Данцига (Гданьска) и Гдыни до устья Одера. Польскому народу вернули исконные славянские земли на побережье Балтийского моря, включая Померанию-Поморье.

Советский тяжёлый танк ИС-2 на улице города Штаргард в Восточной Померании

Немецкие станковые 88-мм противотанковые гранатомёты «Пупхен» (Raketenwerfer 43 «Puppchen»), захваченные советскими войсками в одном из городов Померании

После боя

Фото 28 февраля 1945 г.

Вспомнить всех поименно : под Ржевом начинается монтаж 25-метровой бронзовой скульптуры Советского солдата / фот. М. Фролов. - Текст : непосредственный // Союзное государство. - 2019. - № 10 (окт.). - С. 48-51 : фот.

Вспомнить всех поимённо

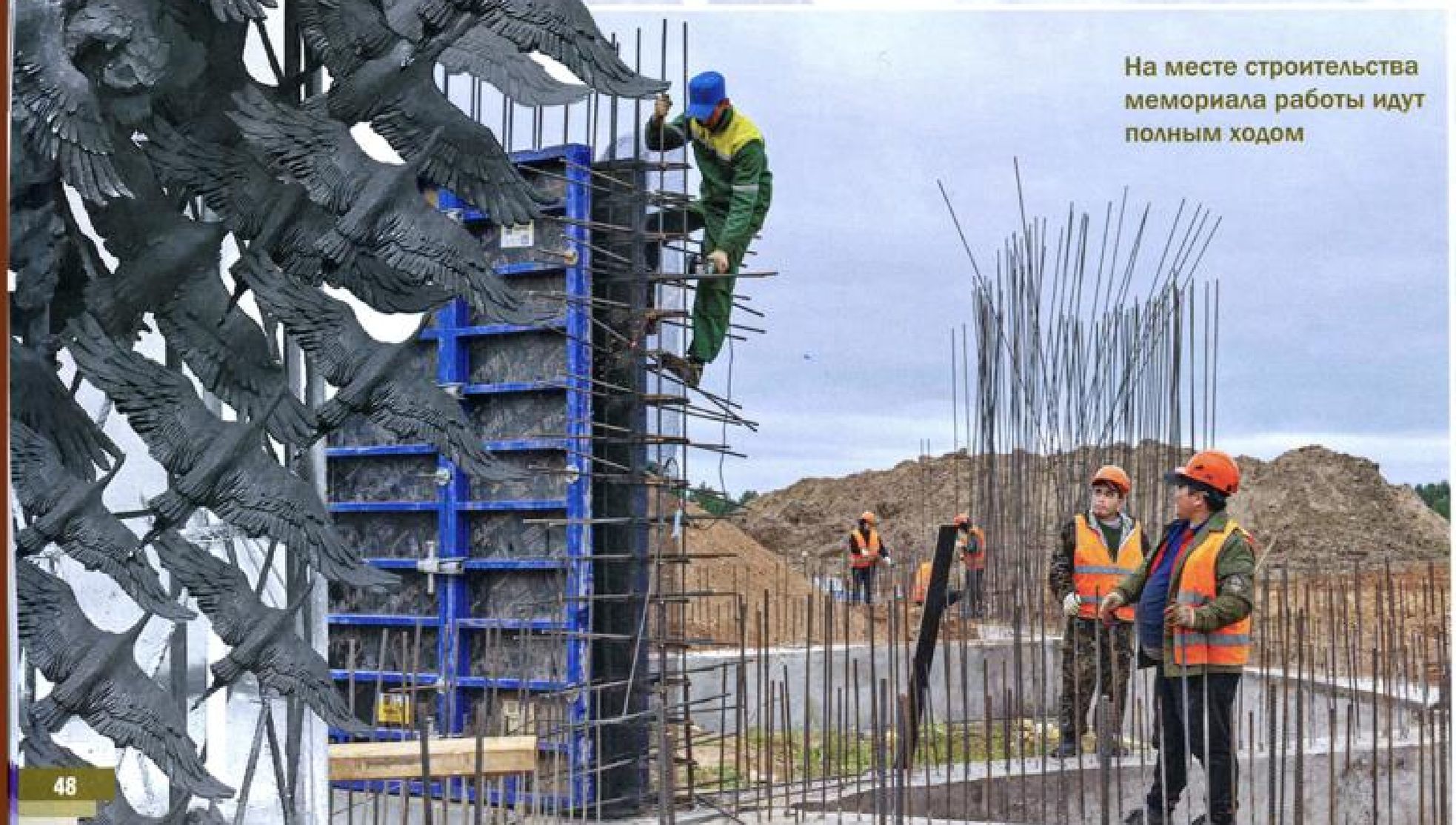
Под Ржевом начинается монтаж 25-метровой бронзовой скульптуры Советского солдата

Российское военно-историческое общество установило имена 66 тысяч погибших в Ржевской битве солдат и офицеров. Работа эта продолжается, ведь, по оценкам историков, безвозвратные потери Красной армии в боях на Ржевско-Вяземском выступе, длившихся с 5 января 1942 года по 21 марта 1943-го, включая убитых, умерших от ран, пропавших без вести, составили свыше 400 тысяч бойцов и командиров. Это сражение не зря называют «ржевской мясорубкой» – оно стало одним из самых кровопролитных. Эта битва имела огромное значение в истории Великой Отечественной войны: здесь были удержаны и обескровлены силы гитлеровской группы армий «Центр», фашистам не дали всей мощью двинуться в наступление по другим направлениям.

Имена погибших будут увековечены на памятных плитах мемориала Советскому солдату, который строится сейчас недалеко от Ржева, непосредственно в том месте, где гремели бои. Это будет масштабный памятник, один из самых крупных в России и Европе – 25-метровая фигура солдата на высоком насыпном холме.

Сейчас на месте строительства уже вбито более тысячи свай, ведутся монолитные работы, идут отсыпка кургана, бетонирование опорных стен, которые пойдут под облицовку кортеновской сталью, на стальных панно и будут вырезаны имена воинов. Монтируются инженерные и дренажные сети, трубопроводы, закладные гильзы. Строители проводят бетонирование автостоянки, а также обходной дороги – под гранитное мощение. В августе началось строительство музейного павильона, в котором разместится филиал Музея Победы. А с 10 октября на объекте стартует монтаж самого памятника, части которого отливаются в бронзе на предприятии Александра Рукавишникова в Солнечногорске.

Исполнительный директор Российского военно-исторического общества Александр Барков рассказал,



На месте строительства мемориала работы идут полным ходом

А эти снимки сделаны в мастерской скульптора Рукавишникова. 25-метровая фигура солдата отливается по частям

что благодаря народным пожертвованиям на возведение мемориала поступила большая часть требующихся средств. На платформе ДАР.ИСТОРИЯ.РФ уже аккумулировано более 265 млн рублей, деньги продолжают поступать. Из бюджета Союзного государства перечислено 200 млн рублей.

– Всё чаще и чаще жертвователи указывают не только своё имя, но и добавляют, в память о ком эти средства направляются. Наша первоочередная задача – чтобы как можно больше неравнодушных людей почувствовали собственную сопричастность и в момент открытия этого величественного монумента почувствовали, что в нём есть частица их души. Мне кажется, что это так же важно, как техническая и художественная часть работ, – отметил Александр Барков.

Также в Российское военно-историческое общество идут письма с рассказами о родных и близких, сложивших головы на Калининском фронте. Среди павших было немало тех, кто родился и уходил на фронт из Белоруссии. Биографии павших воссоздаются специалистами РВИО по документам из фондов Центрального архива Министерства обороны России.

На панелях из кортеновской стали – имена павших

(Продолжение. Начало в №№ 7, 8–9 за этот год)

ВОЖИК Николай Алексеевич, младший сержант, родился в 1910 году в городе Городок Витебской области, оттуда же призывался в РККА. Служил командиром отделения в частях 183-й стрелковой дивизии. Дивизия с начала августа 1942 года принимает участие в Ржевско-Сычёвской стратегической наступательной операции, выходит на подступы к Ржеву и штурмует немецкие укрепления, неся большие потери. Убит 4 августа 1942 года. Похоронен в 400 м северо-восточнее деревни Малое Карпово Ржевского района. Жена Надежда Яковлевна проживала в городе Городок, Пролетарская улица, 66. Перезахоронен в братской могиле в деревне Глебово сельского поселения Успенское Ржевского района.

ВОЛЧИК Николай Николаевич, сержант, родился в 1919 году в деревне Замшаны Малоритского района Брест-Литовской области. Проходил службу в подразделениях 618-го стрелкового полка 215-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Части дивизии принимали участие в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции под руководством И.С. Конева и Г.К. Жукова, по её итогам вышли на подступы Ржева, где перешли к активной обороне. Занимаемые рубежи прочно удерживали и периодически вели наступательные бои с целью улучшения позиций. В одном из таких боёв под Ржевом красноармеец Волчик и был убит 16 сентября 1942 года, похоронен здесь же. Позже перезахоронен в братской могиле на Смоленском кладбище Ржева. Отец – Волчик Николай Трофимович.

ВОРОБЕЙ Илья Никитович, красноармеец, родился в 1922 году в деревне Маломироновка Старобинского района Минской области, оттуда же призывался в ряды РККА. Службу проходил в должности стрелка в частях 2-й гвардейской мотострелковой (49-й гвардейской стрелковой) дивизии 30-й армии Калининского, а позже Западного фронта. Части дивизии принимали участие в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции. В одном из боёв красноармеец Воробей был ранен и контужен и умер от ран 25 августа 1942 года. Похоронен на юго-западной окраине деревни Апалево Мологинского сельсовета Луковниковского района Калининской области, в 80 м справа от дороги. Позже был перезахоронен в братской могиле.

КЛИМЕНЧУК Александр Фёдорович, младший лейтенант, родился в 1913 году в Минске, в районе Комаровка. В РККА призван Думиничским райвоенкоматом Смоленской области. Службу проходил командиром взвода 908-го стрелкового полка 246-й стрелковой дивизии Западного фронта. Со своим взводом сражался за город Зубцов, держал оборону под Ржевом. 16 августа 1942 года в одном из боёв был убит под деревней Батино Ржевского района Калининской области, где и похоронен.

Позже прах его перенесён в братское воинское захоронение в деревне Глебово сельского поселения Успенское Ржевского района. Жена, Клименчук Татьяна Никитична, проживала в деревне Кипелька Думиничского района тогда Смоленской, а ныне Калужской области.

КЛИМОВИЧ Григорий Владимирович, сержант, родился в 1922 году в деревне Новые Терешковичи Гомельского района Гомельской же области. Отсюда призывался в ряды РККА. Службу проходил командиром отделения 433-й отдельной разведроты 379-й стрелковой дивизии. После 22 дней позиционных боев на подступах к Москве дивизия 17 января 1942 года переходит в наступление и, продвинувшись за несколько дней на 40 км, выходит к новому оборонительному рубежу в районе Погорелого Городища. Весь февраль её подразделения участвуют в операции по деблокаде частей 29-й армии, которую враг окружил встречными ударами из Ржева и Оленина. Переброшенная под Ржев дивизия вела напряжённые бои в районе Насонова, занимая плацдарм по Волге, который противник безуспешно пытался ликвидировать. В конце июня дивизию вывели в тыл Калининского фронта – готовиться к наступлению на Ржев в составе 30-й армии при поддержке 28-й танковой бригады в составе 7 танков КВ, 20 Т-34 и 16 Т-60. Сильный дождь затруднял действия танков, но наша пехота взломала оборону противника и заняла деревню Космариха, продвигаясь дальше на юг. Близ Космарихи 1 августа 1942 года Григорий Климович был убит. Похоронен там же. Позже останки перенесены в братское воинское захоронение в деревне Полунино сельского поселения Победа, Образцовский территориальный участок в 7 км от Ржева. Отец, Климович Владимир Захарович, проживал в деревне Новые Терешковичи Гомельской области.

КЛИМОВИЧ Владимир Николаевич, красноармеец, родился в 1911 году в Узденском районе Минской области. В ряды РККА призван Кагановичским РВК города Минска. Служил стрелком в частях 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Дивизия, до того 249-я стрелковая, получила это высокое звание 16 февраля 1942 года за отличия в боях на Калининском фронте. Также она была

награждена орденом Ленина за освобождение Пено, Адреаполя и Торопца и дерзкий рейд к Витебску. В ходе боевых действий первой Ржевско-Сычёвской наступательной операции дивизия ведёт кровопролитные бои за деревню Полунино и укреплённый узел Полунино – Тимофеево – Галахово – высота 200 «Огурец» в 4–6 км севернее Ржева, где теряет большую часть личного состава. Красноармеец Климович погиб в ходе этих боёв в районе деревни Рамино 28 сентября 1942 года. Похоронен здесь же в братской могиле № 11. В 1954–1956 годах его прах был перенесён в братское захоронение в деревне Сытьково – в 40 км от Ржева. Позднее его дивизия в составе 30-й армии Западного фронта освободит Ржев и район, после тяжёлых продолжительных боёв прорвав оборону противника и форсировав Волгу.

Отец, Климович Николай Васильевич, проживал на территории Теляковского сельсовета Минской области.

КОВАЛЕВСКИЙ Иван Сидорович, младший лейтенант, родился в 1918 году в деревне Нертка Белицкого сельсовета Сеннинского района Витебской области. В РККА призван Толочинским РВК. Направлен в учебный полк, из которого распределён на Северо-Западное направление, где стрелковые дивизии вели бои по расширению плацдарма напротив деревни Невская Дубровка. Участвовал в боях на Невском пятачке. Дальнейшую службу проходил в должности командира взвода 1245-го стрелкового полка 375-й стрелковой дивизии, сформированной в Свердловской области. Дивизия сражалась в районе Ржева, освобождала от врага Старицу, в составе 30-й армии Калининского фронта под командованием генерал-майора Д.Д. Лелюшенко освободила более 150 деревень и сёл Калининской области и четыре квартала Ржева, неоднократно с боями форсировала Волгу. Заняв рубеж обороны в районе Клепенино – Ножкино – Тимонцево – Старое Коростелёво, отражала яростные атаки пехоты и танков врага, наступающего вдоль шоссе Ржев – Селижарово. Под командованием генерал-майора Н.А. Соколова успешно провела ряд наступательных операций, прорвав оборонительные линии гитлеровцев западнее и севернее Ржева. Высоко оценил боевые действия уральской дивизии военный совет 30-й армии. В приказе от 8 мая 1942 года сказано: «375-я стрелковая дивизия, действуя в составе 30-й армии, в борьбе с немецкими оккупантами показала исключительное мужество и героизм». Военный совет 30-й армии особо отметил исключительные заслуги всего личного состава дивизии в период особенно напряжённых боёв армии (февраль – март 1942 года), где «375-я стрелковая дивизия играла ведущую роль и не раз обращала в паническое бегство фашистские орды...». Боевые качества воинов-уральцев вынуждены были признавать даже фашистские вояки. «Перед нами опять появились уральские черти, – писал домой немецкий солдат Гельмут Берг. – Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям. Они сумасшедшие, упорные, сражаются даже тогда, когда тяжело ранены».

В декабре 1942 года подразделение совершает марш в район деревни Кокошкино, заступив на смену частям 380-й стрелковой дивизии. Переходит в наступление, однако натыкается на глубокую оборону, вынуждено отбивать постоянные контратаки противника. Немецкую оборону взломать не удалось, дивизия втянулась в позиционные бои и из-за больших потерь была выведена на переформирование.

Памятник создаётся на народные пожертвования, внести свой вклад в создание мемориала может каждый на портале dar.histrf.ru

Шестого декабря 1942 года в список погибших был внесён и младший лейтенант Ковалевский. Был похоронен в деревне Литвиново Ржевского района. Позже его прах был перенесён в братское захоронение в деревне Кокошкино сельского поселения Хорошево Ржевского района. Отец, Ковалевский Сидор Язенович, проживал в колхозе Новожитье Димаковского сельского совета Толочинского района Витебской области.

КОВЗЕЛЬ Петр Фёдорович, красноармеец, родился в 1912 году в Минском районе Минской области. Беспартийный. Призван в РККА Минским райвоенкоматом. Службу проходил стрелком в частях 359-й стрелковой дивизии в составе 30-й и 31-й армий Калининского фронта. Громил немецко-фашистские войска под Москвой. Боевое крещение принял в декабре 1941 года под Калинином (ныне Тверь) в составе 31-й армии. С марта по конец июля 1942 года участвует в боях за плацдарм за Волгой в районе Клепино – Воробьёво, а с 30 июля 1942 года – на Ржевском направлении. Убит в бою 24 августа 1942 года. Похоронен в районе деревни Полунино Ржевского района. Позже перезахоронен здесь же в братское воинское захоронение. Родственники проживали в Руденском районе Минской области. Однополчане Петра Ковзеля 16 сентября 1943 года освободили город Ярцево Смоленской области, за что дивизии было присвоено почётное поименование Ярцевская.

Фото: **Михаил ФРОЛОВ**

Грибан, Ирина Владимировна. Историческая реконструкция событий Великой Отечественной войны: современные тенденции / И. В. Грибан, К. А. Антропов. - Текст : непосредственный // Преподавание истории в школе. - 2019. - № 3. - С. 40-46.

И.В. Грибан, К.А. Антропов

Историческая реконструкция событий Великой Отечественной войны: современные тенденции

Одним из инструментов формирования и сохранения исторической памяти о событиях прошлого является историческая реконструкция. В последнее время в отечественной литературе этой теме уделяется существенное внимание. Так, историческая реконструкция рассматривается как социокультурный феномен[1], основа для повышения туристической привлекательности региона[2], перспективное направление воспитательной работы и средство актуализации интереса к прошлому[3] и даже как особая молодежная субкультура[4]. В большинстве случаев исследователями под исторической реконструкцией понимается «воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных, письменных источников; движение, ставящее перед собой научные цели и использующие метод научного эксперимента для решения и более глубокого изучения исследуемого вопроса»[5]. Особенностью развития движения реконструкции в России является ее милитаризация – повышенное внимание к реконструкции событий, связанных с историей войн (Отечественная 1812 г., Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая), что обусловлено ролью этих событий в истории страны, их ключевым значением для коллективной памяти россиян.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что отечественные авторы чаще всего обращаются к такому направлению деятельности реконструкторов, как исторические фестивали (военно-историческое моделирование). Военно-исторический фестиваль является в большей степени образовательным мероприятием, направленным на привлечение внимания к событиям прошлого, где зрители, гости фестиваля могут через формат «живой истории» посетить средневековый город, лагерь вермахта или РККА, познакомиться с образцами униформы, снаряжения, оружием противоборствующих сторон, увидеть воссозданный реконструкторами фрагмент боя. Военно-исторические фестивали, «активная» фаза которых проходит в течение дня, обычно не позволяют должным образом реализовать практические изыскания по многим бытовым и боевым аспектам реконструируемых событий и эпизодов. Это приводит к поиску других способов проведения полевых мероприятий военно-исторического характера. В рамках данной статьи считаем целесообразным отдельно выделить тактические полевые выходы как направление военно-исторической реконструкции событий Великой Отечественной войны, набирающее все большую популярность в Уральском федеральном округе. Ключевой задачей этого направления является изучение боевого пути соединений,

---

Ирина Владимировна Грибан – кандидат исторических наук, доцент, директор центра культурно-образовательных проектов Уральского государственного педагогического университета, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью; **Кирилл Александрович Антропов** – магистрант Института общественных наук Уральского государственного педагогического университета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-59-00010 Бел_а «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России»).

E-mail: Gribanirina@gmail.com; museum.uspu@mail.ru

сформированных в период Великой Отечественной войны на территории урало-сибирского региона.

На современном этапе развития военно-исторической реконструкции применение образцов тяжелого вооружения является крайне редким. Причина этого – в особенностях законодательства, регулирующего использование исторических образцов техники в гражданском обороте, а также в том, что и аренда, и приобретение техники, и доставка ее на место проведения реконструкторских мероприятий – слишком дороги не только для отдельных реконструкторов, но и для военно-исторических клубов. Вследствие этого, при выборе воинского соединения для реконструкции, предпочтение отдается пехотным, а не механизированным соединениям. Ярким примером является Уральский добровольческий танковый корпус – наиболее крупное воинское соединение, сформированное на Урале в период Великой Отечественной войны. Отдельные мероприятия военно-исторической направленности проводятся, но военно-исторических клубов, специализирующихся на воссоздании именно танковых соединении УДТК, на данный момент нет. Есть клубы, которые воссоздают отдельные стрелковые батальоны в составе 10-го гвардейского уральского добровольческого танкового корпуса, которые выступали как средство поддержки танковых соединений на поле боя (например, военно-историческое объединение «Урал-Фронт» реконструирует 743-й отдельный стрелковый батальон 10-го гвардейского уральского добровольческого танкового корпуса)[6]. Зачастую же предпочтение среди военных реконструкторов, занимающихся периодом Великой Отечественной войны, отдается стрелковым соединениям, сформированным на территории урало-сибирского региона. Так, екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит» занимается реконструкцией подразделений 128-й стрелковой дивизии, сформированной на базе 311-го стрелкового полка 65-й стрелковой дивизии в августе 1939 г.[7] Тюменский военно-исторический клуб «Сибирский рубеж»[8] – реконструкцией соединений 65-й стрелковой дивизии, позднее преобразованной в 102-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Свердловская общественная организация военных реконструкторов «Солдатскими дорогами» специализируется на реконструкции 13-го гвардейского стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии[9]. Военно-исторические клубы из Челябинска сфокусировали свое внимание преимущественно на стрелковых соединениях. Хотя есть и своя специфика – наличие реконструкторов, занимающихся воссозданием облика летного состава ВВС РККА периода Великой Отечественной войны. В связи с тем, что Челябинск в годы Второй мировой войны занимал одно из ведущих мест в советском военно-промышленном комплексе, а Челябинская область внесла большой вклад в создание Уральского добровольческого танкового корпуса, довольно популярным является реконструкция облика танкистов автобронетанковых частей РККА[10].

Чем содержательно тактический полевой выход отличается от более привычного формата военно-исторического фестиваля?

Во-первых, отличие заключается в отсутствии зрителей. Полевые выходы организуются преимущественно в лесных массивах, на площадках, наиболее аутентичных выбранному историческому периоду, будь то заброшенные заводские корпуса, деревни, воинские части, полигоны. Для военно-исторических фестивалей важна зрелищность, поэтому для их проведения чаще всего выбирают удобную, четко ограниченную организаторами площадку (в большинстве случае это большая поляна, либо лесопарковая зона). В таких условиях предполагается скопление большого количества реконструкторов на небольшом участке, расстояния между противоборствующими сторонами – минимальные, что приводит к нереальной как исторической, так и военной обстановке, но при этом фрагмент реконструируемого боя получается для зрителей наиболее зрелищным. Как справедливо отмечает В.И. Глухарев, «хотя подобные зрелища – это не настоящее большое искусство, а скорее красивое развлечение, тем не менее, на зрителей они имеют несомненное этическое, эмоциональное и эстетическое воздействие, в особенности, на подрастающее поколение»[11]. При организации такти-

ческих полевых выходов расстояния в большинстве случаев идентичны тем, которые были характерны для реконструируемого эпизода.

Во-вторых, если во время проведения военно-исторических фестивалей пехотные соединения находятся на открытой площадке с имитацией защитных сооружений, траншей, укрепленных позиций из мешков с песком и т. д., то при организации тактических полевых выходов производится оборудование оборонительных позиций в полный профиль согласно Боевому уставу пехоты РККА 1938 г.[12] Так, во время организованного 20–21 июня 2015 г. СРОО ВР «Солдатскими дорогами» полевого тактического выхода, посвященного событиям лета 1944 г. на территории Белоруссии (боевым действиям с 13.07 по 14.07 1944 г. в районе населенного пункта Ромельки), усилиями бойцов РККА была организована оборона высоты с пулеметным окопом и цепью одиночных ячеек. В результате реконструкции этого боя удалось ответить на некоторые вопросы, которые являлись дискуссионными в среде реконструкторов и военных историков. Например, вопрос о жизнеспособности системы обороны, построенной на ячеечной основе. В ходе срабатывания пиротехнических зарядов (имитирующих обстрел 81-мм минометов), отдельный красноармеец не видел, что происходит на поле боя, испытывал психологическое напряжение от невозможности знать о судьбе своих товарищей, не имея возможности своевременно получать команды и распоряжения командиров. В ходе боя, завязавшегося после обстрела, часть красноармейцев, не разобравшись в ситуации, оставила свои позиции, что позволило противнику незаметно с фланга ударить по основной группе красноармейцев. Бойцы, находящиеся в ячейках, начали отступать, не видя своих сослуживцев и не имея связи с ними, что в итоге привело к бегству соединения РККА, и, по сути, – к его гибели. При использовании траншей данная ситуация могла бы быть предотвращена, т. к. бойцы находились бы в зоне видимости друг друга, и получение команд ускорилось бы, а ответвления траншей позволили бы организовать более прочную оборону и отбить наступление противника. Таким образом, реконструкторы провели эксперимент, на практическом опыте разрешив дискуссионный вопрос.

В-третьих, немаловажным аспектом военно-исторической реконструкции является организация маршей или передвижение на технике. В рамках военно-исторических фестивалей движение транспортных колонн или передвижение походным строем пехоты в большей степени инсценируются. Во время тактических полевых выходов марши организуются на длительные расстояния, независимо от погодных условий и времени года. Примером могут служить тактические военно-исторические полевые выходы, в ходе которых проводились марши на длительные расстояния в составе стрелковых соединений, организованные клубами военно-исторической реконструкции из Тюмени, Перми, Челябинска, Екатеринбурга, Уфы. Это описанный выше военно-исторический тактический полевой выход 20–21 июня 2015 г., посвященный событиям лета 1944 г. на территории Белоруссии[13]; полевой тактический выход 21.02.2016 г., посвященный боевым действиям с 15.02 по 20.02.1944 г. в районе населенного пункта Павловка Черкасской области УССР[14]. Наиболее масштабный марш был организован в рамках полевого тактического выхода 23–24 сентября 2017 г., посвященного событиям 30 октября 1941 г. на Ленинградском направлении в районе населенного пункта Шапки[15]. В ходе этого марша было организовано движение колонны техники с задачей выхода из окружения, личный состав сводного отряда под командованием капитана РККА обеспечивал защиту техники. В период движения колонна неоднократно подвергалась атакам, в результате попытки прорыва из окружения колонна была уничтожена как и личный состав сводного соединения. Это позволило лично убедиться в сложности вывода из окружения механизированных соединений и защиты их от нападения противника в ходе движения колонны. Практика выхода из окружения небольшими группами на широком участке фронта является наиболее жизнеспособной и позволяющей выйти довольно большому количеству во-

еннослужащих из котла, когда центральное управление утеряно и нет возможности для нанесения концентрического удара по противнику для прорыва кольца окружения. Стоит заметить, что это был один из первых полевых выходов, организованных с использованием образцов техники в количестве четыре единиц, один из которых – бронеавтомобиль БА-20.

Еще одним отличием полевых выходов от военно-исторических фестивалей являются условия быта участников. В рамках фестивалей обычно организуется систематическое питание с помощью доставки горячего питания к пунктам раздачи или питание в столовых близлежащих населенных пунктов. Наиболее приближенной к реальности является организация питания из полевых кухонь послевоенного выпуска (при условии использования аутентичной посуды – котелков и кружек соответствующего исторического периода, а не пластиковой одноразовой посуды, как это часто бывает). При организации тактических полевых выходов осуществляется выдача личному составу военно-исторических клубов сухих пайков, по своему составу максимально приближенных к выбранному историческому периоду[16]. Все это позволяет более глубоко погрузиться в реконструируемый период не только посредством боевых столкновений, но и с помощью воссоздания быта солдат на фронте.

Одним из болезненных для реконструкторов как в рамках военно-исторических фестивалей, так и при участии в полевых тактических выходах, является вопрос об использовании современных средств связи и других атрибутов современности (например, сигарет). К сожалению, на многих мероприятиях именно использование телефонов, элементов современной одежды, продуктов питания портит общее впечатление о реконструкции, а со стороны зрителей действие воспринимается несерьезно, что не позволяет достичь того культурно-образовательного эффекта, на которое нацелены военно-исторические реконструкции. В этом направлении делаются определенные шаги, прежде всего со стороны организаторов полевых выходов, которые довольно четко обозначают в требованиях к участникам запрет на использование, например, современных средств связи.

Наиболее важным аспектом всех военно-исторических мероприятий является воссоздание элементов боя. Именно эта часть реконструкции занимает центральное место и является самой зрелищной и в то же время сложной с точки зрения организации. Необходимо отметить линейность сюжетов в основе большинства военно-исторических реконструкций. Кратко такие реконструкции можно описать так: на двух противоположных краях поляны располагаются противоборствующие стороны. В зависимости от периода боевых действий одна из сторон занимает декорации, в редких случаях полноценные укрепления. В ходе разведки подразделением одной из сторон начинаются наступательные действия: прежде всего, это фронтальные атаки на позиции противника. Часто это приводит к тому, что сгруппированные в рамках площадки соединения РККА образуют довольно плотный строй, где средства поддержки пехоты, такие как пулемет или миномет, применяться не могут априори (в связи с тем, что в реальных боевых условиях они нанесли бы «дружественный огонь» по своим же подразделениям), тем не менее, они активно используются. По команде организаторов / командиров подразделений части РККА начинают наступательные действия на укрепленные позиции вермахта. Чаще всего наступление удается не сразу и повторяется несколько раз, в итоге позиции вермахта прорваны, и победа одержана. Примером подобной реконструкции является «Бой 152-й стрелковой дивизии. Восточная Пруссия, 1944 год», организованная коллегами из Челябинска в сентябре 2017 г.[17]

При обратном расположении сторон (когда РККА занимает оборонительные позиции, а соединения вермахта наступают) ситуация повторяется, только в этот раз немецкая пехота раз за разом пытается прорвать советскую оборону. К сожалению, нередки случаи, когда реконструкторы в силу ряда обстоятельств воспроизводят самые негативные стереотипы, касающиеся событий Великой Отечественной войны, производя на зрителей военно-исторической ре-

конструкции не образовательное / просветительское действие патриотического характера, а совершенно обратное (например, подтверждая пресловутый тезис о том, что «Красная армия завалила трупами немцев»), искажая историческую действительность. Выглядят мероприятия данного рода зрелищно, но их значение для формирования исторической памяти не просто низкое, а даже пагубное. В последнее время ситуация меняется в лучшую сторону, применяются новые формы организации и проведения военно-исторических мероприятий. Одним из таких мероприятий в рамках V Уральского межрегионального военно-исторического фестиваля «Солдатскими дорогами» стала реконструкция 3 мая 2015 г. эпизода битвы за Берлин (переправа через реку Шпрее «Май 45. Последняя битва»)[18]. Отметим также военно-историческую реконструкцию «1941. Бой на безымянной высоте» (5 мая 2018 г.[19]); военно-исторический фестиваль «Покровский рубеж», проходивший с 11 по 12 июня 2018 г.[20] При всех тех особенностях линейной военно-исторической реконструкции, что были описаны выше, содержательная часть сценария мероприятия, показавшая события лета 1941 г. в Белоруссии через занятие частями вермахта белорусской деревни и уничтожение пленных красноармейцев и местных жителей, позволила наглядно продемонстрировать зрителям, за что сражалась Красная армия, кто был ее врагом, и почему война получила название Отечественная. Зрители увидели, что, если бы не мужественное сопротивление частей Красной армии, вопрос о существовании народов Советского Союза был бы предрешенным. Организаторам реконструкции удалось оказать серьезное эмоциональное воздействие на зрителей. Именно такие мероприятия оказывают положительное влияние в образовательном плане, способствуют патриотическому воспитанию и сохранению исторической памяти о трагическом прошлом нашего народа.

При реконструкции боя в рамках полевых тактических выходов действия подразделений согласуются с Боевым уставом пехоты РККА 1938 г.[21] Главное отличие военно-исторического фестиваля от тактического полевого выхода в организации и проведении боевых действий заключается в том, что во втором случае подразделения находятся в максимально приближенной к боевой обстановке. На протяжении длительного времени боевые действия проходят в различное время суток и при любых погодных условиях, подразделения действуют на обширной территории, дистанции для ведения огня максимально приближены к боевым. Применяются все формы ведения боевых действий (разведка, наступление, оборона, активная оборона) и несения боевой службы (дозоры, секрет, караулы и т. д.).

Рассмотрим деятельность стрелкового отделения на полевом тактическом выходе. В отличие от боевых действий на военно-исторических фестивалях, где применяются только отдельные тактические приемы, на полевых тактических выходах командиру отделения понадобится весь спектр знаний для организации эффективной боевой службы. Так, действия подразделений согласуются со средствами поддержки пехоты, прежде всего с легкими и станковыми пулеметами, ротными минометами для обеспечения наступательных действий подразделений или как сдерживающий фактор при обороне занимаемых позиции. Грамотное расположение пулемета и оборудование позиции для него является важной задачей командира отделения, от эффективной деятельности которого во многом зависит огневая мощь стрелкового расчета. При формировании разведгруппы снаряжение подгоняется, чтобы при движении не издавало демаскирующего шума, от личного состава требуются навыки ориентирования на местности и скрытого передвижения к позициям противника, для чего необходимы волевые качества и хорошая физическая подготовка. Связь между подразделениями обеспечивается на должном уровне на основании наставлений по обеспечению связи между подразделениями на период Великой Отечественной войны[22], организуется передача командованию донесений посыльными, а также проводной связью и радиостанциями, что позволяет отработать практические навыки работы с радиотехническим оборудованием на период войны. В ходе перехода подразделения к обороне, формирование боевого охране-

ния, организация караульной службы происходят согласно Боевому уставу РККА 1939 г.[23]

Вышеописанные навыки ведения боевых действий, командования подразделением отрабатываются преимущественно на тактических полевых выходах, что позволяет в большей степени проникнуться событиями тех лет и ощутить себя на месте рядового бойца или младшего командира.

Таким образом, приоритетным на данном этапе развития военно-исторической реконструкции по периоду Великой Отечественной войны в Уральском федеральном округе выступает направление организации тактических полевых выходов, при осуществлении которых предпочтение отдается изучению боевого пути пехотных соединений, эпизоды из которого и берутся за основу в воссоздании боевых будней. На наш взгляд, именно эта форма реконструкции выступает важным инструментом сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Опыт организации тактических полевых выходов может быть использован при проведении военно-исторических фестивалей, что позволит им выйти на более высокий уровень, показать зрителям воссозданный фрагмент боя или лагерь РККА с максимальной исторической достоверностью, уйти от шаблонных стереотипов о войне и действительно оказать положительное влияние на процесс формирования исторической памяти нашего народа.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, мемориализация, историческая память, военно-историческая реконструкция, военно-исторический фестиваль, военно-исторический клуб, полевой тактический выход, патриотическое воспитание.*

Keywords: *the Great Patriotic War, memorialization, historical memory, military-historical reconstruction, military-historical festival, military-historical club, field tactical exit, patriotic education.*

Примечания

[1] *Глухарев И.В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: Автореф. дис. … канд. культурологии. URL: http://www.dissercat.com/content/dvizhenie-voenno-istoricheskoi-rekonstruktsii-kak-sotsiokulturnyi-fenomen

[2] *Драчева Е.Л.* Историческая реконструкция как основа формирования нового турпродукта // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 4. С. 55–67; *Демина А.В.* Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 45–48; *Курбатов В.П., Курбатова Н.В.* Реконструкция как действенный способ изучения прошлого. Виды. Структура. Функции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26. С. 261–265. URL: https://e-koncept.ru/2014/64353.htm; *Мастюгин А.* Военно-историческое моделирование в учебно-воспитательной работе с детьми и подростками // Учительская газета. 2011. № 21. URL: http://www.ug.ru/archive/40488

[3] *Максимов С.Н., Степина Е.Г.* Военно-историческая реконструкция как социокультурный феномен и средство патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. Т. 11. 2017. № 4. С. 104–114; *Богданов С.В.* Культуротворческий и воспитательный потенциал движения военно-исторической реконструкции в России: Автореф. дис. … канд. культурологии. URL: http:// cheloveknauka.com/kulturotvorcheskiy-i-vospitatelnyy-potentsial-dvizheniya-voenno-istoricheskoy-rekonstruktsii-v-rossii; *Милованова И.Г., Удилова И.Я.* Военно-историческая реконструкция как одна из инновационных форм военно-патриотического воспитания молодежи // Бюллетень науки и практики. 2016. № 12. С. 347–353.

[4] *Веселова Е.М.* Специфика деятельности клубов исторической реконструкции URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1644

[5] *Глухарев И.В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен…

[6] Группа военно-исторического объединения «Урал-Фронт». URL: https://vk.com/ural_front

[7] Группа военно-исторического клуба «Горный щит». URL: https://vk.com/bergenschild

[8] Группа военно-исторического клуба «Сибирский рубеж». URL: https://vk.com/club152629 982

[9] Группа Свердловской региональной общественной организации военных реконструкторов «Солдатскими дорогами». URL: https://vk.com/soldatskimi_dorogami

[10] Группа военно-исторического клуба «196-й пехотный Инсарский полк». URL: https://vk.com/insar196; группа Челябинской областной общественной организации «Военно-исторический клуб «Дивизион»». URL: https://vk.com/vic_division

[11] *Глухарев И.В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен…

[12] Боевой устав пехоты РККА (БУП-38) часть первая (боец, отделение, взвод). М., 1939 г.

[13] Группа СРОО ВР «Солдатскими дорогами». Альбом «Лето 1944. Полевой выход 20–21.06. 15». URL: https://vk.com/album-65738147_217271472

[14] Группа СРОО ВР «Солдатскими дорогами». Альбом «Зимний выход 21.02. 2016». URL: https://vk.com/album-65738147_228144359

[15] Форум военно-исторических реконструкторов «livinghistory». «Осень 1941-го. Полевой выход. Фотоотчет. URL: http://livinghistory.ru/topic/67996-osen-1941-go-polevoi-vykhod-fotootchet

[16] С изготовлением аутентичных сухих пайков, как и других предметов солдатского быта, ситуация в клубах, занимающихся реконструкцией подразделений вермахта и СС, обстоит гораздо лучше и находится на более высоком уровне. Во многом это связано с появлением на рынке продукции, изготовляемой командой реконструкторов в рамках проекта «Вещмешок». Авторы проекта стремятся к созданию продукции, которая позволяет полностью воссоздать аутентичный быт без использования современных продуктов и средств личной гигиены. При реконструкции подразделений РККА зачастую используются современные продукты питания, с предварительно удаленными этикетками. Это можно проследить на примере полевого тактического выхода 23–24 сентября 2017 г. по событиям на Ленинградском участке фронта, когда было организовано систематическое питание личного состава РККА с помощью выдачи сухих пайков в аутентичных упаковках и мешках, с рационом, наиболее подходящим для реконструируемого периода времени.

[17] Реконструкция «Бои 152-й стрелковой дивизии. Восточная Пруссия, 1944 год». URL: https://anonymus-74.livejournal.com/176873.html

[18] Немцы отстреливались, наши наступали: в Екатеринбурге прошла реконструкция последней битвы 1945 г. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-423217.html

[19] 1941. Бой на безымянной высоте. URL: https://vk.com/club165480972

[20] Военно-исторический фестиваль «Покровский рубежъ». URL: https://vk.com/pokrovsky_rubeg

[21] Боевой устав пехоты РККА (БУП-38), часть первая (боец, отделение, взвод). М., 1939. С 9.

[22] *Плотников В.* Связь в отделении, взводе, роте и батарее. М., 1942.

[23] Боевой устав пехоты РККА (БУП-38), часть первая (боец, отделение, взвод). М., 1939. С. 33–58.

Григорьев, Евгений. «Вчера мы видели бандитов, кровопийц...» : «марш побежденных» глазами архивистов, историков и писателей / Е. Григорьев. - Текст : непосредственный // Родина. - 2019. - № 7. - С. 38-41.

Много лет директор РГАСПИ, кандидат исторических наук Андрей Сорокин ведет в нашем журнале рубрику «Советская история. Документы». Сегодня в ней представлены материалы о происходящем на улицах Москвы 17 июля 1944 года. Публикацию подготовил заместитель начальника отдела РГАСПИ Евгений Григорьев.

«ВЧЕРА МЫ ВИДЕЛИ БАНДИТОВ, КРОВОПИЙЦ...»

«МАРШ ПОБЕЖДЕННЫХ» ГЛАЗАМИ АРХИВИСТОВ, ИСТОРИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

Жарким днем в понедельник 17 июля 1944 г. москвичи стали свидетелями необыкновенного зрелища — шествия растянувшейся на километры процессии из сотен колонн немецких военнопленных. 57 640 солдат и офицеров — часть той армии, что планировала взятие Москвы осенью 1941-го, все-таки прошла по городу.

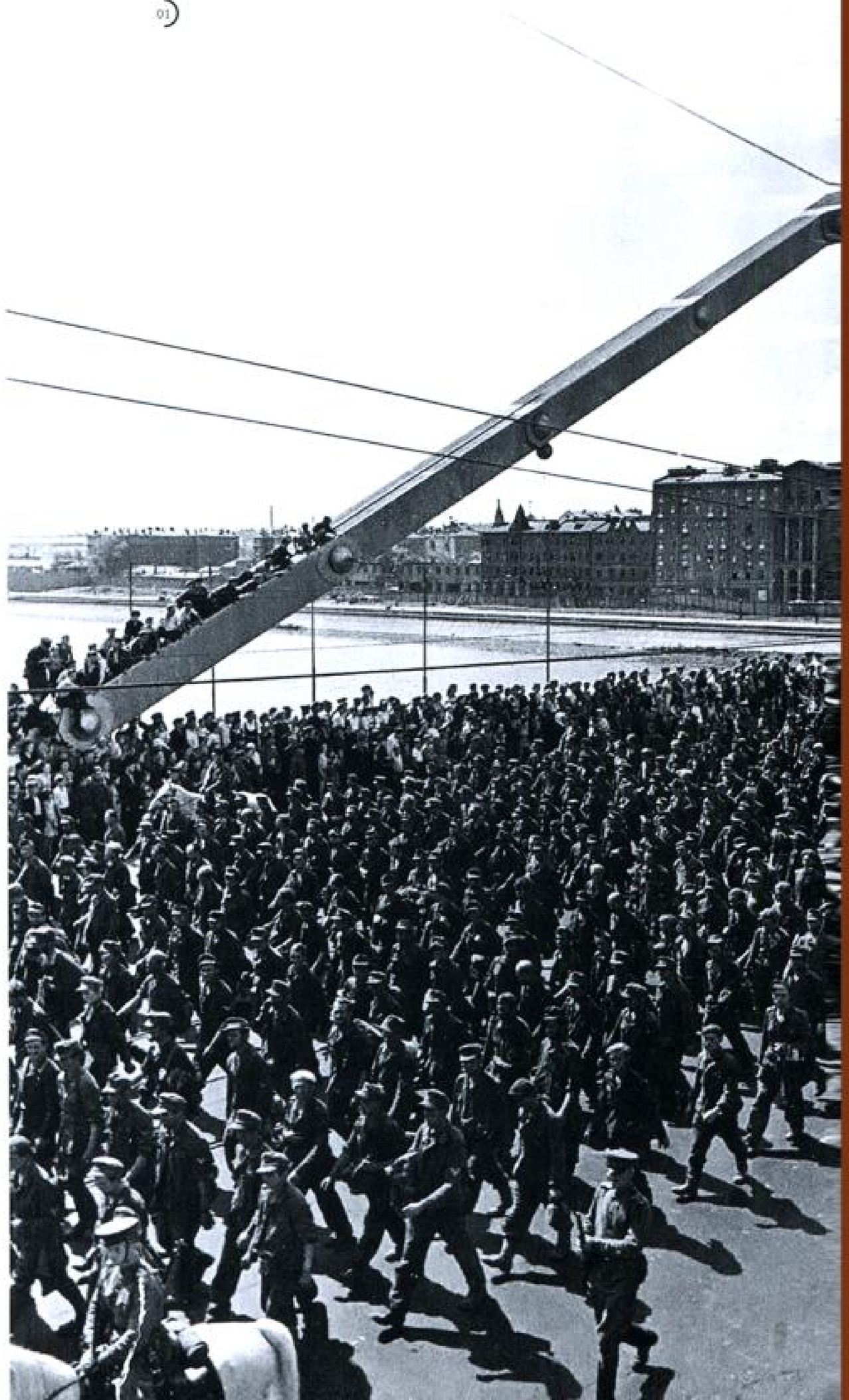
За «парадом побежденных» с тротуаров, балконов домов, крыш трамваев и троллейбусов наблюдали десятки тысяч жителей Москвы. Марш произвел на них сильное впечатление. И зафиксирован во множестве документов: воспоминаний, дневников, писем, художественных произведений, написанных по свежим следам газетных корреспонденций.

Среди них и хранящиеся в РГАСПИ фотоснимки и статьи, подготовленные для центральной прессы. Их копии сохранились в документах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Оглушительный успех «Багратиона»

Марш побежденных стал эффектным и наглядным, обращенным «к граду и миру» доказательством впечатляющих успехов Красной Армии в ходе операции «Багратион» летом 1944 года. Наступление, которому предшествовали массированные диверсионные акции партизан Белоруссии, за несколько недель привело к коллапсу немецкой группы армий «Центр». Гитлеровцы не смогли сдержать натиск войск 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов (командующие К.К. Рокоссовский, Г.Ф. Захаров, И.Д. Черняховский, И.Х. Баграмян) и к началу июля оставили Оршу, Витебск, Могилев, Бобруйск, Полоцк и Минск. Среднесуточный темп наступления в первые

01



12 дней операции составлял примерно 20 километров[1]. По состоянию на 17 июля была проведена ликвидация окруженных немецких войск в районе Минска, освобождены Барановичи, Лида, Гродно, Вильнюс и Осовец.

Операция «Багратион» стала крупнейшим поражением в немецкой военной истории, приведя к освобождению Белоруссии, части Прибалтики и Восточной Польши, срочной переброске резервов и частей вермахта с других участков Восточного фронта и из Западной Европы с последующим ослаблением позиций немцев на них. Потери немцев, по разным оценкам, составили от 400 до 500 тысяч человек, причем большая их часть погибла или попала в плен. Попали в плен, погибли или покончили самоубийством более 30 генералов группы армий «Центр».

°1
Пленные фашисты «форсируют» Москву-реку.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 263. Л. 48.

Мало кто даже из организаторов операции рассчитывал на столь ошеломляющий и стремительный успех. Но победные салюты и выставки трофейного вооружения советские люди уже видели. Хотелось более зримого подтверждения грандиозной победы. До сих пор не выявлено, кто из советских руководителей выдвинул инициативу проконвоировать пленных через Москву. Хотя подобные шествия не были редкостью в истории войн XX века. В Первую мировую пленных русских солдат проводили по улицам Кенигсберга; в свою очередь, свидетелями маршей австрийских и немецких военнопленных были Москва и Петроград.

Операция, проведением которой занимался НКВД, получила название «Большой вальс».

Операция «Большой вальс»

Это была несколько ироничная отсылка к голливудской музыкальной мелодраме «Большой вальс» (1938) о жизни Иоганна Штрауса, сделанной выходцами из Европы во главе с французским режиссером Жюльеном Дювивье. Выпущенная в советский прокат 23 июня 1940 г.[2] картина пользовалась бешеной популярностью. Сын Марины Цветаевой Георгий Эфрон в записи в дневнике 2 июля 1940 г. отметил, что «сегодня иду с матерью смотреть американский фильм «Большой вальс» (о Штраусе). Я этот фильм уже видел, но матери скучно идти одной, а я хочу, чтоб она этот отличный фильм увидала». «Все наши девицы, — писал Эфрон, — смотрели [этот фильм] по 8–10 раз»[3].

И не только девицы, но и руководство страны, начиная со Сталина, решившее устроить вдохновляющий советских людей «вальс» по случаю побед Красной Армии.

Подготовка к операции шла в полной секретности. Ни сотрудники госбезопасности, сопровождавшие шедшие из Белоруссии эшелоны с пленными, ни жители Москвы, ни тем более сами военнопленные даже не догадывались о подготовке «парада». Значительная часть материалов, связанных с организацией шествия, не обнародована до сих пор. Один из немногих опубликованных документов — записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии в ГКО от 15 июля 1944 г., где сообщалось, что «конвоирование военнопленных через Москву будет начато в 11 часов утра 17 июля»[4].

Армия военнопленных, незадолго до этого привезенных в столицу и базировавшихся преимущественно на стадионе «Динамо» и ипподроме на Беговой, была поделена на две неравные части. Первая — основная, в составе 18 эшелонов, передвигалась по маршруту с ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького (ныне — Тверская) через площадь Маяковского, поворот налево в сторону Садово-Каретной, и далее полукруг по Садовому кольцу до площади Курского вокзала. Вторая часть колонн —

ЛЮДИ НА ТРОТУАРЕ ВДРУГ ЗАСМЕЯЛИСЬ. «ПРАВИЛЬНО! КАРБОЛКОЙ БЫ! ДАВАЙ ЧИСТЬ КАК СЛЕДУЕТ, ДРУЖОК!» ПО УЛИЦЕ ШЛА МАШИНА С ЦИСТЕРНОЙ И УПРУГИМИ СТРУЯМИ ВОДЫ МЫЛА АСФАЛЬТ

02

из 8 эшелонов — от площади Маяковского вправо на Большую Садовую, по Садовому кольцу до Калужской площади и по Большой Калужской (ныне часть Ленинского проспекта) до станции Канатчиково.

Руководил движением колонн командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник Павел Артемьевич Артемьев. Поддержанием порядка на улицах и организацией движения транспорта и пешеходов руководили комендант города Москвы генерал-майор Кузьма Романович Синилов и начальник милиции города Москвы комиссар милиции 2-го ранга Виктор Николаевич Романченко.

Эффект сарафанного радио

К записке Берии были приложены схема движения колонн и проект извещения от имени Романченко, которое предлагалось напечатать в «Правде» 17 июля на первой странице и передать по Московской закрытой городской радиосети в 7–8 часов утра 17 июля[5]. Таким образом, практически все, исключая высшее руководство страны, узнали о марше всего за 3–4 часа до его начала.

Извещение начальника московской милиции, как и предлагал Берия, опубликовали в «Правде» 17 июля — но не на первой, а на последней странице. В нем управление милиции Москвы доводило до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря часть немецких военнопленных в количестве 57 600 человек и указывались маршруты следования колонн. Сообщалось, что движение транспорта и пешеходов по указанным маршрутам «будет ограничено». Особо подчеркивалось, что «граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок

и не допускать каких-либо выходок по отношению к военнопленным»[6].

Далеко не все москвичи успели рано утром услышать сообщение или внимательно прочитать газеты, зато сработало сарафанное радио. Как вспоминал народный артист СССР Лев Дуров (1931—2015), тогда 13-летний школьник из Лефортово, «то ли в газетах было сообщение, то ли слух прошел (а в Москве, как известно, слухам надо верить), но всем вдруг стало известно, что по улице Горького и Садовому кольцу с вокзала на вокзал проведут колонну военнопленных... Такое пропустить было нельзя. И рано утром мы двинулись из Лефортова в путь»[7].

Ипподром — Тверская — Садовое кольцо — лагерь

Движение колонн военнопленных, выстроенных по фронту 20 человек, с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра. Перед этим пленным подвезли воду, чтобы утолить жажду, и неплохо накормили. В конвоировании принимали участие части войск НКВД: подразделения дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, 36-я и 37-я дивизии конвойных войск[8]. По маршруту: Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского, Садово-Каретная, Садово-Самотечная, Садово-Черногрязская, улица Чкалова, Курский вокзал и по улицам: Каляевской, Новослободской и 1-й Мещанской прошло 42 000 военнопленных. Движение на этом маршруте продолжалось 2 часа 25 минут[9].

Шествие возглавляла колонна генералов и офицеров в 1227 человек, из них 19 генералов и 6 старших офицеров (полковники и подполковники). Среди генералов по Москве прошли командующий 27-м армейским корпусом генерал пехоты П. Фелькерс, командир 53-го армейского корпуса генерал от инфантерии Ф.В. Гольвитцер, командир 12-го армейского корпуса генерал-лейтенант В. Мюллер, комендант Могилева генерал-майор Г. фон Эрмансдорф, комендант Бобруйска генерал-лейтенант А. Гаман и другие. Судьбы их сложились по-разному: двух последних публично повесили; Мюллер включился в антифашистское движение и продолжил военную карьеру в ГДР, в итоге покончив самоубийством; Фелькерс скончался в советском плену; Гольвитцер был осужден и освобожден в 1955 г.

Вторая часть колонн военнопленных прошла от площади Маяковского по улицам Большая Садовая, Садово-Кудринская, Новинский бульвар, Смоленский бульвар, Зубовская площадь, Крымская площадь, Большая Калужская улица, станция Канатчиково Окружной железной дороги. По этому маршруту прошло 15 600 военнопленных, и движение колонн продолжалось 4 часа 20 минут. Как докладывал о результатах конвоирования Берия, «по прибытии к пунктам погрузки военнопленные немедленно погружались в железнодорожные эшелоны для отправки в лагеря военнопленных. К 19 часам все 25 эшелонов военнопленных были погружены в вагоны и отправлены к местам назначения»[10].

Никаких серьезных эксцессов по ходу шествия не произошло. Гневные выкрики, редкие случаи забрасывания камнями, саркастические комментарии, но больше — молчание и презрение во взглядах.

«Шествие подходило к концу, когда люди, стоявшие на тротуаре, вдруг засмеялись. Послышались громкие восклицания: «Правильно! Карболкой бы! Давай чисть как следует, дружок!» По улице шла машина с цистерной и упругими струями воды мыла асфальт»[11].

Виза ЦК ВКП(б)

Разумеется, событие освещалось ведущими советскими изданиями. Согласно специальному указанию Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), перед публикацией копии статей и фотоснимков направлялись для просмотра и утверждения начальнику Главного политуправления Красной Армии, секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову. После чего отложились среди архивных документов Агитпропа за военные годы, хранящихся в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 125).

Далее публикуются с сокращениями очерк корреспондента «Правды» Б. Полевого «Немцы в Москве», при публикации переименованный в «Они увидели Москву»; статья Л. Славина «57 640 пленных немцев», которая, очевидно, предназначалась для «Известий», но так и не вышла в газете 18 июля 1944 г. и в последующие дни.

03

°2, 3
Такие разные лица...
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 263. Л. 49.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 263. Л. 55.

Гужва, Д. Г. «С честью выдержали испытания...» / Д. Г. Гужва, И. О. Рахимова. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 8. - С. 42-46.

Д.Г. ГУЖВА,
И.О. РАХИМОВА

D.G. GUZHVA,
I.O. RAKHIMOVA

«С ЧЕСТЬЮ ВЫДЕРЖАЛИ ИСПЫТАНИЯ...»

Работа советских военных корреспондентов в первые месяцы Великой Отечественной войны

«THEY HAVE PASSED THE TEST WITH HONOR...»

The work of Soviet war reporters in the first months of the Great Patriotic War

Сведения об авторах. *Гужва Дмитрий Геннадьевич — заместитель начальника управления — начальник отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: guchva@list.ru);*

Рахимова Ирина Олеговна — курсант Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (Москва. E-mail: hohlov19@list.ru).

Аннотация. *В статье на основе архивных документов показана деятельность органов государственного управления СССР и командования Красной армии по созданию корреспондентской сети в действующей армии в первые месяцы Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; военный корреспондент; военная периодическая печать; информационное обеспечение.*

Information about authors. *Dmitry Guzhva – Deputy Head of Directorate, Head of Section at the Research Institute of Military History, RF AF General Staff Military Academy, Lieutenant Colonel, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: guchva@list.ru);*

Irina Rakhimova – Cadet at Moscow Interior Ministry University named after V.Ya. Kikot' (Moscow. E-mail: hohlov19@list.ru).

Summary. *The paper relies on archival documents to show the work of state administration bodies in the Soviet Union and the Red Army command to set up a reporter network in the field army during the first months of the Great Patriotic War.*

Keywords: *Great Patriotic War; war correspondent; military periodicals; information support.*

ЛЕТОМ 1941 года на фронт ушли не только военнообязанные. Сотни журналистов и писателей, выражаясь словами В. Маяковского, «к штыку приравняли перо». Это были не только рядовые сотрудники газет и журналов, но и выдающиеся мастера слова — Аркадий Гайдар, Вадим Кожевников, Евгений Петров, Борис Полевой, Константин Симонов, Александр Твардовский, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и многие др. Они работали как непосредственно в составе действующих фронтов, объединений и соединений — в дивизионной, армейской, фронтовой прессе, так и в центральных периодических изданиях.

Реформирование военной периодической печати началось уже на следующий день после вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз. Директивы Главного управления политической пропаганды Красной армии от 23 июня 1941 года «О содержании фронтовых, армейских и дивизионных газет»[1] и «О содержании окружных, армейских и дивизионных газет»[2] определяли, что главными задачами периодической печати в боевых условиях должны быть воспитание героизма, мужества, самоотверженного выполнения приказа командира, обеспечение всех нужд фронта, борьба за отличное качество боевой и политической учёбы, быстрейшее освоение военного дела воинами, призванными из запаса. Центральным лозунгом военной печати, который она обязана была ежедневно пропагандировать в войсках, становилось требование выполнить боевой приказ советского правительства, отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

В связи с формированием сети военной периодической печати, усилением журналистскими кадрами фронтовых, армейских и дивизионных изданий, экономией газетной бумаги и отсутствием достаточного количества типографского оборудования советское командование было вынуждено пойти на сокращение тиража и периодичности, а то и полное закрытие ряда военных изданий. Так, с 23 июня 1941 года уменьшился тираж окружных газет: «Красный кавалерист» (СКВО) с 35 тыс. до 20 тыс. экз.; «Сталинец» (Орловский военный округ) с 20 тыс. до 10 тыс. экз.; «Красноармеец» (ПриВО) с 30 тыс. до 15 тыс. экз.; «Красный боец» (УрВО) с 20 тыс. до 6 тыс. экз.[3] С 21 августа тираж газеты «Красная звезда» был сокращён с 480 тыс. до 300 тыс. экз.[4] С 28 июня было прекращено издание многотиражных газет военных академий, училищ, школ и курсов[5], а с 1 июля — журналов «Физкультура и спорт в Красной армии» и «Политучёба красно-

армейца»[6]. Весь личный состав редакций указанных изданий был передан в распоряжение военных советов соответствующих фронтов и округов.

Совершенствуя сеть печатных органов, руководство страны и военное командование одновременно уделяли пристальное внимание созданию фронтовой корреспондентской сети. Согласно приказу Главного управления политической пропаганды Красной армии от 24 июня 1941 года из запаса в кадры Красной армии был призван 31 член Союза советских писателей, которые получили назначения на должности литераторов фронтовых и армейских газет. Среди них: Илья Френкель (литератор газеты Южного фронта «Героический штурм»), Александр Твардовский (литератор газеты Киевского особого округа «Красная армия»), Вадим Кожевников (литератор газеты Западного особого округа «Красноармейская правда»), Марк Колосов (литератор газеты 9-й армии «Защитник Родины»), Сергей Михалков (литератор газеты 20-й армии «За счастье Родины») и т.д.[7] Также к декабрю 1941 года в действующей армии работали 17 военных корреспондентов газеты «Правда»[8].

Впрочем, военные корреспонденты не только выполняли свой профессиональный долг. Так, редактор газеты 28-й армии «Защитник Отечества» Николай Потапов в рапорте от 12 августа 1941 года сообщал, что журналисты издания вместе с частями армии принимали непосредственное участие в боевых действиях и «с честью выдержали это испытание». «Все были довольно спокойны, ходили в атаку, не терялись, все пришли при полном вооружении и никто не потерял, не бросил, не порвал никаких документов». Из 15 военнослужащих армейской газеты из окружения вышли 12 человек. Трое пропали. Один из них — начальник отдела армейской жизни лейтенант Шубин — из пулемёта прикрывал отход

Военные корреспонденты армейской газеты «Защитник Родины» готовят очередной номер
Август 1941 г.

товарищей, и больше его никто не видел[9].

Детский писатель А.П. Гайдар с началом войны являлся специальным корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Затем в качестве пулемётчика сражался в партизанском отряде в окрестностях Киева, где и пал смертью храбрых, навсегда увековечив память о себе в сердцах благодарных читателей[10]. И примеров защиты Родины с оружием в руках среди военных корреспондентов было немало.

Советское правительство и военное командование стремились помочь журналистским кадрам правильно сориентироваться в новых условиях, осознать, какие ответственные задачи они должны выполнять на фронте. Важными документами, в которых содержались основы организации деятельности журналистов на передовой и требования к их моральным

Военные корреспонденты К. Симонов и А. Сурков на привале

Фронтовые корреспонденты К. Симонов, И. Зотов, Е. Кригер, И. Уткин
Оборона Москвы, 1941 г.

и деловым качествам, явились директива Главного управления политической пропаганды Красной армии от 24 июля 1941 года «Об оказании помощи в работе корреспондентам и фотокорреспондентам центральных газет»[11] и постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 года «О работе на фронте специальных корреспондентов»[12]. В них как недостаток отмечалось, что корреспонденты большую часть времени проводят при штабах фронтов и армий и очень мало бывают непосредственно в частях и соединениях, а свои корреспонденции пишут по рассказам раненых и очевидцев. Некоторые командиры и политработники не учитывают значения информирования населения о боевых действиях Красной армии. Корреспонденты не получают необходимой помощи для передвижения по фронту и связи со своими редакциями. Имеются факты, указывалось в документах, когда командированные на фронт корреспонденты центральных газет прикрепляются политорганами к фронтовым или армейским газетам, в результате чего страдает снабжение военной информацией центральной печати. Корреспондентов и фотокорреспондентов, которые не бывают в частях, околачиваются около штабов фронтов и армий, предписывалось немедленно откомандировать к прежнему месту работы с подробной характеристикой их поведения.

Но не всё было так однозначно, как излагалось в директиве. Вот лишь один пример, который показывает, как сложно было журналисту получить информацию, что называется, из первых уст. Известный советский писатель Б.Н. Полевой войну прошёл фронтовым корреспондентом газеты «Правда». В декабре 1941 года он приехал на Калининский фронт, чтобы написать об освобождении от фашистов г. Калинина (Твери). Б.Н. Полевой не раз бывал на передовой, беседовал с красноармейцами и командирами, но к командующему Калининским фронтом генерал-полковнику И.С. Коневу не мог попасть очень долго. В итоге после неоднократных просьб и напоминаний не только со стороны Б.Н. Полевого, но и члена военного совета фронта корпусного комиссара Д.С. Леонова И.С. Конев назначил журналисту встречу на четыре часа утра[13].

Если уж корреспонденту «Правды», выдающемуся журналисту и писателю, пришлось приложить столько усилий, чтобы взять интервью у командующего фронтом, что говорить о менее известных журналистах и изданиях!

ЦК ВКП(б) и Главное управление политической пропаганды Красной армии требовали от политорганов на местах принять меры к исправлению недостатков в работе корреспондентов и оказывать им всемерное содействие (использовать гражданский телеграф, самолёты гражданского воздушного флота, рейсовый автотранспорт и фельдсвязь). Указания были правильно восприняты политорганами и журналистами. Так, по докладу политуправления

Военный фотограф М. Калашников у подбитого немецкого Pz-IV

Корреспондент газеты «Красная звезда» К. Симонов и корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда» Е. Петров

Юго-Западного фронта все корреспонденты центральных газет и ТАСС были обеспечены автомобильным транспортом и снабжены пропусками с требованием оказания необходимой помощи в поиске материала. Фотобригаде ТАСС была предоставлена походная фотолаборатория, благодаря которой фотоснимки обрабатывались в оперативном порядке, а на фронте ежедекадно стала издаваться фотогазета. Также всем военным корреспондентам было выдано обмундирование, личное оружие и решён вопрос с организацией питания, а политуправлением фронта с ними регулярно проводились совещания с докладами о положении на фронте и постановкой вопросов, требовавших освещения в печати[14].

По докладу политуправления Северо-Западного фронта по состоянию на 22 августа 1941 года в частях фронта работали 12 специальных и 2 фотокорреспондента. Все журналисты за исключением старших групп, которые осуществляли координацию деятельности своих подчинённых, постоянно работали в действующих частях и часто бывали на передовой. Политорганы соединений уделяли корреспондентам достаточное внимание. Они информировались об обстановке на фронте, совместно с ними обсуждались и намечались маршруты выездов в действующую армию, готовые материалы своевременно передавались по телеграфу в Москву. Одной из причин снижения продуктивности работы специальных корреспондентов в соединениях и частях действующей армии политуправление считало недостаточную мобильность журналистов в связи с нехваткой транспортных средств[15]. Тем не менее, несмотря на частные сложности, после проведённых мероприятий качество и оперативность поступавших с фронта материалов значительно возросли.

Говоря о работе, проведённой советским правительством и командованием Красной армии в вопросах организации, расширения и обеспечения широкой сети военных печатных изданий и корпуса специальных корреспондентов в действующей армии, было бы неправильно не остановиться на тех проблемах и недостатках, которые выявила внезапно начавшаяся война в плане информационного обеспечения военнослужащих и гражданского населения.

Так, по информации с мест, несмотря на привлечение во фронтовые и армейские газеты из закрывавшихся военных изданий журналистов и объявленный призыв советских писателей, по-прежнему не хватало профессиональных военных корреспондентов и типографских специалистов. Это касалось как военных изданий действующей армии, так и газет, издававшихся в тылу. В сентябре 1941 года начальник политуправления Брянского фронта дивизионный комиссар Афанасий Пигурнов докладывал в ГлавПУ РККА, что в редакции фронтовой газеты «На разгром врага» нет квалифицированно-

Советские военные корреспонденты М. Шолохов (на первом плане слева), Е. Петров и А. Фадеев (на втором плане — слева направо)

Корреспонденты «Красной звезды» З. Хацревин и Б. Лапин расспрашивают немецкого перебежчика. Оба корреспондента позже погибли при выполнении задания редакции

го руководителя типографии и корректора, ввиду чего «своевременный выпуск газеты не обеспечивается»[16]. Редактор красноармейской газеты 13-й армии «Сын Родины» батальонный комиссар Г.Я. Никитин сообщал, что в «писателях-очеркистах есть крайняя нужда». Писатели Борис Агапов и Цезарь Солодарь в редакцию так и не прибыли. Последний «осел во фронтовой газете» («Красноармейская правда» (ЗФ). — **Прим. авт.**). Редактор просил командировать хотя бы одного корреспондента[17]. О нехватке журналистских кадров и невозможности сформировать полноценный отдел боевой подготовки издания информировал и редактор ежедневной красноармейской газеты Орловского военного округа «Сталинец» батальонный комиссар А. Прохватилов[18]. Кроме того, слабая подготовка корреспондентов в военном деле приводила к тому, что даже в центральных изданиях появлялись материалы и фотографии, не соответствовавшие действительности. Так, в газете «Правда» за 4 августа 1941 года были опубликованы фотоснимки фронтового кинооператора А.П. Фролова, на которых вместо разбитой немецкой техники были запечатлены советские танки[19]. Скандал был огромен.

Однако, несмотря на все сложности начального периода войны, военный корреспондент являлся центральной фигурой аппарата редакции, и от его инициативы и настойчивости во многом зависел уровень газеты. Журналист всем своим поведением на фронте должен был показывать образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе, стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни, быть готовым в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка.

Удостоверение фотокорреспондента

ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ФОТОХРОНИКА
УДОСТОВЕРЕНИЕ
Фотокорреспондент Дмитрий Иванович ЧЕРНОВ
Северо-Западном направлении Действующей Армии.
Тов. ЧЕРНОВУ поручается фотосъемка на боевых уч
фронта для широкого показа в печати Советского Сою
Просим оказывать тов. ЧЕРНОВУ всемер
действительно по 1-ое октября 1941 г.

Пропуск А.П. Гайдара

ПРОПУСК
Разрешается проезд на территории Действ
Красной Армии Киевского Особого Военного
- корреспонденту газеты "Комсомольская
тов.ГАЙДАР Аркадию Петровичу.
При пропуске предъявить удостоверени
ность /паспорт/, командировочное предпис
Пропуск действителен с 19 июня по 20
1941 года.
ВОЕННЫЙ КОМИССАР

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 187—189.
[2] Там же. Л. 196, 197.
[3] Там же. Д. 1. Л. 100.
[4] Там же. Оп. 920265. Д. 1. Л. 75.
[5] Там же. Д. 2. Л. 345.
[6] Там же. Д. 1. Л. 69.
[7] Там же. Оп. 795436. Д. 1. Л. 105—107.
[8] Там же. Оп. 11302. Д. 35. Л. 9.
[9] Там же. Л. 103.
[10] *Петряева Е.И.* А. Гайдар — военный корреспондент // Великая Отечественная война в русской и зарубежной литературе. Одесса, 1966. С. 40.
[11] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 3. Л. 72.
[12] Русская журналистика в документах: история надзора / [Сост. О.Д. Минаева]; под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 342.
[13] *Прутцков Г.* С лейкой и блокнотом, а то и пулемётом... // Мужская работа. 2015. № 52. С. 14.
[14] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 24. Л. 132, 133.
[15] Там же. Л. 161—163.
[16] Там же. Д. 7. Л. 283.
[17] Там же. Л. 215.
[18] Там же. Д. 6. Л. 104.
[19] Там же. Л. 108. ■

Жизнь - Родине, честь никому : стихи женщин о Великой Отечественной войне. - Текст : непосредственный // Литературная газета. - 2020. - 4-10 марта (№ 10). - С. 29.

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Жизнь – Родине, честь – никому

Особая тема – женщины на войне. Женщины-поэты. Об одной из них, Веронике Тушновой, поэт-фронтовик Марк Соболь писал: «Она была ошеломляюще красива!.. На Первом Всесоюзном совещании молодых писателей мы чуть ли не поголовно были в неё влюблены. А нас она воспринимала, в общем-то, на равных. Дело в том, что Вероника была удивительным другом. Не то чтоб «свой парень» – ни в коем случае, для этого она была слишком женщиной, – а какой-то надёжнейший человек. Бывшая фронтовая медсестричка; вспомним полузабытый термин: «сестра милосердия».

Другой фронтовик, поэт Михаил Дудин, вспоминал Ольгу Бергольц: «Она была голосом блокадного Ленинграда, пеленгом мужества, загадочной духовной сутью Победы, живущей во глубине глубин душ измотанных голодом и бомбёжками ленинградцев. И время выбрало именно её говорить обо всём этом со всем миром «по праву разделённого страданья», как она сама в этом призналась спустя несколько лет».

При воспоминании о Юлии Друниной первое, что крупно и рельефно выступает из памяти, – это её характер. Характер, иногда как будто бы даже превышающий человеческие силы. Чувствовалась энергия решительности, готовности к немедленному действию, поступку, что вообще свойственно фронтовому поколению, принадлежностью к которому она дорожила свято и чисто.

В её стихах нет зазора между автором и лирическим героем. Вспомним знаменитое четверостишие «Я только раз видала рукопашный...». Здесь всё – обжигающая правда, всё – о себе, никаких мистификаций, художественных вымыслов. Даже дата под стихотворением – 1943 год – есть факт не только биографии, но и поэзии, дата – как неопровержимый документ эпохи. Не случайно, когда снимался фильм С. Ростоцкого «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности и достоверней войти в образ своих героинь – девчонок-солдат, со слезами на глазах читали военные стихи Друниной. Из её строк с фотографической точностью можно узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю женщин, наших матерей, какой страшной беде заглянули они в глаза. Достоверность её стихов подтверждена и тем, что Юлия Друнина была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих наград на войне, не каждый мужчина удостаивался подобного признания ратных заслуг. Лишь после второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно демобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности она никогда себя не считала. Завещанием грядущим поколениям звучат её исповедальные, очень личные слова: «Жизнь – Родине, честь – никому».

Но когда предательски обрушили её страну, когда были преданы идеалы, за которые положила жизнь её юность, – связь времён и даже эпох распалась. Всё было не просто забыто, а грубо и цинично брошено на безнаказанное поругание и осмеяние «лихим девяностым», словно с цепи сорвавшейся прозападной либеральной пятой колонне, во многом опередившей и даже превзошедшей Запад, распинающий под кровавым терновым венцом нашу Победу, нашу Родину. Последние стихи Юлии Друниной, написанные незадолго до ухода из жизни, начинались словами: «Безумно страшно за Россию...»

Геннадий Красников

Юлия Друнина (1924 –1991), участник Великой Отечественной войны

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.
1942

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз – наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
1943

* * *

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.
1944

* * *

Тот осколок, ржавый и щербатый,
Мне прислала, как повестку, смерть.
Только б дотащили до санбата!
Не терять сознания, не сметь!

А с носилок свешивались косы –
Для чего их, дура, берегла?..
Вот багровый дождь ударил косо,
Подступила, затопила мгла...
Ничего! Мне только девятнадцать,
Я ещё не кончила войну,
Мне ещё к победе пробиваться
Сквозь снегов и марли белизну!
1973

* * *

Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю и счастье тишины,
И каждый новый день,
что мною прожит.

Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской
тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке
робкой.

Я родом не из детства – из войны.
И может, потому незащищённей:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя шершавые ладони.

Я родом не из детства – из войны,
Прости меня, в том нет моей вины...

Ольга Бергольц (1910–1975)

Февральский дневник
(Отрывок)

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещённые блокадой!
Нас вместе называют – Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живём:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,
счастливым, щедрым днём,–
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдём
воительнице-армии навстречу
в освобождённом городе своём.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжёлых ватниках, в промёрзших
полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венок в обугленных руках.
Январь-февраль 1942

Вероника Тушнова (1911–1965), участник Великой Отечественной войны

Птица
Бои ушли. Завесой плотной
плывут туманы вслед врагам,
и снега чистые полотна
расстелены по берегам.

И слышно: птица птицу кличет,
тревожа утреннюю стынь.
И бесприютен голос птичий
среди обугленных пустынь.

Он бьётся, жалобный и тонкий,
о синеву речного льда,
как будто мать зовёт ребёнка,
потерянного навсегда.

Кружит он в скованном просторе,
звеня немыслимой тоской,
как будто человечье горе
осталось плакать над рекой.

Галина Беднова (1926–1997), участник Великой Отечественной войны. Участник обороны Ленинграда

Околоземные орбиты
Околоземные орбиты
Так далеки, так далеки,
Как две атаки, что отбиты
У взбаламученной реки.
У той реки, где переправа
Разбита больше чем на треть.
И слева недруги, и справа,
И впереди и сзади смерть.
Конечно, чудом можно выжить,
Не выждать, а идти в штыки,
И гимнастёрку, плача, выжать
У взбаламученной реки.

* * *

Отстучал метроном, объявили тревогу.
За суровым стихом
отправляюсь в дорогу.
По замёрзшей Неве
прохожу под обстрелом.
Город мой в синеве, в инее белом.
И обстрел больше суток,
и бомбят среди дня.
Я сама санинструктор,
не бинтуйте меня.

Вениамин Чебанов

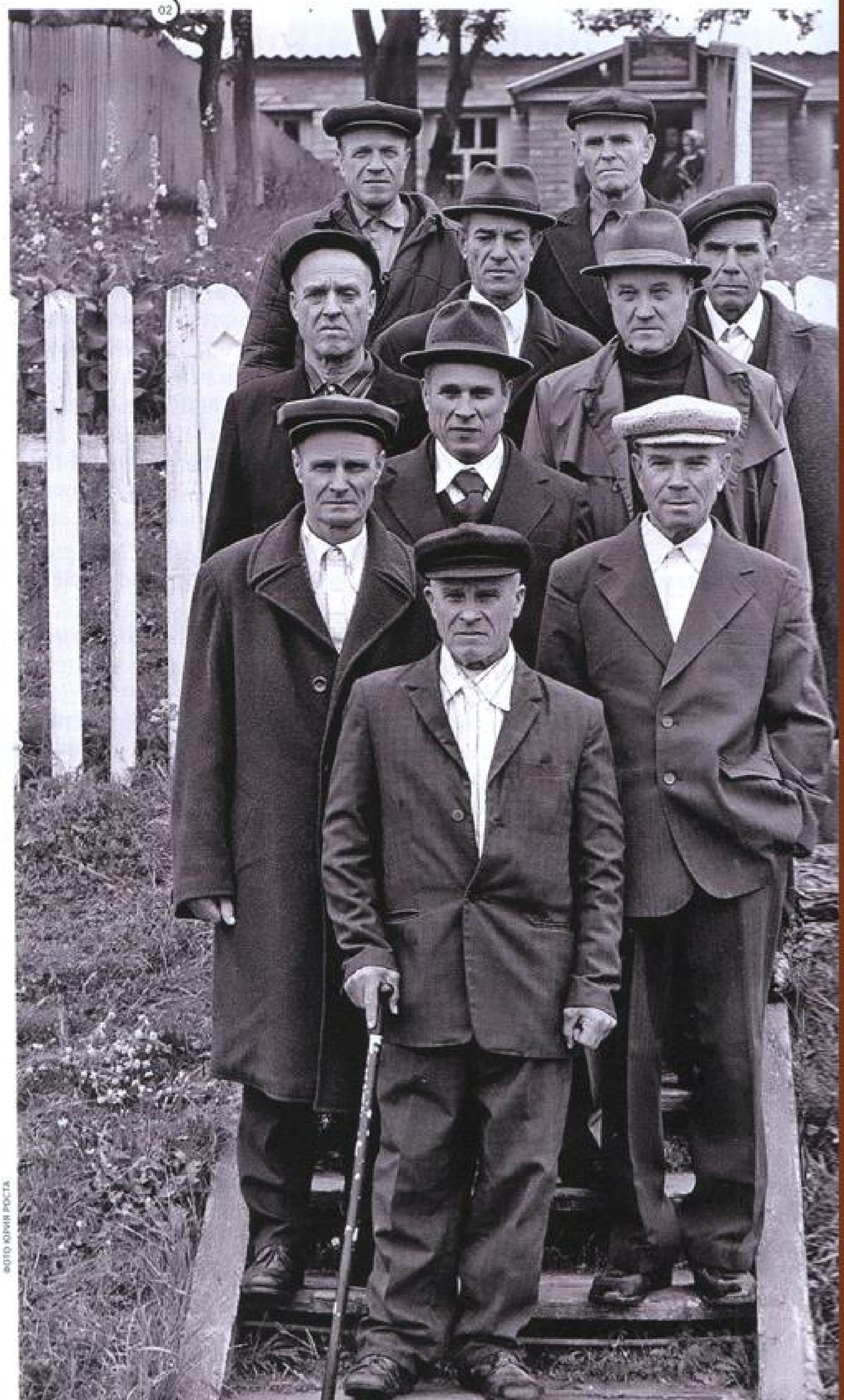
Кириченко, Галина. Материнское счастье Евдокии Лысенко : десять её сыновей ушли на войну - и все вернулись / Г. Кириченко. - Текст : непосредственный // Родина. - 2019. - № 1. - С. 36-39.

Текст: Галина Кириченко

МАТЕРИНСКОЕ СЧАСТЬЕ ЕВДОКИИ ЛЫСЕНКО

ДЕСЯТЬ ЕЕ СЫНОВЕЙ УШЛИ НА ВОЙНУ — И ВСЕ ВЕРНУЛИСЬ

01



02

©ЮЛИЯ РОСТА

В центре села Бровахи Корсунь-Шевченковского района — величественный памятник Матери. В 1941 году она отправила на фронт десятерых сыновей. И всех дождалась с войны.

Корреспондент «Родины» отправилась на Черкасчину к потомкам Евдокии Даниловны Лысенко.

Встреча

Население Бровахи — чуть больше 300 человек. И сельсовет крохотный — на две комнаты. Отопления нет, когда холодает — затапливают печку. Рядом с сельсоветом — школа.

Правда, уже два года она на замке. Местную детвору, 28 учеников, школьный автобус возит в соседнюю деревню.

А прямо перед закрытой школой — памятник Евдокии Лысенко.

— У нас здесь каждую весну на День Матери фестиваль проводили, — рассказывает сельский староста Александр Назаренко. — Приезжали коллективы даже из соседних областей. А месяц назад нам объявили: в связи с образованием общины из 13 сел фестиваль перенесут — либо в Черкассы либо в Корсунь...

Раньше возле памятника был сквер. Несколько елок посадили сестра и мама Юрия Гагарина, которые приезжали на открытие памятника в 1984 году. Но не так давно елочки пришлось спилить из-за того, что их поразила неизвестная болезнь.

— Мы тогда тоже посадили десять тополей — в честь сыновей Евдокии Даниловны и 5 ивушек по числу ее дочерей. Ивы тоже пришлось срезать — уж не знаем, какая напасть поразила деревья, — вздыхает Назаренко.

Бывший директор школы Алла Борисовна Москаленко открывает нам школьную дверь. В пустом здании сохранился музей семьи Лысенко. И вся семья вышла нам навстречу: Феодосий, Петр, Явтух, Иван, Василий, Михаил, Степан, Николай, Павел, Андрей, Александр, Анастасия, Явдоха, Анна, Мария, Степанида...

И мама, конечно.

Сыновья поверка

— Лысенков до сих пор в селе вспоминают как людей порядочных, работящих, воспитанных, — ведет нас по музею Алла Борисовна. — Макар Несторович даже после коллективизации слыл хозяином — умел и строить, и муровать, и пасеку держал, и ковальское ремесло знал. Колодцы копал на глубину до сорока метров — из многих люди до сих пор воду берут. А Евдокия Даниловна слыла веселым нравом — в работе никогда без песни не обходилась.

В 1933 году умер глава семьи. На руках у матери осталось 16 детей, но в тяжелую голодную годину она не потеряла ни одного. Упросила оставить ей корову, вдову пожалели. А первого сына потеряла, когда голодуха осталась позади. В 1936 году Явтух поехал на Дальний Восток — да и пропал в тайге...

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИ-ГЕРОИНЕ

Тов. Лысенко Евдокии Даниловне

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от „30" сентября 1944 г. ВАМ — МАТЕРИ, РОДИВШЕЙ И ВОСПИТАВШЕЙ десять ДЕТЕЙ, ПРИСВОЕНО ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ „МАТЬ-ГЕРОИНЯ"

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Москва — Кремль, 19 ноября 1944 г.

03

В МУЗЕЕ МЫ МОЛЧА СТОИМ НАПРОТИВ СЫНОВЬЕГО ВЗВОДА. ДЕСЯТЬ ПОТРЕПАННЫХ ВОЕННЫХ ШИНЕЛЕЙ. ПОД НИМИ ДЕВЯТЬ ПАР САПОГ. И ЕЩЕ ОДИН, ФЕОДОСИЙ, ДОМОЙ ВЕРНУЛСЯ БЕЗ НОГИ

° 1, 2
Евдокия Даниловна Лысенко и десять ее сыновей.

° 3
Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Е.В. Лысенко звания матери-героини.

— Все Лысенки вспоминали, как долго плакала мать за сыном, молилась, чтобы вернулся, — продолжает нашу экскурсию Алла Борисовна.

Мы молча стоим напротив сыновьего взвода. Десять потрепанных военных шинелей. Под ними — девять пар сапог. И еще один — Феодосий домой вернулся без ноги.

Читаем их воспоминания — и словно слышим голоса.

Феодосий:

«Помню, как мне ногу оторвало. С минного поля на телеге вывозили, я кричал от боли и от страха. Подошел врач: «Чего кричишь? Без ноги жить и работать можно. Вон солдату глаза выжгло, пусть он кричит». А я подумал тогда — действительно, кому-то ведь хуже, чем мне. Больше не кричал, терпел молча — стыдно было. Заплакал только раз — когда с фронта вернулся без ноги, мать меня увидела калекой и плакать начала, обнимать, и я заплакал».

Николай:

«Запомнилось, как мы спелую пшеницу тракторами вминали, чтобы врагу не досталась. Страшное было зрелище. Мы, хлеборобы, даже плакали — такой урожай... Трактора затем перегоняли в тыл через Днепр. Я свой перегнать не успел — мост был уже взорван. Тогда разогнался, выскочил из кабины, и трактор в Днепр упал на полном ходу. А я лежал на земле и плакал — и за пшеницей, и за трактором».

Александр:

«Дело было уже в Берлине, я помощник командира взвода управления батареи. Сели, разло-

КАК ЭТО БЫЛО

Снимок у сельсовета

В давнем очерке «Браты» журналист Юрий Рост рассказывал, что съемка была назначена у сельсовета. И председатель сельсовета Иван — сын одного из братьев, Николая Макаровича — носился по деревне на мотоцикле, собирая дядек. Первым пришел Степан, потом остальные. Когда все собрались, стали фотографироваться на пригорочке, перед объективом становились, кто куда хотел. Только самого старшего Феодосия (Хтодося — на украинский манер) Макаровича пропустили вперед.

жили нехитрый перекус — хлеб, тушенка. И вдруг перед нами девочка появилась. Немка, совсем маленькая. Стоит и глазами голодными на меня смотрит. Взял я свой паек да и отдал ей. Она бежать бросилась. Мне, старшему сержанту, пришлось объяснять подчиненным, что она ни в чем не виновата. А солдаты возмутились: «Да ты что, командир, что говоришь такое, разве мы не люди?!»

Никого из братьев уже нет в живых. Последним несколько лет назад умер Степан. Но в селе и окрестностях живут потомки Макаровичей — так в Бровахах называли братьев Лысенко. А для нас поверку у братского школьного мемориала проводит миловидная Яна.

Правнучка Евдокии Даниловны.

От Курил до Берлина

— Когда началась война, старшему Феодосию исполнилось 30 лет, — рассказывает Яна. — Он работал ездовым, Степан трактористом, Павел пастухом, Василий строителем, Александр самый маленький, 14 лет, в кузнице трудился...

В 1941 году на фронт ушли шестеро старших. Первым — Михаил. Воевал пехотинцем-разведчиком, прошел знаменитый Корсунский котел, получил награду от командования за то, чтобы поджег в деревне штаб фашистов. Под Каневом попал в окружение, потом плен, побег из плена. Долго лежал в госпитале, с 1944 года снова на передовой. Освобождал Украину, Молдавию, Венгрию.

А в бою под Яссами встретил в окопе брата Феодосия. Тот потом вспоминал:

«Иду с сослуживцами в разведку, несу четыре гранаты, автоматные диски, автомат. Сам голодный, уставший. Смотрю — мой брат Михаил в окопе. «Михаил, ты ли это?» — кричу. «Да, я» — отвечает. «Живой?» — спрашиваю. «Живой» — отвечает брат. Я к нему в окоп, обнял его. Куда и усталость подевалась. Оказалось, я в разведку иду, а он с разведки возвращается. Мне идти нужно, а мы наговориться не могли. Плакали оба...»

Михаил закончил войну под венгерским городом Мишкольц, получив тяжелое ранение в грудь. Победу встретил в ереванском госпитале. Домой вернулся инвалидом и с орденом Славы.

Феодосий шел по его пути. Но не повезло под Будапештом — разведка попала на минное поле, Феодосий потерял ногу.

Петр войну прошел телефонистом, домой вернулся в 1946 году.

Иван защищал Черкасы, Лубны, Ромны и Киев, попал в плен, побывал в концлагере Треблинки, сбежал оттуда, войну закончил в румынском городе Пашканы, где был награжден медалью «За отвагу».

Степан горел в танке под Смоленском, был тяжело ранен в Пруссии, затем получил направление на Дальний Восток. «Но как только прибыл туда, война с Японией закончилась, и дедушка Степан вернулся домой. Он любил говорить, что Лысенки прошли от Курил до Берлина. И это правда», — говорит Яна Лысенко.

04

АЛЕКСАНДР ВОЕВАЛ СВЯЗИСТОМ, БЫЛ НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ». ОН ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ЛЫСЕНКОВ, КТО РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ. ВСЕ БРАТЬЯ ВСЕГДА ЭТИМ ГОРДИЛИСЬ

Николай, попав на фронт двадцатилетним, повоевал всего месяц — в 1943 году под Житомиром прямым попаданием разорвало пушку-«сорокопятку», семеро солдат погибли на месте, Николай с израненными ногами оказался в госпитале. А потом вернулся домой — первым из большой семьи.

Больше повезло остальным двоим Лысенкам — они не получили тяжелых ранений.

Андрея вывезли на принудительные работы в Германию, через месяц он сбежал, с 1944 года — на фронте. Под Яссами получил ранение и вскоре вернулся домой.

Павла тоже вывезли в Германию, был освобожден 1-м Украинским фронтом и ушел дальше на запад вместе ним.

Василий оказался единственным офицером среди братьев. Старший лейтенант, командир

4, 5
Сыновий взвод — в музее и у памятника матери.

КОГДА ВСЕ ВЕРНУЛИСЬ В БРОВАХИ, НАЧАЛСЯ СВАДЕБНЫЙ БУМ. ОДИН ЗА ДРУГИМ ЖЕНИЛИСЬ МИХАИЛ, СТЕПАН, АЛЕКСАНДР — СМЕЯЛАСЬ И ПЛАКАЛА НА СВАДЬБАХ ВСЯ БОЛЬШУЩАЯ СЕМЬЯ

05

ФОТО ЮРИЯ РОСТА

стрелкового взвода, по пути из Украины до Будапешта был трижды ранен, за мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды.

Александр воевал связистом, дошел до Берлина. Был награжден медалью «За отвагу» — во время сильных боев несколько раз устранял разрывы линий. «Мой дед — единственный из Лысенков, кто расписался на рейхстаге, — говорит Яна Лысенко. — Все братья всегда этим гордились».

Золотая звезда матери

Каждого сына Евдокия Даниловна провожала по-матерински — целовала, пекла хлеб в дорогу, отсыпала с собой горсть родной земли. Потому и вернулись. Пусть пятеро и тяжелыми инвалидами

— Она даже не всех узнавала, — продолжает правнучка. — Предпоследним вернулся Павел. В окно постучал, а у бабушки полный дом военных квартирантов. Она махнула рукой — мол мест нет, иди солдатик. А потом всмотрелась — и разрыдалась. Война братьев разлучила почти на семь лет, заросшие, уставшие, покалеченные — они и сами друг друга не всегда узнавали. А уж когда вернулись в родные Бровахи, начался свадебный бум. Один за другим женились Михаил, Степан, Александр — смеялась и плакала на свадьбах вся большая семья.

Нет, большущая! Ведь у Евдокии Даниловны 36 внуков и более 70 правнуков.

В 1946 году ее пригласили в Киев. Женщина очень испугалась — она и в райцентре никогда не была. «Всю жизнь бабушка вспоминала, как провели ее в большой зал и вручили при всех Золотую звезду матери-героини, — завершает свой светлый рассказ Яна Лысенко. — Бабушка и слова сказать не могла — только плакала и вытирала слезы косынкой. Звание ей дали за десятерых сыновей. Районные статистики почему-то пятерых дочек не учли».

Евдокия Даниловна Лысенко умерла в 1967 году, не дожив месяца до своего 74-летия. А в начале 1980-х годов корреспондент «Литературной газеты» Юрий Рост закончил свой репортаж из Бровах призывом: «Воздадим должное матери, вырастившей десятерых солдат и пятерых дочерей. И хорошо бы ей поставить в Бровахах памятник, тем более что росту она была маленького и бронзы на нее уйдет немного».

Директор Днепровского завода Леонид Стромцов, прочитав заметку, написал в редакцию: предприятие готово безвозмездно отлить скульптуру матери. Скульптор Константин Чеканов из Днепропетровска сделал модель. И в 1984 году бронзовую фигуру Евдокии Даниловны установили на постамент. Все ее дочери и сыновья, кроме уже ушедшего Василия, пришли на встречу с матерью. Посадили рядом с ней ивы и тополя...

Преклоним колени и мы.

Ковалев, С. Н. Подготовка Выборгской наступательной операции / С. Н. Ковалев. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 9. - С. 12-19.

С.Н. КОВАЛЕВ

S.N. KOVALEV

ПОДГОТОВКА ВЫБОРГСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

PREPARING THE VYBORG OFFENSIVE OPERATION

Сведения об авторе. *Ковалев Сергей Николаевич — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: milhistory@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье представлены результаты анализа подготовки Выборгской наступательной операции (10—20 июня 1944 г.).*

Ключевые слова: *СССР; Великая Отечественная война; Ленинградский фронт; Выборгская наступательная операция.*

Information about author. *Sergei Kovalev — Leading Researcher at the Research Department (of Military History of the RF Northwest Region), Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: milhistory@yandex.ru).*

Summary. *The paper cites the results of analyzing preparation of the Vyborg offensive operation (10 June — 20 June 1944).*

Keywords: *USSR; Great Patriotic War; Leningrad Front; Vyborg offensive operation.*

В ОПЕРАЦИЯХ зимней кампании 1944 года Красная армия нанесла крупные поражения войскам Германии и её сателлитов под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. Советские войска вступили на территорию Румынии. Были созданы благоприятные условия для новых сокрушительных ударов по врагу.

В соответствии с замыслом Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) летне-осенняя кампания началась Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операцией с целью разгрома финской армии, выхода на государственную границу и вывода Финляндии из войны. Она проводилась с 10 июня по 9 августа 1944 года и включала две фронтовые операции: Выборгскую (10—20 июня), проведённую войсками правого крыла Ленинградского фронта[1] (ЛенФ) во взаимодействии с Краснознамённым Балтийским флотом (КБФ) и Ладожской военной флотилией (находились в оперативном подчинении ЛенФ), и Свирско-Петрозаводскую (21 июня — 9 августа), в которой участвовали войска левого крыла Карельского фронта[2], Ладожская и Онежская (находились в оперативном подчинении соответственно Ленинградского и Карельского фронтов) военные флотилии[3].

Выполнение решений Ставки ВГК, Генерального штаба Красной армии, военных советов Ленинградского и Карельского фронтов во многом определялось деятельностью полевых управлений фронтов, входивших в их состав армий, органов управления Краснознамённого Балтийского флота и флотилий, накопивших за годы войны значительный опыт руководства войсками и силами.

Анализ деятельности полевого управления Ленинградского фронта показал, что выполнение боевых задач во многом было обусловлено целенаправленной деятельностью органов военного управления, которая подтвердила незыблемость таких принципов управления войсками и силами, как единоначалие, централизация управления, твёрдость и настойчивость в выполнении решений, оперативное реагирование на изменения обстановки, личная ответственность, высокая организованность и творчество. Следование данным принципам и их сочетание обеспечивали необходимую эффективность управления войсками.

В деятельности полевого управления Ленинградского фронта трудно переоценить роль командующего его войсками генерала армии (с 18 июня 1944 г. — Маршала Советского Союза) Л.А. Говорова. Он внёс в управление войсками фронта плановость и высокую организованность. Одной из типичных черт стиля его деятельности была глубокая продуманность распоряжений, что исключало нервозность и спонтанные рывки. Командующий войсками фронта всячески стимулировал проявление инициативы штабом фронта, командующими родами войск и объединениями. Его высокая требовательность и непримиримость к упущениям по службе сочетались с исключительной корректностью в отношениях с подчинёнными[4].

После того как на северо-западном направлении зимой 1944 года войска противника были отброшены к Нарве и Пскову, главная угроза для Ленинграда была снята. Развитие событий на советско-германском фронте побудило финское руководство к поиску компромисса и заставило в середине февраля 1944 года обратиться к правительству СССР для выяснения условий перемирия. Но правительство Финляндии отвергло выдвинутые советской стороной требования, в основе которых было соблюдение границ 1940 года[5].

Финские войска на Карельском перешейке по-прежнему находились в 30 км от Ленинграда, а также удерживали Южную Карелию, по которой проходила важнейшая коммуникация — Кировская железная дорога, связывавшая Ленинград с северными портами страны[6].

Советское командование планировало нанести удар на выборгском направлении, овладеть Выборгом, затем перейти в наступление с рубежа

реки Свирь, освободить Петрозаводск и отбросить финские войска в глубь Финляндии, чтобы устранить угрозу с её стороны Ленинграду и всему Ленинградскому промышленному району, восстановить сообщение по Кировской железной дороге и Беломорско-Балтийскому каналу[7].

Условия местности и значительное время позволили противнику создать прочную оборону, оборудованную в инженерном отношении на большую глубину. Карельский перешеек на 12 проц. покрывали озёра и реки, на 70 проц. — труднопроходимые леса. Северная часть перешейка по линии Кексгольм[8] — Выборг покрыта скалистыми холмами. В южной части грунт преимущественно песчаный с огромным количеством валунов. Подгрунт преимущественно твёрдый — гранит или гравий. Местами торфяники. Холмы не превышали 200 м над уровнем моря[9].

Местность перешейка крайне ограничивала возможности использования танковых войск, поэтому прорвать оборону противника там и развить наступление в глубину планировалось стрелковыми войсками, усиленными артиллерией и поддержанными авиацией.

После того как немецко-финским войскам удалось в 1941 году потеснить войска Ленинградского фронта и захватить Карельский перешеек, они немедленно приступили к организации его обороны. Прежнюю систему обороны на перешейке признали недостаточно глубокой и вместо линии Маннергейма, значительная часть фортификационных сооружений которой была разрушена в 1940 году, решили построить три мощные оборонительные полосы (отображены на схеме), а также укрепить Выборг.

Основой обороны стала вторая полоса, вынесенная на 30—35 км вперёд от линии Маннергейма, на 55—60 км от Выборга. По расчётам противника, долговременная система обороны и, главное, мощная вторая оборонительная полоса должны были надёжно защитить подступы к Выборгу[10].

К началу наступления войск Ленинградского фронта (10 июня) финскому командованию удалось в основном выполнить свой замысел укрепления перешейка.

Первая оборонительная полоса, созданная по линии фронта, установившегося в результате боёв 1941 года, правым флангом примыкала к Финскому заливу, левым — к Ладожскому озеру. Её инженерное оборудование проводили войска, находившиеся там почти три года.

Особое внимание противник уделял второй (главной) оборонительной полосе, приступил к её строительству в 1942 году, особенно интенсивные работы развернул с мая 1943 года и продолжал до начала наступления советских войск.

Эта полоса протяжённостью по фронту 76 км и глубиной до 3—5 км проходила в 15—25 км от переднего края первой полосы по линии Тайпале — Васкеля — Липола — Сииранмяки — Кивеннапа — западнее Райвола, флангами упиралась в оз. Суванто-ярви[11] и Финский залив[12]. Будучи основой обороны перешейка, вторая полоса состояла из системы мощных узлов сопротивления, включавших по три—четыре опорных пункта с круговой обороной, расположенных на господствующих высотах, в крупных населённых пунктах и на перекрёстках важнейших дорог, прикрывалась густой сетью противотанковых и противопехотных заграждений.

Схема системы укреплений финнов на Карельском перешейке к 1 июня 1944 г. Написание некоторых географических названий в 1940-е гг., приведённое на схеме, отличается от современного, использованного в статье

Из журнала: Брауде З., Жарков С. Система укреплений финнов на Карельском перешейке // Военная мысль. 1944. № 10—11. С. 88. Интернет-ресурс: http://www.kaponir.ru

Противнику не удалось окончить строительство полосы, но всё же она представляла мощную систему укреплений, особенно в районах Кивеннапа, Котселькя, Кутерселькя, Метсякюля[13].

Третья оборонительная полоса (бывшая линия Маннергейма) находилась на удалении 60—65 км от переднего края обороны противника. Из 126 км её протяжённости по фронту 76 км проходили по северным берегам озёр Вуоксинской системы — оз. Суванто-ярви, оз. Вуокса, пос. Муола, дер. Сумма, оз. Куолем-ярви, пос. Мурила[14]. Эта полоса представляла собой систему оборонительных сооружений, сохранившихся после войны 1939—1940 гг. и восстановленных, с относительно небольшим количеством дзотов[15]. Особое внимание противник уделил восстановлению системы противотанковых и противопехотных заграждений.

Кроме упомянутых полос в 5—8 км от Выборга был создан внешний обвод со значительным количеством долговременных сооружений, противотанковых и противопехотных заграждений. Город и прилегавшие к нему районы также были приспособлены к обороне[16].

Последним оборонительным рубежом на Карельском перешейке была, как её именовали финны, «линия ВКТ»[17] на удалении 70—90 км от переднего края обороны противника. Этот рубеж проходил по большому количеству озёр и рек Вуоксинской водной системы, в основном включал сооружения полевого типа, отдельные дзоты и бронеколпаки на основных направлениях. Работы на этом рубеже перед наступлением советских войск находились в начальной стадии[18].

При подготовке решения на проведение операции командование Ленинградского фронта дало следующую оценку обороне финнов на Карельском перешейке: цель инженерной подготовки — предотвратить наступательные операции Красной

Л.А. Говоров
Художник В.В. Шилов
Тульский государственный музей оружия

армии, прежде всего на выборгском направлении; фортификационное оборудование опорных пунктов заключалось в создании долговременных пулемётных и орудийно-пулемётных сооружений и убежищ, а также мощных противотанковых и противопехотных заграждений; фортификационное оборудование опорных пунктов обеспечивало большую живучесть огневых средств и живой силы; характерной особенностью обороны было хорошее использование местности, в том числе командных высот и естественных препятствий[19].

Перешеек обороняли финские 3-й и 4-й армейские корпуса, объединённые 15 июня 1944 года в группу «Карельский перешеек», в составе: пять пехотных и одна танковая дивизии, пехотная и кавалерийская бригады, две бригады береговой обороны, специальные части и подразделения. В первом эшелоне оборонялись три пехотные дивизии (2, 10, 15-я) и 19-я пехотная бригада. В резерве находились 3-я, 18-я пехотные дивизии, танковая дивизия «Лагус» и 1-я кавалерийская бригада. 1-я и 2-я бригады береговой обороны защищали побережье соответственно Финского залива и Ладожского озера[20].

Сухопутные войска финнов поддерживал 3-й истребительный полк (3 эскадрильи). 10 июня из Олонца на Карельский перешеек перебазировались финские 2-й истребительный авиаполк и 4-й авиаполк (60 бомбардировщиков). Противовоздушную оборону обеспечивали 13 зенитных батарей в 4-м корпусе и 7 зенитных батарей в 3-м корпусе. В тылу района Выборг — Лаппенранта и долины реки Вуоксы противовоздушную оборону обеспечивали 12 зенитных батарей. Боевым частям на линии фронта были приданы по одной зенитной батарее[21].

Группировка финских войск на Карельском перешейке насчитывала до 100 тыс. человек, 960 орудий и миномётов, 110 танков, свыше 200 самолётов. Численность каждой из пехотных дивизий составляла около 12 тыс. человек[22].

К началу мая 1944 года на Карельском перешейке занимала оборону с передним краем по рубежу Таппари — Лембалово — Сестрорецк 23-я армия (23 А) Ленинградского фронта в составе 115-го стрелкового корпуса (ск), в который входили 10, 92 и 142-я стрелковые дивизии (сд), 17-й и 22-й[23] укрепрайоны[24]. В первой декаде мая в состав 23 А был передан 98 ск[25].

Прорыв глубоко эшелонированной обороны требовал значительных сил и средств, тщательной подготовки войск, искусства командующих, командиров и начальников всех степеней.

Ставка ВГК дала указания командующим войсками Ленинградского и Карельского фронтов о подготовке и проведении наступательных операций, усилила эти фронты своими резервами. Согласно директиве Ставки ВГК от 28 апреля 1944 года из её резерва Ленинградскому фронту была передана 21-я армия[26].

Дополнительно Ставка включила в состав фронта артиллерийские, танковые, самоходно-артиллерийские и другие соединения и части, незадолго до начала операции директивой от 1 июня 1944 года передала ему 110-й стрелковый корпус (168, 265, 268 сд) из состава 3-го Прибалтийского фронта и две стрелковые дивизии (13-ю и 382-ю) из своего резерва[27].

К началу операции на Карельском перешейке были сосредоточены 18 стрелковых дивизий, 4 танковые бригады, 9 танковых и столько же самоходно-артиллерийских полков, два укрепрайона и другие формирования. Хотя войска получили маршевое пополнение, состав стрелковых дивизий в среднем не превышал 6,5—7 тыс. человек, т.е. 65—70 проц. их штата. В войсках правого крыла Ленинградского фронта насчитывались более 300 тыс. человек, 3004 орудия калибров 76 мм и более, 2807 миномётов калибров 82 мм и более, 881 реактивная система, 628 танков и самоходно-артиллерийских установок. Для поддержки привлекался 741 самолёт 13-й воздушной армии и авиации КБФ. Советские войска превосходили противника в личном составе в 3 раза, в артиллерии — почти в 7 раз, в танках и САУ — в 5,7 раза, в авиации — в 3,7 раза[28]. Столь значительное превосходство было необходимо для быстрого прорыва глубокоэшелонированной обороны в крайне неблагоприятных условиях местности.

В созданную группировку войск вошли 21-я и 23-я армии со средствами усиления. В резерве фронта находились два стрелковых корпуса, четыре стрелковые дивизии, четыре танковые бригады, артиллерийские и инженерные части. Артиллерию составили 3-й артиллерийский корпус прорыва, 51-я и 127-я пушечные артиллерийские бригады, 106-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности, семь армейских, три корпусных пушечных артиллерийских, шесть артиллерийских, восемь истребительно-противотанковых, семь ми-

номётных полков и четыре дивизиона особой мощности. Артиллерия КБФ включала 1-ю гвардейскую железнодорожную артиллерийскую бригаду в составе пяти артдивизионов, четыре артдивизиона и одну батарею «А» (130-мм орудия, снятые с крейсера «Аврора») Кронштадтского и Ижорского секторов береговой обороны, артиллерию четырёх эсминцев и пяти канонерских лодок, а также два орудия калибра 356 мм и 406 мм. Для противовоздушной обороны войск фронта привлекались 11-я гвардейская, 32-я и 117-я зенитные дивизии и ПВО КБФ. Бронетанковые и механизированные войска включали 46-й и 226-й гвардейские тяжёлые танковые полки прорыва, 26, 31, 185, 260-й гвардейские, 27, 98, 124-й танковые, 352, 396, 938, 1222, 1238, 1439-й гвардейские, 394, 397, 952-й тяжёлые самоходно-артиллерийские полки. В резерве фронта находились 30-я гвардейская, 1, 152 и 220-я танковые бригады. Инженерным обеспечением войск в операции занимались 52-я инженерно-сапёрная и 17-я штурмовая инженерно-сапёрная бригады, пять инженерных, два сапёрных, три понтонно-мостовых батальона и один батальон минёров. Действия сухопутных войск поддерживали 13-я воздушная армия и авиация КБФ[29].

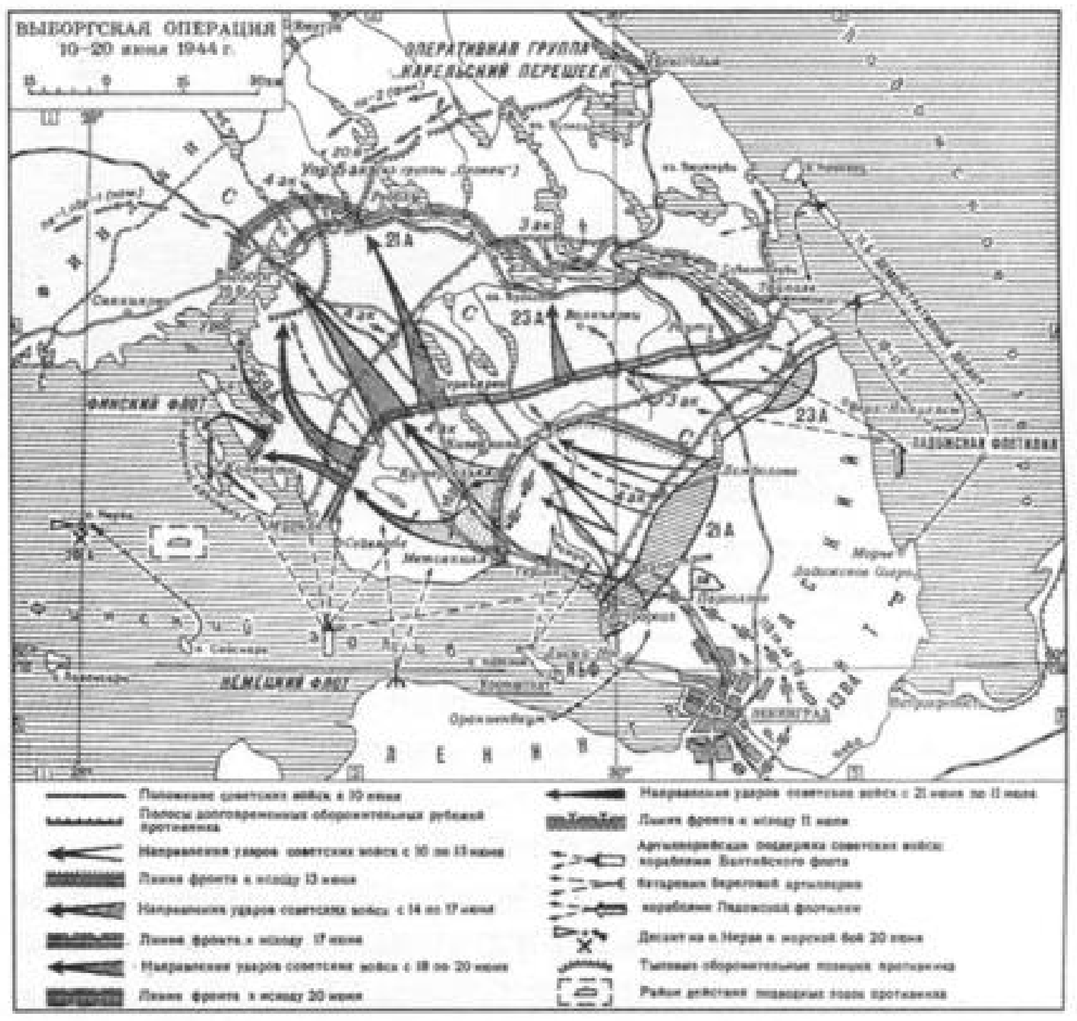
Предусматривалось использовать авиацию дальнего действия. Она должна была нанести ряд массированных ударов по важнейшим объектам в тылу врага. Противовоздушную оборону обеспечивали силы Ленинградской армии ПВО и Ладожского дивизионного района ПВО, в которых было около 1300 зенитных орудий среднего и малого калибров.

Содействие флангам наступавших войск, высадка десантов, противодесантная оборона прибрежной полосы возлагались на КБФ и Ладожскую военную флотилию.

Ленинградский фронт должен был провести Выборгскую операцию с задачей разгромить основные силы финских войск на Карельском перешейке и выходом северо-западнее и западнее Выборга создать угрозу важнейшим центрам на юге Финляндии.

Командующий войсками фронта генерал армии Л.А. Говоров принял решение на проведение наступательной операции, оформленное оперативной директивой штаба фронта от 3 мая 1944 года.

Главный маршал авиации А.А. Новиков, бывший в то время представителем Ставки ВГК на Ленинградском фронте, впоследствии вспоминал: «Леонид Александрович (Говоров. — **Прим. авт.**) объяснил <...> Прорывать вражескую оборону можно было только в лоб <...> В этих условиях удар наш должен был быть молниеносным и сокрушающим... чтобы финские войска... оказались разгромленными до подхода своих оперативных резервов <...> Сам ход прорыва первого рубежа должен был показать наиболее перспективное направление для развития удара. Ввиду этого 23-я армия генерала А.И. Черепанова не получила самостоятельного участка прорыва. Она вводилась в сражение после определившегося прорыва на направлении главного удара, наносимого соединениями 21-й армии генерала Д.Н. Гусева <...> Резерв фронта предназначался для нанесения удара на наиболее перспективном направлении»[30]. В соответствии с этим замыслом были поставлены задачи армиям.



Карта Выборгской операции 10—20 июня 1944 г. Написание некоторых географических названий на карте отличается от зафиксированного в Государственном водном реестре и использованного в статье

Из кн.: Выборгская операция 1944 // Советская военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Военная энциклопедия, 1976. С. 424

21-я армия со средствами усиления (97, 109 и 30-й гвардейский стрелковые корпуса, 22-й укрепрайон, 3-й артиллерийский корпус прорыва, пять танковых и три самоходно-артиллерийских полка) должна была прорвать оборону противника на 18-километровом участке Старый Белоостров — Белоостров, развивать наступление вдоль Выборгского шоссе и Приморской железной дороги в направлении Райвола — Сумма — Выборг — Лаппенранта, разгромить основные силы финнов на Карельском перешейке и выйти на рубеж северо-западнее и западнее Выборга[31].

23-я армия (98-й, 115-й стрелковые корпуса и 17-й укрепрайон) получила задачу прочно оборонять прежние рубежи от Ладожского озера до Охты, активными демонстративными действиями стрелковых соединений и огнём артиллерии сковать противника, не дать ему определить участок прорыва. С выходом 97-го стрелкового корпуса 21-й армии на рубеж Термолово — Хиреля принять его в свой состав и, введя в сражение 98 ск, перейти в наступление, нанося главный удар в направлении Кекрола и в сторону правого фланга на Мусталово. По мере расширения прорыва планировалось ввести в сражение 115 ск, прорвать вторую оборонительную полосу противника и, развивая наступление на Валкъярви, выйти на водную систему озёр[32] Суванто-ярви, Вуокси-ярви, Яюряпян-ярви[33].

Для развития успеха предназначались два стрелковых корпуса, две танковые бригады, два тяжёлых танковых и два тяжёлых самоходно-артиллерийских полка. В резерве командующего войсками фронта на выборгском направлении находились две танковые бригады и два самоходно-артиллерийских полка[34].

Воины Ленинградского фронта преодолевают финские заграждения

Глубина операции составляла 110—120 км. Был намечен средний темп наступления — до 12 км в сутки[35].

Особенность замысла Выборгской операции состояла в том, что наступать предстояло двум армиям, а прорывать оборону противника только одной — 21-й. Ей были переданы от 60 до 80 проц. всех сил и средств, находившихся на Карельском перешейке. Подавляющая их часть сосредоточивалась на участке протяжённостью 12,5 км[36].

Командованию Краснознамённого Балтийского флота, находившегося в оперативном подчинении командующему войсками Ленинградского фронта, было приказано с целью отвлечения сил противника провести демонстрацию высадки десанта на флангах его оборонительных рубежей на участки побережья Финского залива, Ладожского озера и остров Коневец на Ладожском озере. Готовность сил и средств — к 8 июня[37]. Ладожской военной флотилии командующий флотом приказал огнём корабельной артиллерии и демонстрацией высадки десанта содействовать флангу войск 23-й армии при прорыве обороны противника на Карельском перешейке[38].

2 мая 1944 года военный совет Ленинградского фронта с целью организации подготовки войск к операции направил в органы управления, 23-ю, 21-ю армии и специальные войска директиву № 5сс[39]. В ней указано: «Войскам армий Ленинградского фронта с 5.5.44. г. начать боевую тренировку всех родов войск с задачей обучить... приёмам и методам наступательных действий. Срок тренировки 20 суток по 10 часов»[40]. Были определены основные задачи обучения: отработать «боевые порядки» и манёвр в условиях лесисто-болотистой местности, взаимодействие цепей со штурмовыми группами, стремительное и непрерывное продвижение за огнём артиллерии на всю тактическую глубину обороны противника; ведение ближнего боя, «борьба с ДЗОТами и ДОТами, преодоление заграждений, организация противотанковой обороны»; непрерывное взаимодействие пехоты с артиллерией, танками и САУ, авиацией, использование всех «пехотных» средств[41] в ближнем бою; ввод в бой вторых эшелонов; наступление и ориентирование пехоты в лесу, поддержание связи с артиллерией и вызов артогня. Особое внимание обращалось на непрерывное управление «с личным наблюдением за полем боя от командира ск и умением применять радио, ракеты, звукосигналы и посыльных»[42].

Директива требовала проводить огневую подготовку с учётом взаимозаменяемости в роте стрелка, «автоматчика и ручного пулемётчика», воспитывать у личного состава упорство, инициативу для выполнения поставленной задачи «на всю глубину боя»[43], обучение войск вести на сложной местности «с постройкой на ней всех элементов обороны противника (проволочных заграждений, траншей, ДЗОТов и других элементов)» лично командирам дивизий и полков. Командиры дивизий должны были провести в каждом полку по одному показному занятию по ведению «ближнего боя усиленной ротой»[44], а также, учитывая «важность готовности подразделений пехоты к самостоятельным инициативным действиям в лесистой местности», — по одному занятию с командирами рот, командиры полков — по два занятия с ними.

В каждой дивизии готовили 1—2 штурмовых батальона[45], в каждом стрелковом полку — группы для борьбы с контратакующими танками и самоходными орудиями в составе: одно—два 122—152-мм, три—пять 76-мм (ЗИС-3), 45-мм орудий, взвод противотанковых ружей, взвод минёров с противотанковыми минами, «отделение гренадер (метальщики ручных противотанковых гранат)», два взвода автоматчиков для охраны орудий и борьбы с десантами противника[46].

Были определены цели занятий, приёмы и навыки, которые должны были приобрести обучаемые,

Расчёт 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 ведёт огонь

Морская пехота штурмует один из островов Ладожского озера

203-мм гаубица Б-4 на марше
Июнь 1944 г.

Воины 21-й армии на улице Выборга

поставлены задачи по подготовке артиллерии, танковых и инженерных войск фронта.

Упомянутая директива предписывала обратить особое внимание на материальное обеспечение боевой подготовки, личное руководство и участие в ней командования и штабов всех уровней, систематический контроль и помощь. До 20 мая 1944 года требовалось завершить «проверку боя всего оружия»[47].

Планы и программы боевой подготовки армий, корпусов и приказы по боевой подготовке дивизий требовалось к 8 мая представить командующему войсками фронта генералу армии Л.А. Говорову, формирований специальных войск — «через начальников родов войск»[48].

Штаб фронта разработал план подготовительных работ командования и штабов 21-й и 23-й армий на май 1944 года, введённый в действие директивой военного совета фронта № 0157/ов от 3 мая 1944 года[49]. Этим документом были определены мероприятия по подготовке к операции с указанием сроков их проведения, в том числе утверждение решений командующих армиями с уточнением сил и средств; постановка задач командирам корпусов и совместные с ними рекогносцировки; работа командиров корпусов с артиллерийскими начальниками на местности, изучение местности и противника, принятие решения; инструктаж командующих артиллерией армий и корпусов командующим артиллерией фронта; доклады решений командиров корпусов командующим армиями; работа по планированию в штабах армий, корпусов и артиллерийских штабах, постановка задач командирам стрелковых дивизий; работа командиров корпусов и стрелковых дивизий на местности, поверка и утверждение решений командиров стрелковых корпусов; работа командиров стрелковых дивизий с артиллеристами и танкистами на местности и в штабах; проведение командующими армиями военной игры с командирами корпусов и дивизий; постановка задач командирам стрелковых полков, их работа на местности с артиллерийскими и танковыми командирами и начальниками, принятие решений и их утверждение командирами стрелковых дивизий; доработка планирования и контроль во всех звеньях командования и штабов; артиллерийские военные игры со штабами артиллерии стрелковых и артиллерийских дивизий и корпусов; постановка задач командирам батальонов, дивизионов, рот, батарей и рекогносцировки с ними на местности.

К 17 мая 1944 года штаб фронта разработал планы сосредоточения войск 23-й армии[50] и развёртывания войск 21-й армии[51]. Её сапёры должны были начать выдвижение в районы сосредоточения армии 15 мая 1944 года.

В начале июня 1944 года полевые управления Ленинградского фронта, 21-й и 23-й армий завершили разработку планирующих документов Выборгской наступательной операции. 6 июня заместитель начальника штаба — начальник оперативного управления штаба Ленинградского фронта генерал-майор А.В. Гвоздков представил в оперативное управление Генерального штаба Красной армии документы «по операции на Карельском участке фронта»[52], включая документы 21-й и 23-й армий[53].

Командующие, командиры и начальники на совместных рекогносцировках согласовали вопросы взаимодействия. Штабы разработали специальные таблицы сигналов, управления и взаимодействия[54].

8 июня 1944 года был утверждён план взаимодействия 13-й воздушной армии с войсками 21-й армии, включавший её участие в разрушении сооружений противника в полосе прорыва, сопровождении пехоты ударами по его артиллерийским, миномётным батареям и узлам сопротивления; прикрытии войск на поле боя и в местах их сосредоточения, разведке поля боя, обороны противника в тактической и оперативной глубине, а также удары с воздуха по его подходящим резервам и корректирование артиллерийского огня[55].

Вблизи переднего края создавались пункты управления авиационных дивизий. В танковые части были направлены офицеры связи и наведения авиации[56].

Управление войсками Ленинградского фронта было организовано с основного (населённый пункт Шувалово) и вспомогательных (населённый пункт Тарховка и др.) пунктов управления фронта. Особенностью организации управления войсками стало одновременное развёртывание вспомогательных пунктов управления фронта на карельском и нарвском направлениях.

В период прорыва обороны противника наблюдательные пункты командующих и командиров всех степеней, начиная с командующего войсками фронта, были расположены на расстоянии 300—800 м от переднего края в долговременных инженерных сооружениях 22-го укрепрайона на

Курская областная научная библиотека

Встреча представителей советского и финского командований после прекращения огня

Карельском перешейке[57]. В дальнейшем, по мере продвижения войск, наблюдательные и командные пункты перемещались по оси движения частей и соединений[58]. В ходе операции для обеспечения управления войсками широко использовались подвижные средства и самолёты связи. Части и подразделения связи, обеспеченные автотранспортом, могли быстро перемещаться в новые районы.

Важное место в управлении войсками занимала организация представления отчётных и других информационных документов. Штабы армий, артиллерии, бронетанковых и инженерных войск, укрепрайонов готовили и представляли в оперативное управление штаба фронта оперативные сводки один раз в сутки по данным на 22.00 к 4.00.

Для обеспечения прорыва главной полосы обороны противника командование приняло решение накануне наступления разрушить огнём артиллерии наиболее прочные оборонительные сооружения, выявленные при подготовке операции. Всего было разведано 550 целей, для разрушения 349 из них требовался огонь орудий калибров 120-мм и выше. Для разрушения разведанных дотов и дзотов выделялось 240 орудий калибра 120—406 мм. Их огнём планировалось разрушить намеченные цели за 10 часов. Артиллерийская поддержка атаки планировалась методом последовательного сосредоточения огня (ПСО), обеспечение боя в глубине — сосредоточением огня (СО) артиллерии по обнаруженным опорным пунктам, огневым точкам и контратакующим группам противника[59]. Для содействия наступлению 21-й армии на приморском направлении было создано четыре артиллерийские группы от КБФ[60].

Для Выборгской наступательной операции (отображена на карте) был характерен перенос главных усилий войск 21-й армии с одного направления на другое в ходе развития наступления. Изменение направления удара армии обеспечивалось своевременным вводом резервов фронта (108, 110 ск) и быстрой перегруппировкой артиллерии. Эта операция служит примером последовательного прорыва сильно укреплённых оборонительных полос с большим количеством долговременных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий.

Немалую роль в достижении успеха сыграла скрытность подготовки операции. Для этого командование и штаб Ленинградского фронта провели большую работу. 4 мая 1944 года был разработан «План маскировочных мероприятий штаба и начальников родов войск по скрытию подготавливаемого наступления на Карельском перешейке». Он включал комплекс мер оперативной маскировки и введения противника в заблуждение одновременно на Карельском перешейке и нарвском направлении. С этой целью были отданы специальные распоряжения о подготовке наступления на нарвском направлении[61]. В результате наступление советских войск на выборгском направлении для финского командования оказалось неожиданным.

Артиллерия сыграла решающую роль в обеспечении прорыва обороны противника. Особенность её использования в операции — массирование на направлении главного удара, на котором действовала 21-я армия.

Большую роль в прорыве обороны противника на Карельском перешейке сыграли штурмовые отряды и группы, обученные блокированию и уничтожению огневых точек и опорных пунктов.

Подразделения инженерных войск, наступая в боевых порядках, содействовали пехоте, артиллерии и танкам в преодолении многочисленных заграждений, блокировке и штурме долговременных огневых точек, обеспечивали форсирование водных преград. Особенно ответственные и важные задачи инженерные войска выполняли по обеспечению маневрирования стрелковых, артиллерийских и танковых частей в ходе наступления.

Партийно-политическая работа в войсках была направлена на помощь командованию в организации боевой учёбы, поддержание необходимого политико-морального состояния личного состава, его готовности к наступательным действиям.

Успех Выборгской операции во многом был обеспечен правильным выбором направления главного удара — кратчайшего пути на Выборг, что позволило эффективно использовать в операции силы Краснознамённого Балтийского флота, и мощной ударной группировки на узком участке фронта. Важнейшую роль в подготовке к операции сыграли грамотное планирование, организация и контроль выполнения намеченного.

В Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. на прорыв обороны противника на Карельском перешейке и овладение Выборгом потребовалось три

с половиной месяца, а в июне 1944 года на прорыв более мощной обороны и овладение сильно укреплённым Выборгом — 11 дней.

Решающими слагаемыми успешного выполнения войсками боевых задач наряду с другими стали высокий моральный дух личного состава, его беззаветная преданность Родине. В трудных условиях советские воины проявляли героизм, мужество, отвагу и самоотверженность в борьбе с упорным и активным противником.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Войска Ленинградского фронта действовали на двух направлениях — нарвском (левое крыло — 2-я ударная, 8-я и 59-я армии) и Карельском перешейке (правое крыло — 23-я армия и с 28 апреля 1944 г. 21-я армия).

[2] Подробнее см: Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 в 4 т. Т. III. Операции Советских Вооружённых Сил в период решающих побед (январь—декабрь 1944 г.). М.: Воениздат, 1958. С. 229.

[3] Там же. С. 223.

[4] Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 11. М.: Кучково поле, 2015. С. 747; портал Министерства обороны РФ: http://encyclopedia.mil.ru.

[5] *Polvinen T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944: Jatkosodan tausta. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström OY, 1964. S. 217—219.

[6] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 228, 229.

[7] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 228.

[8] Ныне г. Приозёрск Ленинградской обл.

[9] Финско-Ладожский район. Л.: Штаб ЛВО, 1931. С. 11.

[10] *Брауде З., Жарков С.* Система укреплений финнов на Карельском перешейке // Военная мысль. 1944. № 10—11. С. 88—95.

[11] Суванто-ярви — ныне оз. Суходольское. Здесь и далее названия озёр приведены по Государственному водному реестру (ГВР): http://www.textual.ru.

[12] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 234—237; *Барбашин И.П. и др.* Битва за Ленинград. М.: Воениздат, 1964. С. 419.

[13] *Брауде З., Жарков С.* Указ. соч. С. 88—95.

[14] Куолем-ярви — ныне оз. Пионерское. См.: ГВР.

[15] *Барбашин И.П. и др.* Указ. соч. С. 424.

[16] *Павленко Н.* Выборгская операция. Прорыв обороны на Карельском перешейке // Военная мысль. 1944. № 10—11. С. 28, 29.

[17] «Линия ВКТ», фин. — VKT-linja от Viipuri — Kuparsaari — Taipale linja — линия Выборг — Купарсаари — Тайпале. Эта линия должна была проходить от Выборга через Тали (ныне Пальцево) и Купарсаари (остров Ждановский) по северному берегу р. Вуоксы, оз. Суванто (с 1950 г. — Суходольского озера) и реки Тайпален-йоки (Бурной) до пос. Тайпале (ныне — Соловьёво).

[18] *Барбашин И.П. и др.* Указ. соч. С. 424.

[19] Более подробную характеристику обороны финнов на Карельском перешейке см.: *Брауде З., Жарков С.* Указ. соч. С. 88—95. Интернет-ресурс: http://www.kaponir.ru.

[20] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 270.

[21] *Барбашин И.П. и др.* Указ. соч. С. 423.

[22] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 231.

[23] 22-й укрепрайон занимал полосу обороны от Финского залива, включая его побережье, до Лембаловского озера, 17-й укрепрайон — от Лембаловского до Ладожского озера.

[24] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 272.

[25] 98 ск // Портал «Память народа»: https://pamyat-naroda.ru.

[26] *Барбашин И.П. и др.* Указ. соч. С. 427.

[27] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 203158. Д. 9. Л. 17, 18; Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 239.

[28] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 272.

[29] Там же. С. 272—274.

[30] *Новиков А.А.* В небе Ленинграда: записки командующего авиацией. М.: Наука, 1970. С. 275.

[31] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 274.

[32] Там же.

[33] Вуокси-ярви — ныне оз. Вуокса. См.: ГВР.

[34] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 4. С. 274.

[35] Там же.

[36] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 т. Т. 9. М.: Воениздат, 1978. С. 27.

[37] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 241.

[38] Там же.

[39] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 143—157.

[40] Там же. Л. 151.

[41] «Пехотные» средства — стрелковое оружие, штык, малая пехотная лопата, гранаты.

[42] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 152.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же. Л. 152, 153.

[47] Там же. Л. 156.

[48] Там же. Л. 157.

[49] Там же. Оп. 201177. Д. 4. Л. 275—279.

[50] Там же. Л. 162.

[51] Там же. Л. 164.

[52] Там же. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 195.

[53] Там же.

[54] Там же. Ф. 375. Оп. 46951. Д. 2. Л. 64—70; Ф. 217. Оп. 201177. Д. 65. Л. 105—110.

[55] Там же. Ф. 375. Оп. 71768. Д. 4. Л. 21—24.

[56] *Иноземцев И.Г.* Под крылом — Ленинград. М.: Воениздат, 1978. С. 211.

[57] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 205910. Д. 4. Л. 120—130.

[58] Там же. Оп. 65283. Д. 3. Л. 8.

[59] Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. III. С. 242.

[60] *Сагоян А.А.* Морская артиллерия в битве за Ленинград / Краснознамённый Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941—1944. М., 1973. С. 303, 304.

[61] ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 201177. Д. 4. Л. 217, 218. ■

Колотило, Александр. Был и комиссаром, и командиром / А. Колотило. - Текст : непосредственный // Красная звезда. - 2020. - 12 февр. - С. 10 : фот.

МУЖЕСТВО

Был и комиссаром, и командиром

Герой Советского Союза Владимир Калачёв своими жизненными поступками вдохновлял молодых лётчиков на подвиг

Александр КОЛОТИЛО ★

Судьба Героя Советского Союза майора Владимира Николаевича Калачёва сложилась так, что он был и комиссаром, и командиром. Будучи военным комиссаром истребительного полка, он воевал с японскими милитаристами у реки Халхин-Гол в 1939 году, а с гитлеровскими асами в годы Великой Отечественной войны сражался уже в должности командира.

Владимир Калачёв родился 10 августа 1910 года в деревне Гора, ныне Кирилловского района Вологодской области в семье учителя. Окончил 7-летнюю школу. С 1924 года жил в Ленинграде. В 1926–1928 годах Владимир работал подрывником на станции Чупа в Карелмуртресте, с июня 1928 года – учеником слесаря на ленинградском заводе «Красный химик», а с февраля 1929 года – слесарем на заводе «Красный путиловец». Член ВКП(б) с сентября 1931 года.

В июне 1932 года по партийной путёвке Владимир Калачёв поступил в Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС. После её окончания учился в Энгельсской школе военных лётчиков. В 1935–1938 годах служил в Забайкалье младшим лётчиком, командиром звена, заместителем командира эскадрильи. В декабре 1938 года назначен комиссаром полка.

С 23 мая по 16 сентября 1939 года участвовал в боях с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол. Батальонный комиссар 22-го истребительного авиационного полка Владимир Калачёв в первых девяти воздушных боях лично сбил два вражеских самолёта. Его отвага и высокая техника пилотирования служили примером для лётчиков всего полка.

Всего провёл 20 боёв, сбил лично шесть самолётов противника и два – в группе с товарищами. Много раз принимал участие в штурмовках вражеских аэродромов и зенитных батарей противника.

...Утром 22 мая 1939 года 22-й истребительный авиационный полк в числе первых авиационных частей, отправленных на помощь уже сражавшимся истребителям 70-го авиационного полка, был поднят по боевой тревоге и из Забайкалья перелетел в Тамцак-Булак. У пилотов не было боевого опыта. Поэтому в первых же боях погибло несколько лётчиков.

Комиссар 57-го особого корпуса бригадный комиссар М.С. Никишев вызвал к себе старшего политрука Калачёва. Владимир Николаевич догадывался о предстоящем серьёзном разговоре. Однако Никишев встретил его как обычно, спокойно задав вопрос:

– Что надо сделать, чтобы исправить положение и поднять боевой дух лётчиков?

Калачёв обстоятельно доложил Никишеву, что уже за эту ночь было продумано командованием полка, намечено и частично начало претворяться в жизнь. Во-первых, рассредоточивались самолёты. Каждая эскадрилья получала свою площадку. Это уменьшало потери при налётах вражеской авиации и ускоряло взлёт по тревоге. Во-вторых, принимались меры к организации надёжной службы оповещения, наблюдения и связи. В-третьих, требовалось научить лётчиков вести воздушный бой, а командиров управлять подчинёнными в его динамике.

– Поскольку полк рассредоточивается, – заметил Никишев, – работать вам как комиссару будет труднее. Старые мерки тут не подойдут, надо искать новые формы партийно-политической работы...

В справедливости слов комиссара корпуса, опытного политработника, Калачёв вскоре убедился сам. Лётчики целыми днями дежурили у самолётов. Технический состав находился у машин круглые сутки. Днём техники готовили самолёты к боевым вылетам, а ночью производили ремонт повреждённых в бою машин и вооружения. Полк был разбросан в радиусе 10–15 километров. В таких условиях собирать в одном месте людей не представлялось возможным. Центр всей партийно-политической работы переместился в звено и экипаж.

Много внимания Калачёв уделял воспитанию молодых коммунистов. А в полку их было немало. Только за период боёв в партию было принято 55 человек.

Со знанием дела вникал комиссар во все стороны жизни полка. Его можно было встретить не только в боевых эскадрильях, но и на пищеблоке, в медпункте, на складах горючего и боеприпасов. Он хорошо знал людей и умел подобрать ключик к сердцу каждого бойца и командира. Его уважали за отцовскую заботу, тёплое слово и добрый совет.

Владимир Николаевич был не только энергичным и инициативным политработником, но и первоклассным лётчиком. Во время своего второго боевого вылета Калачёв увидел, что японский самолёт заходит в хвост одному из наших истребителей. Калачёв тут же бросился на помощь товарищу, умело атаковал врага и сбил его.

В одной из июльских воздушных схваток Калачёв получил ранение в плечо, но продолжал вести бой, прикрывая атаку товарища. Несмотря на мучительную боль кровоточащей раны, он посадил свой истребитель на аэродроме. Наотрез отказавшись от госпитализации, Владимир Николаевич остался в полку.

Истребитель И-153 «Чайка».

5 августа истребители приземлились, чтобы заправиться горючим и подготовиться к очередному вылету на прикрытие наземных войск в районе озера Узур-Нур. Внезапно со стороны солнца появилось несколько японских самолётов.

– Боевая тревога! Воздух!

Калачёв выскочил из юрты и бросился к самолёту. Прямо со стоянки, сделав короткий разбег, И-16 взмыл в небо. Между тем четыре японских самолёта уже приближались к аэродрому. Лётчики, следя за машиной комиссара, волновались: их четыре, а он один, к тому же раненый.

Ведущий вражеской группы, имея превосходство в высоте, спикировав, стремительно мчался к И-16. Сверкнули пулемётные трассы. Наш истребитель отвернул влево и продолжал набирать высоту. Самолёт врага, выйдя из пикирования, оказался впереди нашего истребителя. Довернув свой самолёт, Калачёв через мгновение в оптическом прицеле увидел крылья японского самолёта и прошил врага огненной трассой. Японец круто полез в небо, потом накренился и стремительно понёсся к земле...

29 августа 1939 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, батальонный комиссар Владимир Калачёв был удостоен звания Героя Советского Союза. Ему вручена медаль «Золотая Звезда» № 139. Оценило боевые заслуги Калачёва и правительство МНР. За самоотверженное выполнение своего интернационального долга маршал Монгольской Народной Республики Чойбалсан вручил отважному комиссару Золотой орден Монголии «Красная Звезда».

29 августа 1939 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, батальонный комиссар Владимир Калачёв был удостоен звания Героя Советского Союза

С августа 1941 года майор Калачёв командовал 17-м запасным истребительным авиаполком Уральского военного округа. Менее чем за полгода под его руководством были подготовлены и отправлены на фронт шесть истребительных авиационных полков на английских самолётах «Харрикейн» и 100 лётчиков на советских самолётах МиГ-3. В 1942 году майор Владимир Калачёв сражался на Брянском фронте в должности командира 15-го истребительного авиационного полка.

«Это было тяжёлое время, – вспоминал Герой Советского Союза полковник Александр Ситковский. – В июне 1942 года гитлеровцы, прорвав фронт, двигались к Дону. На земле и в воздухе шли жестокие сражения.

Полк базировался в районе Старого Оскола Белгородской области. Лётчики не могли мириться с тем, что враг движется по нашей земле, неся народу страдания и смерть. Едва совершив посадку, просились снова на задание.

25 июня командир полка майор Калачёв повёл четвёрку истребителей, в составе которой были Николай Токарев и Павел Тарасов в паре с Ильёй Балаженко. Показалась большая группа «юнкерсов» в сопровождении «мессершмиттов». Калачёв и Токарев связали боем шестёрку истребителей, а Тарасов и Балаженко врезались в строй бомбардировщиков. От метких очередей свалились на землю два юнкерса. Эта дерзкая атака нарушила боевой порядок врага. Тарасов и Балаженко вели беспрерывные атаки, не допуская врагов к цели. В схватке с истребителями Калачёв сбил Ме-109. И враг дрогнул. Беспорядочно сбросив бомбы, юнкерсы поспешно разворачивались и уходили на запад. 26 июня майор В. Калачёв сбил юнкерса.

27 июня в небе над Старым Осколом шли беспрерывные бои. Большие группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей совершали налёты на наши объекты. Лётчики полка по возможности отражали эти налёты, но силы были неравными.

Калачёв вылетел в паре с Токаревым на перехват бомбардировщиков. Небо было чистым, только на большой высоте виднелись небольшие облака. Ждать пришлось недолго. С запада плотным строем «клин» шли группы «хейнкелей», их охраняли Ме-109. Калачёв пошёл на ведущего первой группы и дал длинную очередь из крупнокалиберного пулемёта. Противник накренился влево, оставляя за собой чёрный шлейф дыма. После вторичной атаки впереди сверкнуло яркое пламя, и самолёт Калачёва подбросило вверх. Когда он выровнял машину, то увидел, что не стало ещё двух «хейнкелей», шедших справа и слева ведущего. Их разнесло в щепки от взрыва сбитого Калачёвым самолёта.

Владимир КАЛАЧЁВ.

28 июня стал для полка трагическим. Вылеты начались в пять часов утра. В восемь стало известно, что с задания не вернулось шесть самолётов.

Наш аэродром был хорошо замаскирован, самолёты стояли в капонирах на опушке леса. Около 12 часов с северо-запада к аэродрому летел немецкий разведчик «хеншель» Hs-126. Люди на аэродроме прекратили всякое движение, чтобы не демаскировать себя. Но в это время после выполнения боевого задания пошли на посадку два наших истребителя. В их баках не оставалось горючего, и один из них был в бою изрешечён осколками снарядов. Их посадку заметил «хеншель».

Майор Калачёв был уже в кабине самолёта, и через несколько секунд взмыл в воздух.

Калачёв настиг врага и атаковал его. «Хеншель» развернулся, полетел в нашу сторону, он маневрировал, делая крутые развороты, взмывал вверх и опускался до земли. Калачёв его упорно преследовал. Ему удалось прижать врага к земле, беспрерывно стреляя. «Хеншель» полез вверх, намереваясь развернуться в сторону леса и скрыться на фоне зелёного массива. В это время у Калачёва кончились боеприпасы. Он дал полный газ, быстро настиг «хеншеля» и правой плоскостью ударил его по хвосту. От сильного удара оба самолёта разлетелись на куски.

На центральной площади города Старый Оскол похоронили командира 15-го истребительного авиаполка имени Дзержинского – Героя Советского Союза Калачёва Владимира Николаевича.

Колякина, О. А. Анализ боевой эффективности и преимущества истребителей РВГК на Курской дуге / О. А. Колякина. - Текст : непосредственный // Вопросы истории. - 2019. - № 10. - С. 152-162.

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi17 ББК 63.3(2)62

Анализ боевой эффективности и преимущества истребителей РВГК на Курской дуге

О.А. Колякина

Аннотация. Ставка Верховного Главнокомандования тщательно готовилась к предстоявшему летнему наступлению противника на Курской дуге. Основной упор в обороне был сделан на истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования. Это решение было обосновано условиями военного времени. Истребители танков, находясь «на острие главного удара», отвечали всем требованиям и полноценно выполняли поставленные перед ними задачи.

Ключевые слова: Ставка Верховного Главнокомандования, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования, оборона, высота 254,5, эффективность на линии фронта.

Abstract. The Rate of the Supreme command carefully prepared for the forthcoming summer approach of the opponent on the Kursk arch. The main emphasis in the defense of the Kursk bulge was made on the fighter-anti-tank artillery units of the Reserve of the Supreme command. This decision was justified by wartime conditions. Tank destroyers, being «on the edge of the main strike», met all the requirements, and fully performed its tasks.

Key words: the Rate of the Supreme command, fighter-anti-tank artillery Reserve of the Supreme command, defense, height 254,5, efficiency on the front line.

Одно из величайших сражений в истории второй мировой войны — битва на Курской дуге — стало не только коренным переломом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., но и вершиной советского военного стратегического искусства. Особого внимания в этой связи заслуживает использование Ставкой Верховного Главнокомандования артиллерии в ходе оборонительной операции и на завершающем этапе Курской битвы. Всесторонняя оценка обстановки на фронте позволила Командованию Красной Армии создать и применить новый вид артиллерии — истребительно-противотанковую артиллерию Резерва Верховного Главнокомандования.

Колякина Ольга Александровна — аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, старший научный сотрудник филиала Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал «В честь героев Курской битвы». E-mail: Olga-costickova@yandex.ru.

Kolyakina Olga A. — post-graduate student of the Belgorod State National Research University, senior researcher at the Branch of the Belgorod State Museum of local history Memorial "In honor of the heroes of the battle of Kursk". E-mail: Olga-costickova@yandex.ru.

В историографии по данной теме можно выделить пять периодов. Первый: 1940-е — начало 1950-х годов. Присутствуют издания с описанием военно-технических характеристик истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, материальной части, узкоспециальной тематики по истории артиллерии в целом. Они раскрывают боеспособность и способы подготовки будущих «истребителей танков» [1].

Второй период: середина 1950-х — начало 1980-х годов. В это время был сделан первый шаг к освещению истории истребительно-противотанковой артиллерии 1941—1945 гг., появились исследования военных специалистов. Эти исследования практически не были известны широкому кругу специалистов и в большей степени носили закрытый характер. Авторы провели анализ, сделали подробные выводы о применении истребительно-противотанковой артиллерии, опираясь на возможности материальной части. Отправной точкой для этого послужили секретные документы и материалы. Издания содержали информацию только о наличии противотанковых средств в крупнейших операциях Великой Отечественной войны. Речь шла об истребительно-противотанковой артиллерии, но не об истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования [2].

Третий период: середина 1980-х — 2000-е годы. Данный период представлен статьями Военно-исторического и Артиллерийского журналов, где имеется анализ, проведенный с военной точки зрения, действий артиллерии в Великой Отечественной войне [3]. В ряде статей представлена полная информация об артиллерийских орудиях и системах, состоявших в период второй мировой войны на вооружении армий СССР и Германии [4]. Кратко излагается история создания артиллерийского вооружения, раскрывается его конструкция и тактико-технические характеристики. Прилагается множество фотографий, рисунков и схем, однако эффективность и результативность боевого применения освещена весьма кратко, а значение истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования вообще выпадает из общего исследования. Период с 1990-х до начала 2000-х гг. отрицательно отразился на исследовании данной проблемы. Изменение приоритетных направлений в научном исследовании снизило интерес к истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования.

Промежуток времени с начала 2000-х гг. до сегодняшних дней можно выделить в четвертый период. Большим количеством исследований данный этап не располагает. В начале 2000-х гг. популярностью стали пользоваться энциклопедические издания, среди которых появились исследования, посвященные созданию и боевому применению противотанковой артиллерии (но без характеристики истребительно-противотанковой артиллерии, как Резерва Верховного Главнокомандования) Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. С изменением обстановки в стране, открытием архивов, рассекречиванием ранее недоступных источников были введены в оборот архивные документы, редкие (ранее закрытые для широкого ознакомления) книги, военно-исторические исследования, воспоминания, фотографии и схемы [5]. Шагом вперед в освещении истории истребительно-противотанковой артиллерии Резерва

Верховного Главнокомандования следует считать научный труд, в котором была обоснована необходимость создания в первые месяцы войны единой системы противотанковой обороны — от стрелкового батальона до армии, где оптимальной структурной единицей являлись полк и бригада [6]. В это же время появились воспоминания тех, кто имел отношение к истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования [7].

Пятый период не содержит временных рамок, это обосновано нахождением в закрытом доступе ранее не опубликованных многочисленных воспоминаний, а также послевоенных писем ветеранов истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования [8]. К этому же периоду можно отнести источники ЦА МО, ранее находившиеся под грифом секретно.

Ставка Верховного Главнокомандования и видные полководцы Красной Армии, обладая информацией о планах Германии, подготовились к летнему наступлению противника на Курской дуге. Использование истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, как основной ударной силы для достижения огневого преимущества, стало центральным пунктом плана по отражению атак противника на этом участке фронта. Преимущества можно было достигнуть лишь использованием нового вида артиллерии, способного не только остановить противника, но и, в конечном счете, нанести ему сокрушительный удар.

Пройдя сложный процесс формирования, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования не только выполнила поставленные перед ней задачи, но и обеспечила огромное преимущество войскам Красной Армии. На первом этапе своего строительства истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования не имела четкой структурной организации и отлаженного принципа действия на линии фронта. Однако уже существовали представления о том, в каких доработках нуждается новый вид артиллерии, чтобы стать достойным оружием и опорой в будущем.

На втором этапе создания истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования определялись пути реализации возложенных на нее задач. Еще за год до решающего сражения, в середине 1942 г., были созданы основные формы организации этого вида артиллерии, определены области его применения. Этот процесс был оформлен Приказом НКО № 0528 от 1 июля 1942 года. В конце 1942 г. основные задачи были выполнены.

К началу апреля 1943 г. информация из донесений уже не оставляла никаких сомнений в том, что противник нанесет мощный танковый удар на Курской дуге. Противостоять ему могла истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования. Она и приняла на себя основной удар, измотала противника, давая возможность другим соединениям перегруппировать силы и в первую очередь сохранить танки.

«В суровые дни марта 1943 г. противник на узком участке фронта бросил против наших наступающих частей до 25 дивизий, личный состав бригады показал подлинное геройство и мужество, сдерживая натиск бро-

нированных полчищ. Ни массированные танковые атаки и беспрерывные бомбежки с воздуха, психические атаки автоматчиков — ничто не смогло сломить стойкость мужественных истребителей. Были неоднократны случаи, когда по 30 танков шли в атаку на одну батарею, но артиллеристы не дрогнули, они смело принимали бой, дрались до последнего дыхания и отбрасывали врага назад.

Железная стойкость истребителей оказалась тверже фашистского металла. Когда выходили из строя орудия, бойцы кидались с гранатами в руках на танки, минеры под ураганным огнем производили подвижное минирование, они прятались в засадах, кидая под гусеницы танков мины», — писал командир 28-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главнокомандования майор Косачёв [9].

Во всех директивах командующих фронтов подчеркивалось, что основу предстоящей операции на Курской дуге должна составлять активная оборона, предусматривавшая не только нанесение контрударов, но и переход в контрнаступление. Командующий Воронежским фронтом (Боевой приказ № 0093) требовал от командующих армиями: «Иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контрнаступление» [10].

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования могла обеспечить усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же она выступала той силой, которая прикрывала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями, как в материальной части, так и среди личного состава.

Еще в период подготовки к предстоящим боям на Курской дуге в состав Воронежского фронта планировалось включить около 16 истребительно-противотанковых артиллерийских полков и около 10 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад Резерва Верховного Главнокомандования. Все они оперативно поступали в подчинение командующих артиллерией армий, оборонявшихся на южном фасе Курского выступа [11].

Оборона Воронежского фронта строилась, прежде всего, как противотанковая. Ее основу составляли противотанковые опорные пункты (ПТОП), возводимые, как правило, в батальонных (ротных) районах обороны, и противотанковые районы (ПТР), создаваемые самостоятельно или в пределах полковых участков обороны. Командовал таким пунктом обычно командир истребительно-противотанкового артиллерийского полка (бригады) Резерва Верховного Главнокомандования. Командир истребительно-противотанкового артиллерийского соединения Резерва Верховного Главнокомандования, в свою очередь, всегда знал о ситуации на участке стрелковых частей и мог принимать решение на основе визуальной оценки обстановки [12].

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования являлась подвижным соединением для прорыва и развития успеха при организации и ведении фронтовых операций (оборона-контрнаступление). Истребители решали поставленные задачи по подавлению противотанковой артиллерии и узлов сопротивления перед

фронтом подвижных групп, на флангах, по уничтожению бронетанковой техники, отражению контратак противника, обеспечению стыков флангов армейских соединений и прикрытию отхода действующих частей.

Эффективность и боеспособность истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования повышали несколько факторов:

1. Штаб обладал сведениями о действиях противника, особенно о группировке его моторизированных сил.

2. С началом боя своевременно определялись участки главного удара противника.

3. Организованный марш из района сосредоточения в район развертывания проводился заблаговременно, после разведки маршрутов.

4. В момент совершения марша были организованы служба регулирования, разведки и непосредственного охранения, отлаженная связь на марше, управление частями.

Успех истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования решала смелость поведения в бою всех — от бойцов до командира, а командир подразделения проявлял, в свою очередь, инициативность в пределах поставленной задачи. Все это способствовало наиболее эффективному нанесению удара по противнику, а также постоянному взаимодействию частей между собой.

Основой успеха боевых действий истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования являлись разведка, быстрая оценка обстановки командованием, смелые решения и действия подразделений, умелое сочетание маневра и огня. В боевом использовании истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования на Курской дуге действовали бригада и полк. При этом бригада не расчленялась на полки, а действовала согласно поставленной ей задаче [13].

Количественный и качественный рост истребительно-противотанковой артиллерии полностью отвечал характеру развернувшихся боевых действий. Увеличились возможности сосредоточения артиллерии на направлениях главных ударов, маневра крупными силами и облегчалось управление артиллерийскими группировками. Разведчики изучали местность днем и ночью, выявляли новые цели, засекали их. При этом поддерживалась тесная связь с разведкой стрелковых подразделений.

Из воспоминаний М.А. Скуцкого, бывшего начальника штаба 315-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования: «Разведчики стрелковых подразделений сообщали нам, что в тылу противника на 4—5 км от переднего края в лесу над речушкой имелся специальный офицерский лагерь. В нем хорошо были оборудованы землянки для офицеров, присутствовали женщины. В этом лагере держали коров. Лагерь усиленно охранялся. Днем офицеры в речушке купались, на пляже загорали. По воскресеньям немцы не воевали, а отдыхали. Наша разведка хорошо изучила эту цель, пристреляли из орудия, произвели расчет снарядов, взяли разрешение в штабе и в 10 часов утра произвели артобстрел. Больше на пляже офицеров не было» [14].

Основным боевым ядром Резерва Верховного Главнокомандования являлись истребительно-противотанковые артиллерийские полки (для бригад) и истребительно-противотанковые батальоны (для полков). Бой такого ядра велся в тесном взаимодействии с инженерно-минометными батальонами и ротами автоматчиков.

Инженерной основой обороны на Курской дуге была широко развитая система траншей и ходов сообщения, которая обеспечивала быстрый и скрытный маневр вдоль линии фронта и в глубину, затрудняла противнику обнаружение боевого порядка и системы огня, сокращала потери.

Перед передним краем главной полосы и в глубине обороны предусматривалось создание зон сплошного огня. Так достигалась эффективность истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, заключавшаяся в ее подвижности, обеспечивающей маневр боевыми порядками для упреждения танков противника на линии фронта. Это достигалось, прежде всего, расположением в большинстве случаев противотанковых опорных пунктов в боевых порядках пехоты, что позволяло обороняющимся не только успешно отражать атаки танков противника, но и истреблять его живую силу. Живучесть противотанковой обороны поддерживалась тесным огневым взаимодействием между противотанковыми опорными пунктами, промежутки между которыми не превышали 400—800 м, то есть дальности прямого выстрела артиллерийских орудий.

Противотанковая оборона (противотанковый опорный пункт), усиленная за счет маневра истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования и системы огня ПТОП и ПТР, увязывалась с огнем армейской артиллерии, расположенной на открытых и закрытых позициях. Характерным моментом являлось то, что даже пушечная и гаубичная артиллерия подготавливались к стрельбе по танкам прямой наводкой. Противотанковый опорный пункт представлял собой хорошо замаскированные огневые позиции на 6—12 орудий с широким сектором обстрела, имелось примерно равное числу орудий количество противотанковых ружей.

Для борьбы с прорвавшимися танками внутри обороны были оборудованы открытые противотанковые позиции, которые располагались от основных на расстоянии 300—400 м с сектором обстрела не мене 120^0. В непосредственной близости от орудийных окопов вырывались «колодцы» для штатных истребителей танков [15].

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования вступала в бой вне зависимости от действий других родов войск и стремилась к тому, чтобы взаимодействие устанавливалось сразу с подходом частей. Условием для успешного проведения боя являлся правильный выбор района, который танки противника обойти не могли или на это им требовалось больше времени. Продвижение противника сопровождалось, как правило, действиями бомбардировочной и штурмовой авиации. Поэтому проводилась предварительная рекогносцировка маршрутов, соблюдалась ПВО.

При следовании истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования в район развертывания предусматри-

валась возможность столкновения с выброшенными авиадесантами противника. В этом случае все решала организация круговой обороны.

При построении боевого порядка противотанковой обороны истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования старались, прежде всего, организовать необходимую глубину. Только глубокое построение боевого порядка позволяло решать задачу нанесения удара по танкам противника [16]. Глубина боевого порядка была определена в пределах 3—4 км. Она могла увеличиваться за счет сокращения ширины фронта боевого порядка. Ширина фронта обороны истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования была намного больше полосы движения танков противника. В результате неудачной атаки, танки были вынуждены перестраивать свой боевой порядок, теряя при этом время, а вместе с этим и инициативу.

Соединения должны были иметь огневую связь между собой и по фронту, и по глубине. Боевой порядок состоял из 10—12 опорных пунктов ротного типа с непосредственным подчинением командиру. На флангах находились опорные пункты из рот противотанковых ружей; в центре — опорные пункты из батарей артиллерийских полков. Кроме того, боевые порядки составляли противотанковые батальонные типы, состоявшие из опорных ротных пунктов смешанных огневых средств [17]. Каждое отделение представляло собой одну огневую точку с круговой обороной и ответственным сектором. Огонь открывался по головным танкам.

В ночь на 5 июля 1943 г. в районе г. Белгорода был слышен сплошной гул, а с 5 час. утра вдоль железнодорожного полотна от с. Сторожевого до Прохоровки фашистские самолеты сбрасывали бомбы [18].

«В ночь с 4 на 5 июля наш 141-й отдельный ПТР батальон, ночью в спешном порядке направлен оборонять шоссейную дорогу Москва — Симферополь. С рассвета перед нами с востока на запад пролетела (РАМА), и буквально через несколько минут появились с восточной стороны несколько десятков немецких самолетов. Буквально в один миг бомбовая атака смешала все наши окопы с землей. Воздушная атака продолжалась несколько минут. Когда рассеялся дым, мы увидели перед собой немецкие танки с пехотой. Пушка, которая установлена на Мемориале "Курская дуга", встречала противника первыми выстрелами. Мы находились от нее в 20 м. Мы отбивали первую атаку противника», [19] — из воспоминаний рядового 141-го отдельного батальона противотанковых ружей И.С. Богатского.

Рассвет 5 июля 1943 г. ознаменовал собой начало Курской битвы. На южном фасе Курского выступа противник бросил все силы для нанесения удара по Обоянскому шоссе, рассчитывая захватить это направление и выполнить часть плана операции «Цитадель». «Тысячи самолетов сыпали нас маленькими бомбами, величиной ручной гранаты. Они сыпались как дождь. Наш полк стоял на прямой наводке против танков. Подпускали их на 500 м и расстреливали», — писал ветеран 142-го пушечно-артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования С.Н. Розман [20].

К 6 июля 1943 г. противник, рвавшийся к Обоянскому шоссе, прорвал передний край обороны. В сложившейся критической ситуации командующий артиллерией Воронежского фронта отдал приказ о срочном выдвижении истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного

Главнокомандования в район с. Покровки и высоты 254,5 (сегодня это территория Филиала Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориала «В честь героев Курской битвы») с целью остановить противника любой ценой.

«Ночью 6 июля был отдан приказ следовать в направлении 1212 ИПТАП, который также занимал оборону в районе ст. Проховроки. К 7.00 батальон прибыл в х. Дубрава, а оттуда направился на высоту 254,5, где противотанковый полк вел бой с танками противника и самоходными орудиями. Нашу роту вел начальник штаба батальон т. Лазаренко. Мы миновали батареи полка и спустились ниже к роще, а роща уже была занята немецкими автоматчиками.

В 9.00 начали окапываться. Каждый расчет приспосабливался к местности, никаких окопов не строили. Расположились ниже батарей, посередине высоты. Немецкие танки "Тигр" и самоходки были расположены на противоположной высоте в 3—4 ряда по всей высоте в длину, около 100 штук. Выглядели они как домики в общественных садах, только с той разницей, что эти "домики" стреляли по нашим позициям», [21] — описывал происходившее ветеран 140-го отдельного истребительно-противотанкового батальона противотанковых ружей А.Б. Мельцер.

С первых дней битвы на Курской дуге эта высота (254,5) находилась в эпицентре ожесточенных боев. Она магнитом притягивала противника, поскольку, во-первых, с нее открывалась прямая дорога на Курск, а затем и на Москву. Во-вторых «обладатель» высоты получал огромное стратегическое преимущество. Оно заключалось в возможности наблюдения за всеми передвижениями противоборствующей стороны. В-третьих, рядом с высотой имелись коммуникации, в частности, проходило главное шоссе. Так на первый взгляд неприметная высота стала главным местом столкновения.

К 15.00 5 июля 1943 г. командир 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главнокомандования полковник В.И. Заботин на основании боевого распоряжения командующего артиллерией Воронежского фронта приказал командирам 1177-го, 1207-го, 1212-го истребительно-противотанковых артиллерийских полков выступить в район сосредоточения — в лес, на 1,5 км западне Покровки для поучения боевой задачи. Для каждого полка определялось свое время: 1212-й ИПТАП — 16.30; 1207-й ИТПАП — 18.00; 1177-й ИПТАП — 18.15 5 июля 1943 года [22].

Полки продвигались, сохраняя расстояние в 150—200 м между орудиями, проселочными дорогами. Местом для получения боевой задачи был выбран Кирпичный завод западнее Покровки. Прибыть было необходимо к 20.00. Командирам полков предписывалось иметь при себе один боекомплект снарядов.

«В строгой секретности при абсолютной маскировке мы ночью заняли боевые порядки побатарейно. Для каждой батареи и для каждого орудия в отдельности определены огневые позиции с максимальным обстрелом и с расчетом взаимной помощи орудие орудию, батарея батарее. В последующем все огневых позиции батарей были хорошо оборудованы и замаскированы. Маскировку нашу командование проверяло авиаразведкой и фотографированием с воздуха», — вспоминал М.А. Скуцкий,

бывший начальник штаба 315-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования [23].

Кроме основных огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей были оборудованы запасные и ложные огневые позиции для каждой батареи, а также наблюдательный пункт командира полка. Все землянки для личного состава имели 2—3 наката бревен, засыпанных землей. Для штаба полка землянки оборудовали в глубоком овраге за с. Черкасское, в 500 м от огневых позиций батарей, которые, в свою очередь, находились на расстоянии около 200 м от траншей пехоты. Орудия были глубоко спрятаны в траншеи.

Здесь части 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главнокомандования внесли особый вклад в разгром противника: они измотали его основные силы и отстояли высоту 254,5 [24].

В оборонительных боях на Курской дуге истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования активно применяла прямую наводку. Так, например, танки «Тигр» они подбивали на расстоянии 200—500 м в боковую броню, при этом танки легко загорались. «Тысячи самолетов сыпали нас маленькими бомбами, величиной ручной гранаты. Они сыпались как дождь. Наш полк стоял на прямой наводке против танков. Подпускали их на 500 м и расстреливали» [25], — вспоминал ветеран 142-го пушечно-артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования С.Н. Розман. Это давало шансы сводить к минимуму преимущества танков противника в борьбе с противотанковым орудием. За тактическую отсталость принципа «орудие против танка» истребители танков платили собственной жизнью.

Командующий артиллерией 6-й гвардейской армии генерал-майор Д.Т. Турбин писал: «За время боев с 5 июля по 6 августа 1943 г. 14-я ОИПТАБр РВГК действовала в составе 6-й гвардейской армии.

Отражая атаки танков противника, бригада продемонстрировала образцы доблести, геройства и мужества. В боях 6 и 7 июля боевые порядки бригады подвергались непрерывным атакам противника, преимущественно “Тиграми”. В течение двух суток под беспрерывным воздействием авиации, артиллерийского и минометного обстрела полки бригады нанесли врагу серьезное поражение в живой силе и технике, подбили и сожгли 175 танков, уничтожив большое количество солдат и офицеров.

В боях 9 июля под Кочетовкой 1207-й ИПТАП РВГК в течение восьми часов отражал 4 танковые атаки, уничтожив 24 танка противника» [26].

Когда противник ринулся в прорыв, и остановить развитие событий было уже нельзя, истребители спешно перебрасывались в район атаки и вступали в бой с ходу. Батареи истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования занимали позиции под огнем всех видов оружия, стремясь замедлить скорость продвижения противника, ослабить его удары. Удержание танкоопасного направления являлось первостепенной задачей и вершиной военного мастерства истребителей.

Командиры истребительно-противотанковых артиллерийских соединений Резерва Верховного Главнокомандования не поддерживали кон-

тактов непосредственно со своим прямым начальником — командующим артиллерией армии или фронта и не использовали телефон, чтобы убедить начальника в нереальности полученной задачи, как это часто бывало у командиров стрелковых полков и дивизий. Они получали боевой приказ в запечатанном конверте через делегата связи, который мог лишь выразить сочувствие по поводу того, что обстановка существенно изменилась и имеет мало или не имеет ничего общего с тем, что было три, пять часов назад, в момент подписания боевого приказа. Район, указанный для развертывания, мог быть уже захвачен противником. Поэтому истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования могли самостоятельно принимать решение, как им выполнять поставленную задачу, главное, чтобы она была выполнена.

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования должна была концентрировать свои усилия на решении общевойсковой задачи на линии фронта. Ответственность за использование орудий ложилась всецело на артиллерийских командиров. Никакие причины не оправдывали оставление противнику материальной части. Командиры частей не имели права снимать с огневых позиций и отводить подразделения, либо задерживать их там без ведома старших артиллерийских инстанций. Так удалось ликвидировать недочеты в боевом применении истребительной артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования.

При наступлении батареи истребительно-противотанковых артиллерийских соединений Резерва Верховного Главнокомандования двигались в первом эшелоне. Они сопровождали передовые танковые роты огнем и колесами — на тягачах, по габаритам в два раза превосходивших танки. Если противник начинал контратаку и отразить ее с ходу было невозможно — вносились коррективы. Батареи истребителей Резерва Верховного Главнокомандования занимали позиции, обеспечивая перестроение.

Таким образом, в ходе летней компании истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования измотала отборные силы противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах. Она брала на себя основной удар противника, держала оборону важных рубежей, тем самым давая возможность перегруппировать силы другим соединениям и, в первую очередь, сохранить танки. К тому же использование данного вида артиллерии обеспечило необходимые предпосылки к завоеванию огневого превосходства. Уже в ходе оборонительного сражения этот вид артиллерии выполнил поставленную задачу. Благодаря маневренности было обеспечено усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования выступала той силой, которая прикрывала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями. Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования полноценно выполняла поставленные перед ней задачи. Даже когда исчезала последняя надежда удержать огневые позиции, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования производила выстрелы, прикрывая вывоз тягачей, снятие орудий с позиций. Она встречала противника огнем, обеспечивая выигрыш во времени и расстройство

его боевого порядка. Все это способствовало превращению оборонительной операции в успешное контрнаступление.

Примечания

1. КОЗЛОВСКИЙ Д.Е. Курс артиллерии. Кн. 4. М. 1941, с. 331; НИКИФОРОВ Н.Н. Учебник сержанта артиллерии: Книга первая. Стрелково-артиллерийская подготовка». М. 1944, с. 288; ДЬЯКОНОВ В.Г. Курс артиллерии. Кн. 10. М. 1947, с. 176; СТОЛБОШИНСКИЙ А.П. Курс артиллерии. Кн. 8. М. 1949, с. 284; АЛЕКСЕЕВ И.И. Стрельба орудиями прямой наводкой. М. 1954, с. 124.
2. КАЗАКОВ В.И. Роль артиллерии в защите социалистической Родины. М. 1959, с. 193; ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ Г.Е. Артиллерия в бою и операции по опыту Великой Отечественной войны. М. 1980, с. 136.
3. КАЗАКОВ В.И. Огонь по Берлину. — Артиллерийский журнал. 1985, № 11, с. 11—15; МЕДВЕДЕВ Н.Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны. — Военно-исторический журнал. 1987, № 11, с. 53—54; СТРЕЛЬБИЦКИЙ И.С. Советские артиллеристы в борьбе с танками противника. — Артиллерийский журнал. 1988, № 2, с. 22—25.
4. ЧИСТЯКОВ М.*Н.* Артиллерия под Сталинградом. — Артиллерийский журнал. 1988, № 11, с. 23—28.
5. ШИРОКОРАД А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. М. 2000, с. 1156; ЕГО ЖЕ. Гений советской артиллерии. М. 2003, с. 429; ШУНКОВ В.Н. Артиллерия Красной Армии и вермахта во Второй мировой войне. М. 2005, с. 391; ИВАНОВ А.А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. М. 2003, с. 67.
6. МАКАРОВ М., ПРОНИН А. Противотанковая артиллерия Красной Армии. Серии Фронтовая иллюстрация № 05. М. 2003, с. 73.
7. ДРАБКИН А. Я дрался с Панцерваффе. М. 2007, с. 352.
8. Филиал Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал «В честь героев Курской битвы» (БОКМ МКД), ф. 2, оп. 2, д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 28 отд. ОИПТАБр (9700), оп. 1, д. 3, л. 3.
10. ЗАМЯТИН Н.М., БОЛДЫРЕВ П.С., ВОРОБЬЁВ Ф.Д. Битва под Курском. Оборонительное сражение. Кн. 1. М. 1946, с. 21.
11. ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 33. Подлинник.
12. ШИНКАРЁВ И.И. Битва под Курском. М. 1953, с. 25.
13. ЦАМО РФ, ф. 7 гв. ОИПТАБр (9698), оп. 1, д. 22, л. 2—4.
14. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 7—8.
15. ЦАМО РФ, ф. 395, оп. 9136, д. 142, л. 50—51.
16. Там же, ф. 7 гв. ОИПТАБр (9698), оп. 1, д. 22, л. 7.
17. Там же, ф. 316 гв. ПАП, оп. 484765, д. 1, л. 6.
18. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 65—66.
19. Там же, д. 4, л. 5—6.
20. Там же, д. 2, л. 5.
21. Там же, д. 4, л. 23—24
22. ЦАМО РФ, ф. 3, оп. 202065, д. 1, л. 19; ф. 9694, оп. 1, д. 7, л. 3.
23. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 10—11.
24. ЦАМО РФ, ф. 1177 ИПТАП, оп. 1, д. 8, л. 136.
25. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 42—43.
26. ЦАМО РФ, ф. 3, оп. 202065, д. 1, л. 110.

Лебедева, О. В. Советская военная дипломатия в годы Великой Отечественной войны / О. В. Лебедева. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 4. - С. 33-37.

О.В. ЛЕБЕДЕВА

O.V. LEBEDEVA

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

SOVIET MILITARY DIPLOMACY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Сведения об авторе. *Лебедева Ольга Владимировна — заместитель декана факультета Международных отношений МГИМО МИД России, кандидат социологических наук (Москва. E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru).*

Аннотация. *В статье анализируется деятельность военных дипломатов СССР по организации международного сотрудничества, направленного на совместное сопротивление гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *антигитлеровская коалиция; военная дипломатия; Ф.И. Голиков; Н.М. Харламов; И.А. Скляров; Б.Г. Разин.*

Information about author. *Olga Lebedeva — Vice-Dean of the Department of Foreign Affaires of the Moscow State Institute of Foreign Affaires of the Ministry of Foreign Affaires of Russia, Cand.Sc. (Soc.) (Moscow. E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru).*

Summary. *The article analyzes the organization of the international cooperation activities of the USSR military diplomats, directed to the common fighting back against Hitler Germany during the Great Patriotic War.*

Keywords: *Anti-Hitler coalition; military diplomacy; F.I. Golikov; N.M. Kharlamov; B.G. Razin.*

НАЧАВШАЯСЯ Великая Отечественная война коренным образом изменила взаимоотношения советской дипломатии с мировым сообществом и отразилась на работе советских дипломатических представительств. Все представительства в странах, входивших в число союзников Германии, были блокированы, а их сотрудники интернированы в полном составе. Так, например, поступили с дипломатами СССР в Германии, Италии, Финляндии, Румынии и Венгрии. При этом военные атташе успели уничтожить всю секретную документацию и технические средства, представлявшие ценность для противника.

После начала войны военные атташаты сохранились в полном объёме во многих странах, даже в Болгарии, союзнице Германии, но не находившейся в состоянии войны с Советским Союзом. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Японии, входившей в знаменитую ось «Берлин — Рим — Токио». Вместе с этим дипломатический корпус был усилен на американском направлении, в частности, свою работу начали атташе в Аргентине, Канаде и Мексике, где ранее они отсутствовали.

После нападения Германии советским военным дипломатам пришлось полностью переориентироваться на решение новых задач. Теперь требовалось организовать международное сотрудничество, направленное на совместное сопротивление общему врагу. Военная дипломатия активно участвовала в мероприятиях по организации советского присутствия на международных конференциях, а также работала в рамках военно-технического взаимодействия с англо-американской коалицией. Кроме того, ставилась задача через третьи страны добывать максимально возможный объём разведывательной информации о Германии и её союзниках, а также определить отношение ведущих стран мира к действиям гитлеровской Германии против СССР.

Период с июля по октябрь 1941 года стал первым этапом построения системы взаимодействия в военно-технической сфере между СССР, с одной стороны, и англо-американскими союзниками — с другой. Активно к данной работе привлекались советские атташе по военно-морским и военно-воздушным вопросам. Первые контакты начались всего через несколько дней после начала войны, когда в Москву с делегацией приехал С. Криппс, представлявший военно-экономическую миссию Великобритании. В её составе были и члены британского генералитета[1].

Встречал их и вёл переговоры лично В.М. Молотов. Он отметил важность появления второго фронта и целесообразность подписания полноценного политического соглашения, которое стало бы основой для сотрудничества сторон в деле победы над Германией. Однако представители английской стороны от разговоров на данную тему уклонились, косвенно указав на неготовность Лондона к столь серьёзным шагам. Одним из основных стал вопрос, касавшийся двустороннего сотрудничества государств в военной области.

Уже 27 июня Молотов отметил важность повышения интенсивности британских воздушных авиаударов по Германии. Участники встречи от СССР несколько раз возвращались к вопросам сотрудничества, на что С. Криппс отметил готовность своей страны оказывать советской стороне поддержку в её борьбе с фашизмом, но заявил о невозможности отправки британских военных кораблей для проведения операций.

В ходе встреч представитель английской армии генерал М. Макфарлэйн высказал заинтересованность в информировании британской стороны о планах Красной армии относительно ведения войны, чтобы на их основе британский штаб имел возможность разработать стратегию своих дальнейших действий.

Отдельные встречи прошли и по военно-морской тематике. В них принимал участие лично нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов. Стороны подняли вопросы, связанные с обеспечением безопасности морских путей в северные порты СССР. Кроме того, участники встречи смогли договориться об обмене технической информацией, касавшейся борьбы с магнитными минами и создания средств радиолокации. При этом Советский Союз выступал по большей части получателем информации.

Проведённые встречи позволили прийти к выводу о необходимости формирования миссий, ориентированных на решение задач, связанных с военно-техническим сотрудничеством между странами. Основной целью военных миссий советская сторона считала оказание всесторонней поддержки национальным правительствам в рамках сотрудничества для ускорения появления в Европе второго фронта[2].

Межправительственное соглашение между странами, закреплявшее совместные действия СССР и Великобритании против Германии, было подписано в Москве 12 июля 1942 года[3]. Документ подписали В.М. Молотов и С. Криппс, в церемонии участвовали И.В. Сталин, Б.М. Шапошников и Н.Г. Кузнецов. Данное соглашение явилось первым документом по формированию антигитлеровской коалиции, следствием которого стала полноценная нормативно-правовая база, определявшая дальнейшее межгосударственное сотрудничество и создававшая основание для расширения деятельности институтов военных атташе.

После завершения работы британской делегации с ответным визитом в Лондон отправилась советская. Возглавить её было доверено генералу Ф.И. Голикову, занимавшему должность начальника Разведуправления Генштаба. Перед отправкой у него состоялись обстоятельные беседы со Сталиным, наркомами иностранных дел, обороны, внешней торговли, в ходе которых генерал получил чёткие рекомендации и наставления. В состав делегации от ВМФ были включены контр-адмирал Н.М. Харламов, полковники Н.Н. Пугачёв и В.М. Драгун, военинженер 2 ранга П.И. Баранов, курировавший технические вопросы.

Делегация СССР появилась в Лондоне 8 июля и провела там четыре дня. Ф.И. Голиков встретился с главой МИДа Великобританией А. Иденом и Г. Маргесоном, возглавлявшим военное ведомство страны. Уже в послевоенное время генерал вспоминал, что британская сторона имела устойчивую антипатию к своему новому союзнику, в первую очередь политическую, не желая воспринимать СССР полноценным союзником и партнёром в войне. В целом же переговорный процесс шёл вполне успешно. Военные двух стран смогли найти общий язык быстрее, чем политики. Обещанная У. Черчиллем помощь СССР военного характера постепенно начала материализовываться.

По ходу переговоров делегация СССР последовательно продвигала инициативу осуществления совместных операций армий двух стран против германских войск. Например, Ф.И. Голиков выступил с предложением сформировать общий фронт против немецкой армии на севере Европы, где обе страны имели бы возможность действовать сообща сухопутными силами. Высказывая данные предложения, руководитель делегации СССР действовал на основании полученных в Москве поручений.

Предполагалось, что Великобритания сможет поучаствовать в операции не только флотом и частями ВВС, но и несколькими пехотными дивизиями. В числе приоритетов назывались захват и удержание островов Шпицберген и Медвежий, чтобы сделать безопасными морские коммуникации, связывавшие две страны в рамках планировавшихся поставок военной техники и снаряжения. Кроме того, от лица советского правительства генерал Голиков высказал надежду на высадку англичан на севере Франции и активизацию боевых действий на балканском театре, что потребовало бы от Германии отвлечения части сил с советско-германского фронта. Данные действия были названы очень важными и необходимыми к реализации уже в 1941 году[4].

В целом работа делегации оказалась ненапрасной. Уже до конца месяца британское правительство выработало план передачи советским ВВС истребителей «Томагавк», ранее полученных в качестве помощи из США. Поставить планировалось 200 машин. Генерал Голиков указывал на необходимость поставки 700 машин, значительная часть из которых находилась на египетских базах британских ВВС, но получил на это отказ со ссылкой на дефицит истребителей для действий на ближневосточном фронте[5]. Уже 20 июля в поход отправился британский минный заградитель «Адвенчур», доставивший в СССР партию глубинных бомб, современных магнитных мин и разное оборудование. Никаких других поставок по результатам первой поездки добиться от принимавшей стороны не удалось.

Особых подвижек в интенсификации создания полноценной системы взаимодействия по результатам поездки делегации под руководством Ф.И. Голикова не произошло. Вместе с тем общение между представителями военных ведомств дало некоторые результаты, позволило провести ряд переговоров, обеспечить определённое взаимопонимание, решить несколько вопросов рабочего характера, создать основания для будущего развития двусторонних отношений.

Необходимо констатировать, что отправка группы Ф.И. Голикова стала первым действием военной дипломатии страны с момента начала войны, ориентированным на организацию глубокого и всестороннего взаимодействия с другими воюющими странами для создания полноценной коалиции. Данные имеющихся исторических документов показывают, что для британской стороны принятие Советского Союза в качестве партнёра и взятие на себя определённых обязательств стало шагом, совершённым под давлением обстоятельств[6]. Активно работали в период пребывания в Лондоне делегации и военные атташе, на плечи которых легли обязанности по организации каждодневной деятельности представителей СССР. Основной объём выполняли полковник И.А. Скляров и майор Б.Ф. Швецов, содействовавшие делегации в решении всех возникавших вопросов.

Уже через несколько дней после возвращения из Лондона Ф.И. Голикову была поставлена задача отправиться с анало-

гичной миссией в Соединённые Штаты. Перед поездкой глава делегации получил чёткие указания И.В. Сталина по основным целям переговоров. В Вашингтоне делегация должна была обеспечить формирование между сторонами максимально полного сотрудничества военно-технического характера. СССР был заинтересован в скорейших поставках вооружений и военной техники американского производства. Вместе с этим должны были обсуждаться поставки медицинских препаратов, продовольствия, различного оборудования и материалов для их дальнейшего использования в промышленности.

Перед Ф.И. Голиковым также стояла задача выяснить отношение американского правительства относительно перспектив создания международной коалиции для борьбы с фашистской Германией. Работа делегации обеспечивалась советским военным атташе в США полковником И.М. Сараевым.

Переговорный процесс проходил значительно сложнее, чем в Великобритании. Причиной этого было отсутствие у американских политиков и военных веры в возможность Красной армии остановить немецкие части и избежать скорого поражения. Соответственно, никакого смысла в организации военных поставок, не способных, по их мнению, повлиять на ситуацию, они не видели[7].

Поддержку работе делегации оказывали представители внешнеполитического ведомства. В частности, при помощи посла К.А. Уманского удалось организовать встречу между Ф.И. Голиковым и Ф. Рузвельтом. Она прошла в последний день июля 1941 года. В ходе беседы советский представитель обратил внимание президента на сложности переговорного процесса с Госдепартаментом и американскими военными, предложил Ф. Рузвельту принять личное участие в формировании полноценных отношений между странами и создании антигитлеровской коалиции.

В результате проведённые переговоры с английским и американским руководством позволили заложить основы для более эффективного сотрудничества СССР и стран Запада в рамках военно-политического и военно-технического взаимодействия[8]. С точки зрения важности необходимо отметить договор «О союзе в войне против Германии», заключённый нашей страной и Великобританией и в числе прочего устанавливавший продолжение взаимодействия между сторонами уже в послевоенный период. Его подписание состоялось в британской столице 26 мая 1942 года[9]. Несколько позже схожий по содержанию документ, определявший взаимодействие стран, был подписан и с Соединёнными Штатами. Свои подписи под ним ответственные лица поставили 11 июня 1942 года[10].

Подписание указанных выше договоров стало завершающим шагом на пути создания нормативно-правовой базы, определявшей взаимодействие Советского Союза с британскими и американскими союзниками в рамках общей борьбы против фашистской Германии. Именно на основе этих документов велась вся работа по поставкам вооружений и реализации совместных планов. Заключённые договоры стали основными регламентирующими документами, на которые опирались в своей работе военные атташе СССР в других странах. Ими же руководствовались и члены военных миссий, работавшие сначала в государствах — участниках коалиции, а затем и при штабах союзных командований. В более поздний период аналогичная работа проводилась и на дальневосточном направлении.

В условиях тяжелейшей борьбы с серьёзным противником участникам антигитлеровской коалиции пришлось значительно активизировать военно-дипломатическую работу. Основными целями и задачами атташе стали организация совместных выступлений, конференций, встреч и переговоров различного уровня в рамках сотрудничества сторон. Активно помогала военная дипломатия и Красной армии. В частности, она стала основным инструментом обмена разведывательными данными с западными союзниками, что позволяло своевременно получать важную информацию о планах противника, его потенциальных возможностях и слабых местах.

Другим направлением военно-дипломатической деятельности стало предоставление в распоряжение союзников захваченных образцов техники и вооружений, а также обмен накопленным опытом в области диверсионных операций, проводившихся в тыловых районах врага.

И.А. Скляров

Активная деятельность была развёрнута военной миссией, работавшей в Лондоне. Возглавлял её контр-адмирал Н.М. Харламов, участник первой поездки советской делегации в Великобританию. Выбор офицера флота был обусловлен необходимостью решения вопросов, связанных с организацией и проводкой северных конвоев, доставлявших вооружение и технику для Красной армии северным маршрутом. Первые конвои в СССР вышли уже летом 1941 года. Харламов лично курировал данные вопросы, обеспечивая организацию поставок, погрузочно-разгрузочные работы в портах и переходы морем в Мурманск и Архангельск, ставшие главными воротами для западной помощи Красной армии.

Необходимо отметить, что во время высадки в Нормандии, предпринятой союзниками в июне 1944 года, контр-адмирал Н.М. Харламов находился на кораблях десантного соединения, лично высадившись во Франции[11].

Ещё одной страной, игравшей довольно существенную роль в борьбе с фашизмом, стала Канада. Дипломатические отношения с ней были оформлены только 12 июля 1942 года, после чего в страну прибыл военный атташе Н.И. Заботин.

Н.М. Харламов

В целом можно выделить несколько документов, ставших основой формирования коалиции государств для борьбы с Германией. К их числу необходимо отнести упоминавшиеся ранее заключённое в июне 1941 года советско-британское соглашение, соглашения 1942 года СССР с Великобританией и США, а также декларацию 26 государств — участников коалиции[12]. Все эти документы создавались при активном участии представителей советского военно-дипломатического корпуса.

Наиболее серьёзные вопросы обсуждались лично главами трёх мировых государств в ходе нескольких конференций. Многочисленные организационные проблемы при этом решались не только Наркоматом иностранных дел. С учётом уровня мероприятий активно задействовались Генеральный штаб и его структуры, отвечавшие за специальные операции. На местах трудились военные атташе, решавшие многочисленные текущие и оперативные задачи. Первая конференция была организована в 1943 году в Тегеране. После этого прошли ещё две — в Ялте и Потсдаме, проведённые в 1945 году[13]. Во всех случаях военные атташе играли существенную роль в организационном процессе.

Наибольшие сложности вызвала встреча в Тегеране. Стороны ещё не имели опыта организации столь масштабных конференций с участием мировых лидеров, а также были вынуждены заниматься её организацией на «нейтральной» территории, в оккупированном советскими и британскими войсками Иране.

Накануне конференции перед атташе в западных столицах была поставлена задача совместно с иностранными коллегами определиться с перечнем вопросов, которые необходимо было обсудить в рамках предстоявшей встречи. При этом основополагающим для советской стороны являлся вопрос проведения союзническим командованием масштабной высадки на европейском побережье и организации наступления с западного направления.

Работавший в Лондоне И.А. Скляров в первой декаде октября 1943 года сообщил в Москву, что причины откладывания открытия второго фронта лежали исключительно в политической плоскости и не имели никаких препятствий чисто военно-технического характера. Союзники считали, что СССР мало истощён продолжительной войной и в перспективе способен представлять для англо-американской коалиции серьёзную опасность. Между тем в Англии дислоцировалась оснащённая всем необходимым армия общей численностью в полмиллиона человек с тяжёлым вооружением. Кроме того, генерал в своём донесении отметил, что в правящих кругах двух стран были опасения относительно возможности советского вторжения на территорию Германии, способного выступить толчком для череды коммунистических революций во многих европейских государствах[14].

Свои выводы И.А. Скляров сделал на основе полученных ранее документов, в том числе касавшихся проведения подготовительных мероприятий в рамках операции «Оверлорд», предполагавшей высадку англо-американского десанта на Европейском континенте. Ему удалось узнать, что уже летом 1943 года, когда развернулась Курская битва, обеспечившая окончательный перелом хода войны в пользу СССР, план вторжения союзных войск был полностью готов к реализации. На основе полученных материалов советский атташе отметил детальную проработку операции во всех подробностях, но обратил внимание на полное отсутствие информации о сроках её реализации. То есть при наличии желания второй фронт мог появиться на год раньше, чем это произошло на самом деле.

Необходимо отметить, что И.А. Склярову удалось обзавестись в Лондоне большим количеством полезных контактов среди представителей как генералитета, так и видных политиков. Это позволяло ему в конфиденциальных беседах получать важную информацию.

Не менее ценная информация поступила по военно-дипломатическим каналам и из Вашингтона. В ней указывалось, что в Белом доме не верили в возможность прийти к компромиссному соглашению с Советским Союзом по послевоенному мироустройству. В США опасались, что СССР превратится на европейском континенте в основную силу. В такой ситуации более целесообразным представлялось повременить с открытием второго фронта, чтобы позволить Германии максимально обескровить Советы. Тогда можно будет вести переговорный процесс с Москвой с позиции силы, диктуя свою волю[15].

В частности, сотруднику посольства майору Л.А. Сергееву удалось получить материалы переговоров, состоявшихся в канадском Квебеке между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. На их основе он передал в Москву информацию о нежелании союзников до конца 1943 года открывать боевые действия в Европе и их стремлении организовать совместную с СССР конференцию, чтобы иметь основания для оттягивания сроков проведения десантной операции. Сергеев также сообщил, что интересовать союзников будут в первую очередь послевоенные вопросы, а создание нового фронта в условиях приближавшейся зимы они объявят невозможным, предложив перенести сроки операции на весну будущего года. При этом причиной встречи руководителей государств в Квебеке было названо успешное советское наступление. Дать оценку его последствиям и решили участники встречи в Канаде[16].

На основании поступивших в Москву донесений можно было с уверенностью говорить, что план

союзнической высадки в Западной Европе уже существует, но его практическая реализация откладывается под воздействием многочисленных факторов. В частности, союзническое командование считало оптимальными условиями для высадки ситуацию, при которой немецкие вооружённые силы в значительной степени будут ослаблены Красной армией, что не позволит им оказывать значительное противодействие англо-американцам, снижая их возможные потери. Указанная информация оказалась очень важной для советских дипломатов при подготовке Московской конференции глав внешнеполитических ведомств, состоявшейся в период с 19 по 30 октября 1943 года.

В сообщении И.А. Скляров от 12 ноября указывались результаты разговора советского генерала со своим британским коллегой бригадным генералом Киркманом. Рассуждая на тему ситуации на западе Европы, Скляров отметил удобство текущего положения для организации полномасштабной высадки и открытия второго фронта, с чем Киркман не согласился. В ходе беседы стало понятно, что генерал придерживался мнения об оптимальности момента высадки при достижении условий, при которых германская сторона практически полностью потеряет возможность сопротивляться союзническим войскам и мешать их продвижению в глубь континента. При этом на вопрос о плохих погодных условиях Киркман ответил, что при отсутствии должного сопротивления со стороны немецких войск высадка будет организована вне зависимости от погодных условий[17].

Все сведения, поступавшие от атташе, направлялись лично И.В. Сталину и В.М. Молотову. В Генштабе данная информация направлялась генералу армии А.И. Антонову. Полученные сведения расширили представления советской делегации об отношении союзников к ситуации вокруг второго фронта, что позволило оптимизировать собственную позицию в преддверии предстоявшей Тегеранской конференции.

Не последнюю роль в принятии финального решения об участии И.В. Сталина в конференции в Тегеране сыграла и информация разведчиков, докладывавших о планах Великобритании и США по ряду основных вопросов, включая иранский. В подготовительном процессе перед конференцией активно участвовал атташе в ближневосточной стране полковник Б.Г. Разин. В своём докладе в октябре 1943 года он отмечал, что проведённое для шаха мероприятие — посещение расположения советских войск в Мешхеде — прошло успешно. На встрече с офицерами военной миссии Моххамед Реза Пехлеви, которому тогда исполнилось всего 22 года, позитивно высказывался об СССР и не скрывал своей симпатии к Красной армии.

В ходе своего визита в Тегеран И.В. Сталин лично побеседовал с Б.Г. Разиным. Он заслушал объёмный доклад офицера о состоянии иранских вооружённых сил, о позиции шаха по широкому спектру проблем, а также о реализации мероприятий по открытию в Иране советских военных школ (танковой и авиационной) для обучения местных кадров на советской материальной базе. В наставлении, данном атташе, И.В. Сталин отметил, что сегодня Иран настроен просоветски, но постоянно запугивается британцами. В таких условиях необходимо сделать всё возможное, чтобы отношение к СССР со стороны шаха и его окружения сохранилось[18]. Одновременно он сообщил о планах поставить иранской стороне по два десятка самолётов и танков, а также отметил необходимость отбора местных кадров, способных пройти обучение по эксплуатации передававшейся техники на территории Советского Союза. В конце встречи полковнику было поручено максимально помогать иранцам в решении возникавших проблем[19].

Необходимо отметить, что аппараты атташе в Великобритании и США не менее активно работали на рубеже 1944—1945 гг., когда велась подготовка конференции в Ялте[20]. Их руководители в рассматриваемый период передали в Москву большое количество материалов, раскрывавших планы союзнического командования относительно предстоявших действий на последнем этапе войны и в послевоенный период. Они позволили Советскому Союзу более эффективно выстраивать собственную внешнеполитическую линию в рамках взаимодействия с партнёрами по антигитлеровской коалиции.

Б.Г. Разин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Харламов Н.М.* Трудная миссия. М.: Воениздат, 1983. С. 23.

[2] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной: военная разведка России накануне и в годы ВОВ. М.: Кучково поле, 2010. С. 123.

[3] Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1973. С. 240.

[4] *Харламов Н.М.* Указ. соч. С. 31.

[5] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 100.

[6] Там же. С. 93.

[7] *Лота В.И.* Указ. соч. С. 136.

[8] *Бережков В.М.* Указ. соч. С. 101.

[9] Дипломатический словарь. С. 240—242.

[10] Там же. С. 233.

[11] *Харламов Н.М.* Указ. соч. С. 213, 214.

[12] Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. II. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 860.

[13] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сборник документов. Т. II, IV, VI. М., 1978—1980.

[14] *Лота В.И.* Без права на ошибку. М., 2005. С. 352.

[15] См.: Родина: исторический научно-популярный журнал. 2014. № 1. С. 136.

[16] Там же. С. 137.

[17] *Лота В.И.* Без права на ошибку. С. 363.

[18] См.: Родина: исторический научно-популярный журнал. С. 141.

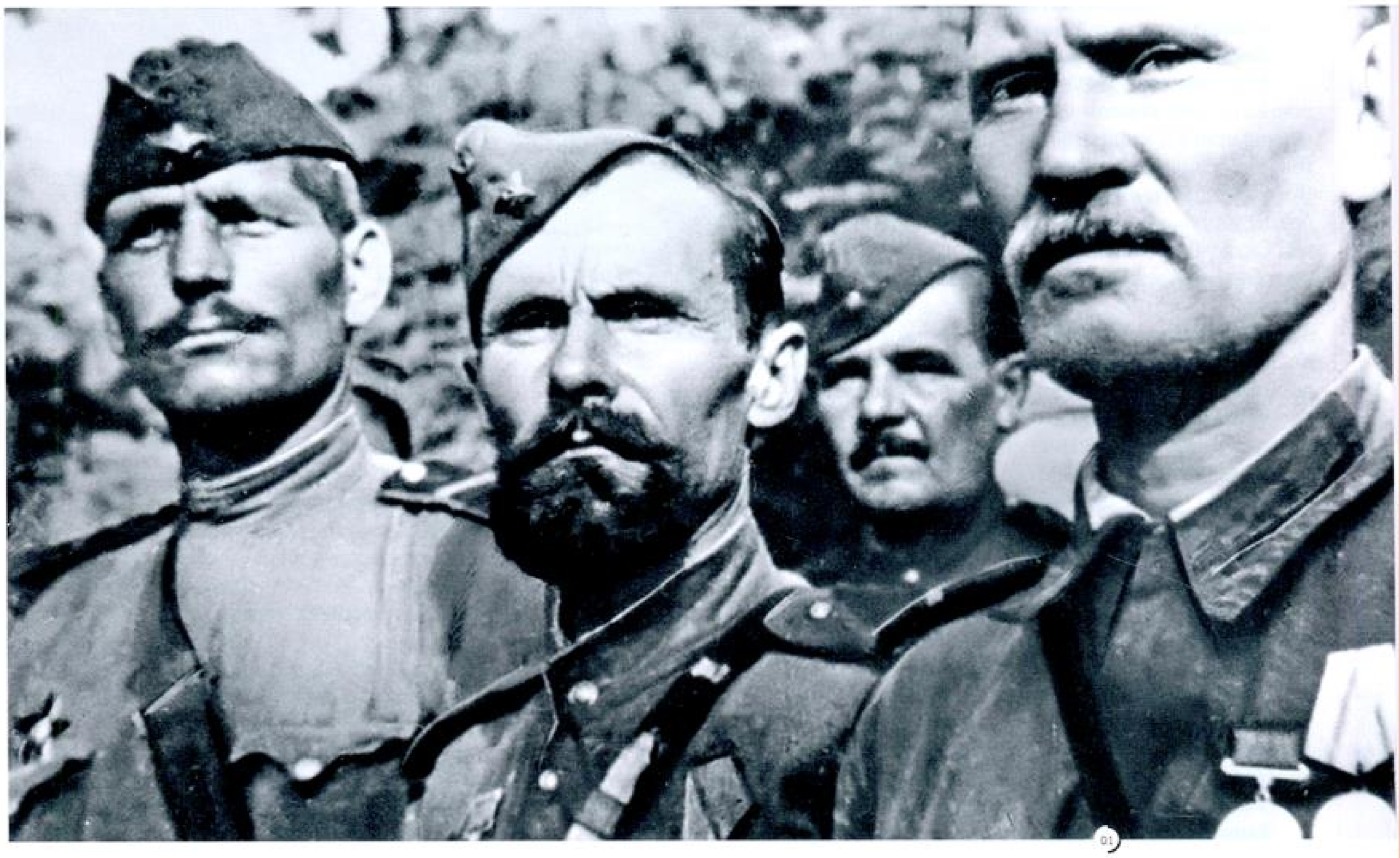
[19] *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной... С. 402, 403.

[20] См.: Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.): сборник документов. М., 1984. 302 с. ■

Лукашин, Александр. «Если я струшу - меня расстреливайте!» : как фронт откликнулся на приказ «Ни шагу назад!» / А. Лукашин. - Текст : непосредственный // Документы Победы. - 2020. - № 1. - С. 17-19. - (специальный выпуск-приложение журнала «Родина»).

«ЕСЛИ Я СТРУШУ — МЕНЯ РАССТРЕЛИВАЙТЕ!»

КАК ФРОНТ ОТКЛИКНУЛСЯ НА ПРИКАЗ «НИ ШАГУ НАЗАД!»



01

На следующий день после подписания приказа № 227, 29 июля 1942 г., он был передан по телеграфному аппарату «Бодо» военным советам всех фронтов и округов. 45 000 экземпляров приказа было отпечатано в типографии и сдано фельдсвязи НКВД для отправки авиапочтой[1]. Приказ зачитывался перед строем частей и подразделений в течение 30–31 июля и в ночь на 1 августа.

Ниже мы публикуем две сводки Главного Политуправления Красной Армии об откликах личного состава на приказ, направленные за подписью начальника управления А.С. Щербакова в адрес В.М. Молотова, заместителя председателя Государственного комитета обороны СССР. По причине большого объема документы публикуются с извлечениями.

Оба документа хранятся в РГАСПИ в личном фонде В.М. Молотова (Ф. 82).

Александр Лукашин,
заместитель начальника отдела использования документов РГАСПИ,
кандидат исторических наук

Курская областная научная библиотека имени Н.Н. Асеева

[1] Честь имеем!

№ 1 Информация об откликах личного состава действующей армии на приказ Народного Комиссара Обороны № 227

31 июля 1942 г.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
[...]
Щербаков
[...]

Начальники Политических управлений фронтов сообщают:

Ленинградский фронт

Красноармеец 147-го стрелкового полка тов. Каткевич, комсомолец, русский, после зачтения приказа заявил: «Товарищ Сталин прямо говорит, почему мы терпим поражения на юге. В этом виноваты в значительной мере мы сами—бойцы. Как мы должны ответить нашему вождю? Скажу про себя: от своих позиций не отступлю, буду драться с немцами до последней капли крови».

Красноармеец того же полка тов. Устинов, беспартийный, русский, сказал: «Я человек пожилой, у меня жена и дети, у многих из нас есть семьи. Отступать дальше—значит выдать их немцам. Товарищ Сталин в своем приказе правильно указал, что надо сделать, чтобы поднять дисциплину и навести порядок в Красной Армии. От этого честный боец, который ненавидит немца, только выиграет».

Командир орудия 4-й батареи 113-го артиллерийского полка младший сержант Калинин, беспартийный, после зачтения приказа выстроил свой расчет и заявил бойцам: «Я не потерплю в своем расчете трусов и паникеров. Если я струшу—меня расстреливайте. Если кто из вас струсит—приму самые строгие меры, вплоть до расстрела.

Западный фронт [...]

Красноармеец 49-й армии тов. Блохин, участник гражданской войны, в беседе с бойцами сказал: «Приказ товарища Сталина направлен на укрепление боеспособности и стойкости Красной Армии. Я и два моих сына клянемся, что будем бить врага до последнего дыхания, умрем, но не отступим».

В 160-й стрелковой дивизии приказ № 227 был зачитан перед строем начальником штаба полковником Яковлевым, который вслед за тем выступил с речью. Последние его слова о том, что «будем до последней капли крови сражаться за каждую пядь родной земли, ни шагу больше назад!»—были встречены аплодисментами и криками «ура».

Старший лейтенант этой же дивизии тов. Васильков, трижды раненный за время войны, заявил: «Я, как командир роты, даю клятву перед строем, что мое подразделение с честью выполнит приказ Наркома. Кто струсит—будет поражен нашей пулей. Умереть за Родину—слава. Быть трусом—несмываемый позор».

02

Красноармеец—снайпер 1101-го стрелкового полка тов. Уткин сказал «Я уничтожил 6 фашистов, беру обязательство этот счет удесятерить».

Красноармеец 50-й армии тов. Попков, имеющий 10 суток ареста за нарушение дисциплины, в присутствии бойцов и командиров заявил: «Я свою вину искуплю на поле боя. Буду сражаться против немецких захватчиков до последнего дыхания».

В отдельных армиях уже приступили к формированию заградбатальонов и штрафных рот.

Северо-Западный фронт [...]

Младший сержант тов. Мыльников, русский, сказал: «Я презираю тех, кто бежит с поля боя. Они предатели. Я умру, но не уйду со своего поста. Клянусь, что не отступлю никогда».

С пламенной речью на митинге красноармейцев выступил участник гражданской войны полковник тов. Колзарь, беспартийный. Он говорил: «Я вспоминаю гражданскую войну. Невелики были наши силы. Босые, голодные мы боролись и победили. Теперь мы значительно крепче. Мы должны напрячь все силы для победы над врагом. Я призываю к безграничному напряжению, самопожертвованию во славу нашей Родины». [...]

Воронежский фронт

В частях, ведущих уличные бои в городе Воронеже и других населенных пунктах, политработники знакомят с приказом отдельных бойцов или небольшие группы, переползая из окопа в окоп, от укрытия к укрытию.

Сталинградский фронт [...]

Сержант-танкист тов. Сипчугов, заслушав приказ, заявил: «Мне и моим товарищам сейчас стыдно перед народом, который вручил нам до-

рогую технику. Я даю клятву, что впредь не отступлю ни на шаг, умру, но приказ выполню».

Штурман Макеев, получивший в воздушных боях несколько ранений, заявил: «Раньше имели место случаи, когда летчикам, не выполняющим боевых заданий, меньше доверяли. Некоторые трусы воспринимали это даже с охотой. Приказ товарища Сталина правильно определяет меру наказания для этой категории людей. Он положит конец проявлениям трусости и паникерства».

Карельский фронт

Во всех землянках на передовой линии проводятся читки и разъяснение приказа. В большинстве частей вторых эшелонов и подразделениях передовой линии, где позволяла обстановка, проведены митинги, а также партийные собрания. [...]

Красноармеец части Завьялова тов. Лик на митинге заявил: «Я умру, но не брошу свой пост, не запятнаю честь своей роты, не опозорю свою часть и семью. Я знаю, что здесь в Карелии, я защищаю свою Украину, я буду беспощадно уничтожать фашистское зверье».

Приволжский военный округ

В частях 9-й и 19-й запасных стрелковых бригад приказ был доведен до красноармейцев нерусских национальностей через переводчиков. В 9-й запасной бригаде текст приказа переведен на узбекский язык и зачитан бойцам-узбекам.

В Пензенском, Куйбышевском, Вольском, Пугачевском гарнизонах приказ был прочитан командам и личному составу эшелонов, направляющихся на фронт. Приказ встречен единодушным одобрением.

Курсант Куйбышевского училища связи тов. Богомолов заявил: «Приказ № 227 надо было издать раньше. Меньше было бы потерь для нашей страны». Курсант Мальцев: «Потерять Кавказ — потерять 80% нефти. Почему нас, здоровых, держат в тылу? Почему не сформируют ударную курсантскую бригаду, как это было в гражданскую войну, и не пошлют нас на защиту Кубани и Кавказа?»

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 814. Л. 42–48. Подлинник. Машинописный текст. Подпись А.С. Щербакова — автограф.

°3
Почтовая марка, выпущенная в 1945 году.

> Я ПРЕЗИРАЮ ТЕХ, КТО БЕЖИТ С ПОЛЯ БОЯ. ОНИ ПРЕДАТЕЛИ. Я УМРУ, НО НЕ УЙДУ СО СВОЕГО ПОСТА. КЛЯНУСЬ, ЧТО НЕ ОТСТУПЛЮ НИКОГДА.
>
> МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ МЫЛЬНИКОВ

[1] Справка о рассылке приказа НКО от 28 июля 1942 г. № 227 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 466. Л. 133-134.

№ 2 Из информации об откликах бойцов и командиров Красной Армии на приказ Народного Комиссара Обороны № 227

4 августа 1942 г.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
[...]
Щербаков
[...]

В соединениях и частях возрастает организованность, укрепляется дисциплина.

На Северо-Западном фронте в соединениях, где начальниками политотделов т.т. Шмелев, Шабанов, Хвалей, Лисицын, Черешнюк, за последние 3 дня почти совсем отсутствуют нарушения караульной службы и аморальные явления.

На Карельском фронте, в части, где военкомом тов. Алехин, за последние 3 дня не было ни одного случая нарушения дисциплины. Командир отделения этой части тов. Себелев заявил военкому: «Я просто не узнаю своих бойцов. Все мои приказания выполняются быстро и точно. Красноармеец Минякин, который считался неисправимым, стал совершенно другим. Он стал образцом в соблюдении дисциплины и выполнении приказаний».

Заметно повысилась требовательность командиров, отмечается много фактов, когда красноармейцы одергивают или упрекают своего товарища, проявляющего недисциплинированность.

[...] Отрицательные настроения выражаются, прежде всего, в перекладывании вины за отступление только на командиров, в недоверии к начсоставу. Характерными для таких настроений могут служить следующие высказывания:

Механик-водитель 66 танковой бригады Михалев (Воронежский фронт): «Приказ касается не нас, а командиров и комиссаров. Они часто бросают красноармейцев, а сами утекают».

Красноармеец 11-го полка Московского учебного артцентра Громов: «Дело не в бойцах, а в командирах. Они сами начинают удирать, когда создается тяжелое положение».

Курсант 17-й пульроты Хабаровского военного пехотного училища Окунев, бывший член ВЛКСМ: «Из приказа ясно, что на генералов и командиров не надейся, надейся только на себя». [...]

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 814. Л. 61–67. Подлинник. Машинописный текст. Подпись А.С. Щербакова — автограф.

Махалова, Ирина. Коллаборационизм на советских оккупированных территориях: историография последних лет / И. Махалова. - Текст : непосредственный // Российская история. - 2019. - № 3. - С. 141-149.

Коллаборационизм на советских оккупированных территориях: историография последних лет

Ирина Махалова

Collaboration in the occupied Soviet territories: historiography of recent years

Irina Makhalova
(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005133-7

В годы Второй мировой войны на территории СССР, оккупированной войсками Германии и её союзниками, оставалось около 70 млн советских граждан[1]. Некоторые из них ушли в подполье и пополнили партизанские отряды. Кто-то, не желая рисковать, решил переждать оккупацию и выполнял требования нового режима. Наконец, часть населения по разным причинам поступила на службу к немцам (вермахт, полиция, охранная служба гетто, местные администрации, редакции газет и т.д.). Формы такого сотрудничества (с участием 1—1,5 млн советских граждан) варьировались в зависимости от нужд оккупантов и особенностей захваченных ими территорий[2]. Многие из оставшихся здесь людей прожили при альтернативном режиме более двух лет. Это время стало своего рода испытанием на прочность для советской системы, успевшей воспитать после революции 1917 г. новое поколение граждан.

В настоящей статье представлен анализ историографии феномена коллаборационизма на советских оккупированных территориях, начиная с первых лет холодной войны (до 1991 г., распад СССР) и заканчивая сегодняшним днём. Также одной из задач исследования является поиск ответа на вопрос: был ли преодолён идеологический разрыв между отечественными и западными историками в процессе изучения темы, стало ли оно интернациональным?

До 1991 г. на фоне обострения противоречий между различными политическими системами советские архивы оставались закрытыми для зарубежных учёных. Поэтому чаще всего они обращали внимание на деятельность генерала А.А. Власова[3], оценка личности которого по сей день вызывает дискуссии

© 2019 г. И.А. Махалова

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

[1] *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010. С. 7. М.И. Семиряга отмечал, что на оккупированных территориях осталось не менее 60 млн человек (*Семиряга М.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 4—5).

[2] А.Е. Епифанов и С.В. Кудряшов считают, что около 1 млн человек можно считать коллаборационистами, С.И. Дробязко пишет о 1,3—1,5 млн (*Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских преступников и их пособников в СССР. 1941—1956 гг. М., 2017. С. 74; *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 90—91; *Дробязко С.И.* Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 131—133).

[3] *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. Cambridge, 1987; *Hoffman J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg (Breisgau), 1984.

среди российских и западных историков[4]. Исследования последних базировались на опубликованных за рубежом многочисленных воспоминаниях бывших участников различных коллаборационистских формирований[5]. В качестве основной причины, побудившей советских людей сражаться на стороне врага, называлось их огромное желание освободить свою страну от «ненавистного большевистского ига». Иными словами, превалирующим стало представление о коллаборационистах как о борцах за свободу, а не предателях, причём такой взгляд иллюстрировали реалии холодной войны.

Не менее популярным сюжетом в зарубежной историографии (в частности в 1970-х — начале 1980-х гг.) стала принудительная репатриация советских граждан, остававшихся к концу войны на территории западноевропейских стран[6]. Работы историков основывались лишь на опубликованных источниках[7] и документах из британских и американских архивов. Среди западных исследователей шли споры по вопросам: какова роль США и Великобритании в процессе репатриации советских граждан, насколько добровольным было их возвращение на родину[8]? Относительно последнего возобладало мнение о том, что эти люди, будучи оппозиционно настроенными к сталинскому режиму, хотели остаться за рубежом[9].

Между тем именно на Западе впервые появились фундаментальные исследования по истории оккупации Советского Союза. Повседневная жизнь его граждан, скрытая от глаз остального мира, на протяжении долгого времени оставалась загадкой для зарубежных учёных. После войны у них появилась уникальная возможность узнать о советской повседневности из первых уст, поскольку сотни тысяч советских людей решили не возвращаться домой. Помимо прочего, интерес к этой теме возрос с началом холодной войны.

В конце 1940-х гг. при Русском исследовательском центре Гарвардского университета под руководством А. Инкелеса и Р. Бауэра в рамках соответствующего проекта[10] проводились интервью с советскими гражданами, по тем

---

[4] В последнее время споры разгорелись вокруг докторской диссертации К.М. Александрова. Его обвиняют в чрезмерных симпатиях к генералу А.А. Власову, попытках оправдать его поведение в годы Великой Отечественной войны (*Плотников А.Ю., Василик В.В.* «Власовское движение» или ещё раз об истории предательства (На основе анализа докторской диссертации К.М. Александрова) // Клио. 2016. № 1. С. 196—202).

[5] См.: *Киселёв А.Н.* Облик генерала А.А. Власова. Нью-Йорк, 1978; *Strik-Strikfeldt W.* Gegen Stalin und Hitler. Mainz, 1970; *Черкассов К.С.* Генерал Кононов (Ответ перед историей за одну попытку). В 2 т. Т. 1. Мельбурн, 1963; Т. 2. Мюнхен, 1965; *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Личные воспоминания о генерале Власове // Суворовец. 1949. № 30—38; *Fröhlich S.* General Wlassow. Russen und Deutschen zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1987; *Алдан А.Г.* Армия обречённых. Нью-Йорк, 1969; *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. Франкфурт-на-Майне, 1952; *Китаев М.* Как это началось. Из воспоминаний сотрудника газеты «Заря». Нью-Йорк, 1970.

[6] *Epstein J.* Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present, Old Greenwich, Connecticut, 1973; *Bethell N.* The Last Secret: the Delivery to Stalin of over Two Million Russians by Britain and the United States. N.Y., 1974; *Tolstoy N.* Victims of Yalta. L., 1977; *Elliot M.R.* Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation. Urbana, 1982.

[7] Например, см.: *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945—1947). Т. 1—2. Нью-Йорк, 1962—1970.

[8] О современных дискуссиях по данному вопросу см.: *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944—1952 гг. М., 2016. С. 9—15.

[9] Работа, из-за которой в основном начались эти споры: *Fisher G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, 1952.

[10] Подробнее про Гарвардский проект см.: *Brandenberger D.* A Background Guide to Working with the HPSSS Online (URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/working_with_hpsss.pdf). Руководителями Гарвардского проекта написан фундаментальный труд о повседневной жизни

или иным причинам оставшимися проживать в западных странах. Именно на этих интервью (помимо источников из многочисленных немецких архивов) базируется фундаментальный труд А. Даллина[11]. Его работа до сих пор остаётся эталоном для любого исследователя, занимающегося историей нацистской оккупации. Анализируя поведение и настроения людей, оставшихся на захваченных врагом территориях, историк пришёл к выводу, что несмотря на то что жизнь в довоенном большевистском государстве была невыносимо тяжёлой, предложенная нацистами альтернатива оказалась ещё хуже[12]. В результате немцы столкнулись с активным сопротивлением местного населения. Более того, Даллин предположил, что исход войны на Восточном фронте мог быть иным, если бы оккупационная власть вела себя иначе[13].

Западные историографы 1950-х гг. — начала 1990-х гг. фокусировались в целом на оккупации СССР, пытаясь выявить общие черты, характерные для всех его захваченных территорий[14]. Историки США и ФРГ в первую очередь использовали в своих исследованиях документы из немецких архивов (многие из них стали доступны почти сразу после войны) и эмигрантскую литературу.

В советской историографии вопрос о сотрудничестве местного населения с немецкими оккупантами рассматривался лишь фрагментарно. Одним из обусловивших это факторов являлась особая политика памяти о Великой Отечественной войне. Когда в 1965 г., спустя 20 лет после её окончания, в Советском Союзе начали отмечать День Победы, власть «монополизировала» память о войне. По словам Л. Гудкова, это явилось началом «официального, демонстративного почитания “ветеранов”», появления «“лирической” тональности в описаниях войны (в первую очередь в воспоминаниях) и различных государственных ритуалах, этот процесс соединял стереотипизацию коллективного опыта... с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками частной жизни и представлениями о пределах её автономности»[15].

Историография, базировавшаяся на официальной «Истории Великой Отечественной войны, 1941—1945» и мемуарах советских маршалов была представлена лишь героическим нарративом. Хотя составной частью Дня Победы стало поминовение, печальная память о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях, основной идеей сформировавшейся культуры памяти стало представление СССР как страны-победительницы, спасшей мир от нацизма. Из официального дискурса исчезли целые категории жертв: евреи, остарбайтеры, бывшие военнопленные, цыгане. Память о коллаборационистах, которые по определению являлись «предателями Родины» и «пособниками фашистов», тем более не соответствовала героизации войны, основой которой должны были стать подвиги ради защиты Советского государства[16]. Таким

советских граждан при сталинизме: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959.

[11] *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945: a Study of Occupation Policies. L., 1957.

[12] Ibid. P. 678.

[13] Ibid. P. 680.

[14] *Dallin A.* German Rule in Russia..; *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union. N.Y., 1988; *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut. Hamburg, 1962; *Rich N.* Hitler's War Aims. The Establishment of the New Order. N.Y., 1974.

[15] *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html).

[16] Подробнее см.: *Кринько Е.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153.

образом, поведение коллаборационистов оценивалось исключительно морально-этическими категориями и учёными не анализировалось. Особое внимание советские историографы уделяли деятельности коллаборационистов прибалтийских республик и Западной Украины[17].

Также на изучение феномена коллаборационизма в советское время повлияло ограничение доступа исследователей к соответствующим архивным источникам. В основном при написании работ по теме учёные использовали воспоминания партизан и членов подпольных групп. Здесь коллаборационисты изображались бывшими кулаками, жертвами репрессий и «буржуазными националистами» (так называли национальные меньшинства, которые по причине якобы массового сотрудничества с врагом в годы войны после её окончания были депортированы[18]).

Если западные историографы периода холодной войны изображали сотрудничавших с нацистами граждан СССР как смелых борцов со сталинским режимом, то советские — давали им исключительно негативную оценку, объясняя причины возникновения коллаборационизма классовой и национальной принадлежностью изменников Родины[19].

После распада Советского Союза российские историки приступили к подробному исследованию данной проблематики. Во-первых, это объяснялось значением Великой Отечественной войны для государства в целом и для каждой семьи в частности. Как отмечал А. Вайнер, Победа 1945 г., оттеснив мифологию революции и Гражданской войны, стала для каждого гражданина СССР мощным способом советизации и самоидентификации[20]. Во-вторых, исследователям стал интересен не только опыт людей, непосредственно сражавшихся на фронтах войны, но и переживших оккупацию. В-третьих, после «архивной революции» 1990-х гг. стало возможным всестороннее изучение социальной истории Второй мировой войны на Восточном фронте.

Началось исследование коллаборационизма как феномена, причём учёные старались отойти от морально окрашенных оценок поведения советских граждан, решивших сотрудничать с врагом. В связи с этим стоит отметить работу М.И. Семиряги[21], который впервые в российской историографии показал, что в 1939—1945 гг. жители многих стран, несмотря на господствовавшие в них разные идеологии, сотрудничали с нацистским оккупационным режимом.

В постсоветский период историки выявили типы коллаборационизма (военный, гражданский, хозяйственный, в сфере культуры)[22], начали подробно

---

[17] *Бутенас Ю.* Буржуазные националисты-пособники гитлеровских оккупантов // Гитлеровская оккупация в Литве. Сборник статей. Вильнюс, 1966. С. 25—46; *Коровин В.В., Чередниченко В.П.* Буржуазные националисты на службе фашистских захватчиков // Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974. С. 321—446; *Мигович И.И.* Преступный альянс. О союзе униатской церкви и украинского буржуазного национализма. М., 1985.

[18] Например, относительно крымских татар см.: *Uehling G.* Beyond Memory. The Crimean Tatars' Deportation and Return. N.Y., 2004.

[19] Подробнее о зарубежной историографии периода холодной войны см.: *Suny R.G.* Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century: How the «West» Wrote its History of the USSR // The Cambridge History of Russia / Ed. by R.G. Suny. Vol. 3. Cambridge, 2006. P. 5—64.

[20] *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

[21] *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000.

[22] Подробнее об этом см.: *Кринько Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР... С. 156—157.

изучать его проявление в отдельных регионах (Украина, Белоруссия[23], оккупированные территорий РСФСР[24], Литва, Латвия, Эстония[25]), а также исследовать деятельность А.А. Власова[26], Б.В. Каминского[27] и др.

Однако многие труды по теме оказались чрезмерно политизированными и носили публицистический характер, но не содержали глубокого анализа феномена военного коллаборационизма. Основой для написания ряда таких работ послужили документы только из российских архивов, в то время как немецкие источники, необходимые для объективного рассмотрения событий войны, не привлекались.

Особое место в отечественной историографии после 1991 г. занимают труды, касающиеся сотрудничества национальных меньшинств с нацистским оккупационным режимом. Многочисленные исследования посвящены мусульманскому населению[28], из представителей которого немцы создавали специальные батальоны для борьбы с партизанами и Красной армией[29]. Подобный интерес не в последнюю очередь объясняется тем, что представители национальных меньшинств, обвинённые в массовом сотрудничестве с врагом, были депортированы ещё до окончания войны. Советское правительство долго создавало, а затем и фиксировало в дискурсе соответствующую память о поведении таких групп населения. Неудивительно, что именно они оказались в центре внимания историков сразу же после распада СССР.

---

[23] *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина; *Ковалёв Б.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944 гг. М., 2004; *Романько О.В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945). Симферополь, 2008; *Соловьёв А.К.* Белорусская Центральная Рада. Создание, деятельность, крах. Минск, 1995.

[24] *Цветков А.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь, 2012; *Линец С.* Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: проявления, масштабы, характерные особенности. Пятигорск, 2009; *Журавлёв Е.* Особенности проявления коллаборационизма на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Азов, 2009; *Журавлёв Е.И.* Гражданский коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 70—79; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Полицаи: история, судьбы и преступления. М., 2016.

[25] О коллаборационизме в Эстонии, Латвии и Литве в годы Второй мировой войны см.: Уничтожение евреев в Латвии, 1941—1945. Сборник статей. Рига, 2007.

[26] *Александров К.М.* Армия генерала Власова 1944—1945. М., 2006; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. СПб., 2001; *Бахвалов А.* Генерал Власов. Предатель или герой? СПб., 1994; *Дробязко С., Каращук А.* Русская освободительная армия. М., 1998; *Коняев Н.* Власов. Два лица генерала. М., 2003.

[27] *Грибков И.* Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской освободительной народной армии. Орёл, 2008; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009.

[28] *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939—1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004; *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941—1944). Симферополь, 2009; *Гилязов И.А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998; *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знамёнами «Третьего рейха». Казань, 2005.

[29] Подробнее о политике нацистской Германии в отношении мусульманского населения см.: *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014.

Сегодня благодаря активному введению в научный оборот ранее не известных источников отечественные и зарубежные исследователи определяют новые тенденции изучения рассматриваемой тематики. Например, ещё частично остающаяся «белым пятном» история преследования и уничтожения советских евреев получила определённый импульс после изучения документов ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 1942 г.)[30]. Опубликованные после 1991 г. воспоминания людей, переживших нацистскую оккупацию, позволили по-иному взглянуть на социальную историю Второй мировой войны, в том числе на проблемы коллаборационизма.

В постсоветский период западные исследователи перешли на микроуровень и сконцентрировали внимание на особенностях коллаборационизма в конкретных регионах[31]. Этому способствовали как открытие для них российских, в том числе региональных, архивов, так и начавшееся на Западе изучение динамики и видов насилия (неотъемлемая часть нацистского оккупационного режима) как особого феномена.

В последние годы западные и отечественные историки вновь обратились к проблеме мотивации коллаборационистов. В центре таких исследований (в отличие от работ, написанных в годы холодной войны) оказались обычные советские люди, жители оккупированных городов и сёл, а также солдаты Красной армии и те, кто перешли на сторону врага в годы войны, но после её окончания вернулись в СССР.

М. Эделе (Университет Мельбурна)[32], например, отвечая на вопрос, почему десятки тысяч красноармейцев ушли к немцам, констатировал: лишь малая часть солдат оказалась в стане врага действительно по политическим мотивам, главной же причиной дезертирства остальных стало их единственное желание — выжить[33].

Автор опроверг и гипотезу о детерминированности поведения во время оккупации определённых национальных или социальных групп советских граждан. Это мнение поддержал С. Бернстейн. Он подробно описал короткий

---

[30] О создании Чрезвычайной государственной комиссии см.: *Sorokina M.* People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // Kritika. Vol. 6. 2005. № 4. P. 805—835.

[31] Об оккупации и коллаборационизме в Украинской ССР см.: *Dallin A.* Odessa, 1941—1944: Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Iasi; Oxford; Portland, 1998; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004; *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s. N.Y., 1998; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; *Penter T.* Kohle für Stalin und Hitler: Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010; *Eikel M., Sivaieva V.* City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941—1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History. Vol. 23. 2014. № 3. P. 405—428. Об оккупации и коллаборационизме в Белорусской ССР см.: *Rein L.* The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. N.Y., 2011; *Chiari B.* Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weifirussland 1941—1944. Düsseldorf, 1998. Об оккупации Смоленска см.: *Cohen L.R.* Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, 2013. О взаимоотношении между солдатами армии вермахта и местным населением см: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941—1944. München, 2008; *Hasenclever J.* Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941—1943. Paderborn, 2010.

[32] *Edele M.* Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941—1945. Oxford, 2017.

[33] Ibid. P. 10.

период власти нацистов в Рязани и в итоге пришёл к выводу о том, что в тех обстоятельствах поведение людей основывалось на прагматических интересах, а не на симпатиях к большевистской или нацистской идеологии[34].

Бесспорным вкладом в изучение и понимание феномена коллаборационизма на советских территориях стала публикация документов из американских архивов. Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния) уже с 1919 г. приступил к сбору материалов по истории России. В 1951 г. в Нью-Йорке при Колумбийском университете был основан ещё один ориентировавшийся на русскую историю архив — Бахметевский[35].

Некоторые документы из этих архивов опубликовал (в серии «История коллаборационизма») О.В. Будницкий. В 2012 г. вышел в свет «Дневник коллаборантки» Л. Осиповой, в замужестве Поляковой (машинописная копия — в Архиве Гуверовского института) и воспоминания В.Д. Самарина (текст — в Бахметевском архиве)[36], а годом позже — мемуары М.Д. Мануйлова об Одессе в период нацистской оккупации[37]. Обе публикации знакомят исследователей с феноменом и мотивацией «идейного коллаборационизма» (сознательного неприятия советской системы) и иллюстрируют вариативность поведения и мышления людей в годы оккупации.

Всё больше внимания западные историки уделяют проблеме участия коллаборационистов в преследовании и уничтожении на оккупированных территориях СССР евреев[38]. В этот процесс, как показал анализ изученных документов, более массово вовлекалось население Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских республик. С изучением данного вопроса связана проблема судебного и внесудебного преследования коллаборационистов во время и после войны[39]. Это — часть истории о восстановлении советской

---

[34] *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority: Bezvlastie in Wartime Riazan', November–December 1941 // Slavic Review. Vol. 75. 2016. № 3. P. 560–582.

[35] Подробнее о коллекциях документов, содержащихся в этих архивах см.: *Будницкий О.В.* Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах // Российская история. 2014. № 3. С. 126–142.

[36] «Свершилось. Пришли немцы!» Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М., 2012.

[37] Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост. О.В. Будницкий, Т.Л. Воронина, К.Р. Галеев. М., 2013.

[38] *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. N.Y., 2000; Collaboration and Resistance during the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania / Eds. D. Gaunt, P. Levine, L. Palosuo. N.Y., 2004; *Radčenko Y.* Accomplices to Extermination: Municipal Government and the Holocaust in Kharkiv, 1941–1942 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 27. 2013. № 3. P. 443–463; *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016. P. 377–459.

[39] *Exeler F.* The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union // Slavic Review. Vol. 75. 2016. № 3. P. 606–629; *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // American Historical Review. Vol. 113. 2008. № 3. P. 701–730; *Kaiser C.* Betraying their Motherland: Soviet Military Tribunals of Izmenniki Rodiny in Kazakhstan and Uzbekistan, 1941–1953 // Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 41. 2014. № 1. P. 57–84; *Kudriashov S., Voisin V.* The Early Stages of the «Legal Purges» in Soviet Russia (1941–1945) // Cahiers du Monde russe. Vol. 49. 2008. № 2–3. P. 263–296; *Melnyk O.* Stalinist Justice as a Site of Memory: Anti-Jewish Violence in Kyiv's Podil District in September 1941 through the Prism of Soviet Investigative Documents // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. S. 223–248; *Exeler F.* What Did You Do during the War? Personal Responses to the Aftermath of Nazi Occupation // Kritika. Vol. 17. 2016. № 4. P. 805–835; *Jones J.* «Every Family Has Its Freak»: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia // Slavic Review. Vol. 64. 2005. № 4. P. 747–770; *Voisin V.* Spécificités soviétiques

власти на бывших оккупированных территориях, особое место в исследовании этого аспекта играют послевоенные суды НКВД над военными преступниками[40]. В 1990-х гг. Мемориальный музей Холокоста (Вашингтон) получил копии личных дел коллаборационистов Украины, Крыма, Молдавии, прибалтийских республик. Сегодня эти источники — в открытом доступе в музейном архиве. Его работники, имея целью собрать документы по истории Холокоста, выбирали для своей коллекции только соответствующие дела. Западные исследователи ориентируются в первую очередь на данные документы, однако они труднодоступны для отечественных историков. Поскольку к 1991 г. в западных университетах уже сложилась практика изучения Холокоста, то во многом коллаборационизм в СССР стал частью именно этой истории, а не событий Великой Отечественной войны.

При работе с документацией послевоенных судов над коллаборационистами историки сталкиваются с рядом методологических трудностей. В результате в современном научном сообществе сформировались две противоположные точки зрения об использовании данного вида источника для изучения рассматриваемой темы. Наиболее спорным остаётся вопрос о том, являлись ли люди, осуждённые в ходе этих процессов, действительно преступниками, совершали ли они то, за что их осудили? Ведь в годы Большого террора протоколы составлялись следователями ещё до начала допросов, и для осуждения человека было достаточно лишь его признания, которого часто добивались посредством физического насилия[41].

Как полагает Ф. Экселер, изучение практик послевоенных судебных процессов над преступниками в СССР, даёт намного больше информации относительно его послевоенной судебной системы, нежели о реальных действиях людей в годы оккупации[42].

Хотя во время Нюрнбергского процесса СССР играл не последнюю роль, осуществлявшееся на его территории правосудие, считает Ф. Хирш (Висконсинский университет, Мэдисон), вряд ли соответствовало стандартам западного судопроизводства[43].

Другие же исследователи заявляли, что если в ходе судебных процессов 1930-х гг. жертвами репрессивной советской машины часто становились невиновные[44], то коллаборационисты действительно совершали преступления во время оккупации[45]. Кроме того, методы ведения связанных с этими людьми судебных дел, отмечает Л. Виола, не имели ничего общего с периодом Боль-

---

d'une epuration de guerre européenne: la repression de l'intimité avec l'ennemi et de la parenté avec la traître // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. P. 196—222; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 17. 2003. № 1. P. 1—30; *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997.

[40] *Penter T.* Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943—1953) // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 49. № 2. P. 341—364; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies // The Holocaust in the East. Local Perpetrators and Soviet Responses / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A.M. Martin. Pittsburgh, 2014. P. 142—157.

[41] *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. N.Y., 2017. P. 17, 22.

[42] *Exeler F.* The Ambivalent State... P. 611.

[43] *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg... P. 703.

[44] *Cadiot J., Penter T.* Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 61. 2013. № 2. P. 168.

[45] *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 20—21.

шого террора. Скорее они напоминали методы, применявшиеся в отношении, например, сотрудников НКВД, хотя и работавших по всем нормам судопроизводства, но обвинённых в «нарушении социалистической законности»[46].

Западные исследователи единодушны в том, что единственным способом верификации является рассмотрение тех или иных свидетельств лишь в контексте с другими источниками (документами ЧГК, интервью более позднего времени, дневниками и мемуарами)[47]. Тем не менее материалы послевоенных судебных процессов над коллаборационистами иллюстрируют активное участие местных жителей в преследовании и уничтожении еврейского населения и дают ценные сведения по истории Холокоста; разрушают миф советского времени о том, что с оккупационным режимом сотрудничали исключительно бывшие кулаки, жертвы репрессий и деклассированные элементы; подчёркивают наднациональный характер феномена коллаборационизма и, по утверждению Т. Пентер, дают возможность оценить мотивацию коллаборационистов[48].

Таким образом, окончание холодной войны, положив конец идеологическому противостоянию двух систем, оказало непосредственное влияние на изучение истории Второй мировой войны и как её составляющей феномена коллаборационизма. Западные историки начали привлекать документы из российских архивов, а отечественные получили возможность работать с зарубежными документами, что привело к обмену идей и интернационализации науки. Со временем выяснилось, что коллаборационизм — явление более сложное, чем представлялось ранее. Наряду с военным коллаборационизмом исследуются такие вопросы, как мотивация коллаборационистов, их участие в Холокосте и судебное преследование. Однако, если в российской историографии данная тема рассматривается как составляющая Великой Отечественной войны, то в зарубежной — в качестве комплекса проблем, связанных с историей и общеевропейского Холокоста, и советской послевоенной системы.

---

[46] *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial... P. 167.

[47] *Melnyk O.* Historical Politics, Legitimacy Contests, and the (Re)-Construction of Political Communities in Ukraine during the Second World War. PhD Dissertation. Toronto, 2016. P. 140—162; *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority... P. 580, 581; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 21; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation... P. 145; *Edele M.* Stalin's Defectors... P. 13—15.

[48] *Penter T.* Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // Slavic Review. Vol. 64. 2005. № 4. P. 784.

Митюрин, Дмитрий. Жаркое лето 1944-го : операция «Багратион» - лучший из сталинских ударов! / Д. Митюрин. - Текст : непосредственный // Военная история. - 2019. - № 11. - С. 22-25. - (Приложение к журналу «Загадки истории»).

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1944-ГО

Командующий 1-м Белорусским фронтом Константин Рокоссовский

Командующий 3-м Белорусским фронтом Иван Черняховский

Операция «Багратион» – лучший из сталинских ударов!

Один из важнейших с психологической и пропагандистской точек зрения эпизод Великой Отечественной войны произошел 17 июля 1944 года, когда в Москве состоялся «марш побежденных» – проход немецких военнопленных. Все 57 тысяч его участников были захвачены в ходе операции «Багратион», которая была самой масштабной, результативной и успешной операцией антигитлеровской коалиции.

Стратегия советского командования в 1944 году заключалась в проведении серии наступательных операций, которые должны были следовать одна за другой. При таком подходе немцы, едва начав латать дыру на очередном рухнувшем участке фронта, тут же пропускали новый удар на другом направлении. Сложность заключалась в том, чтобы успеть сконцентрировать силы до того, как противник вычислит место нового наступления.

Белорусский «балкон»

«Первый сталинский удар» был нанесен под Ленинградом, поскольку сам факт продолжающейся (пускай и не полной) блокады «колыбели революции» ставил под сомнение переход стратегической инициативы к Красной армии. Немцы этот удар ожидали, а потому смогли довольно организованно отойти на линию «Пантера», удержав контроль над Прибалтикой.

«Второй сталинский удар» привел к освобождению Правобережной Украины и стал большим сюрпризом для врага. Но поскольку операции велись на огромном пространстве, немцы смогли относительно грамотно отвести войска. Вместо полноценного повторения Сталинграда получился менее удачный «дырявый котел» под Корсунь-Шевченковским.

«Третий удар» представлял собой неизбежную «зачистку» группировок, еще удерживавших Крым и Северное Причерноморье. Там рассчитывать на внезапность вообще не приходилось. В начале мая был освобожден Севастополь, после чего настала передышка. Возник вопрос: где будет решаться судьба летней кампании 1944 года?

Командующий группой армий «Центр» Эрнест Буш

Вальтер Модель, сменивший в июле 1944 года Эрнеста Буша на посту командующего группой армий «Центр»

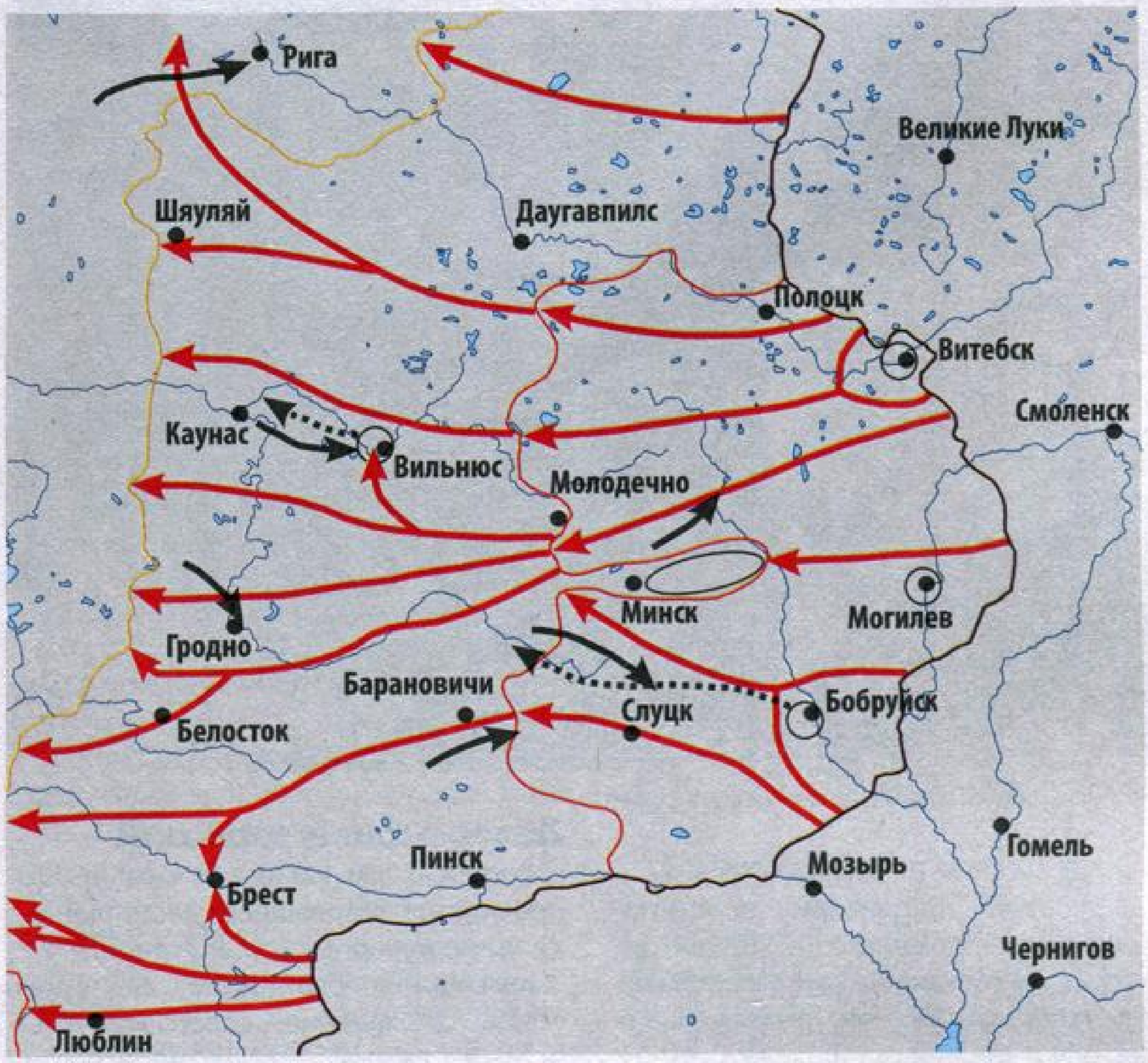


Схема проведения операции «Багратион» 23 июня – 29 августа 1944 года

Ответ был очевиден. Самые мощные группировки вермахта и Красной армии были сконцентрированы на Украине и в Белоруссии. Но дальнейшее продвижение советских войск на юге не имело стратегической перспективы из-за нависшего над освобожденной Украиной так называемого «Белорусского балкона», который немцы могли использовать для нанесения стратегических контрударов.

Конфигурация советского-германского фронта к середине июня 1944 года почти совпала с конфигурацией фронта в августе 1941-го. Тогда немцы овладели Прибалтикой и перемололи главные советские силы в Белоруссии, нависнув над Украиной.

Теперь же немцы оказались в положении обороняющейся стороны и могли бы просчитать план советского командования, заключавшийся в срезании «Белорусского балкона». Но немецкому командованию такой сценарий показался, вероятно, слишком уж очевидным, и оно ожидало чего-нибудь похитрее.

Советское командование в свою очередь сделало все, чтобы германская разведка сделала парадоксальный прогноз: группа армий «Центр» может рассчитывать на спокойное лето.

Линия фронта не сдвигалась в Белоруссии с ноября 1943-го, когда войска Рокоссовского заняли Гомель. После этого началась позиционная война, в ходе которой войска группы армий «Центр» Эрнеста Буша возвели полевые укрепления по 3-5 линий траншей и глубиной 5-6 километров. Попытки прорваться через них заканчивались неудачами, а лесисто-болотистая местность, казалось, обнуляла саму возможность использовать для прорыва крупные массы танков.

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» 23 июня – 29 августа 1944 года

КРАСНАЯ АРМИЯ	ВЕРМАХТ
Командующие	
Командующие фронтами – Иван Баграмян, Иван Черняховский, Георгий Захаров, Константин Рокоссовский	Группа армий «Центр» – Эрнест Буш, Вальтер Модель
Силы сторон	
1,6 миллиона человек, 5,8 тысячи танков, 33 тысячи орудий, минометов и САУ, 5,3 тысячи самолетов	Около 800 тысяч человек, около 900 танков, 9,5 тысячи орудий и минометов, 700 самолетов
Потери	
178,5 тысячи убитых и пропавших без вести, 587 тысяч раненых	250-300 тысяч убитых, около 200 тысяч пленных

главное сражение

Расчет противотанковой пушки ведет огонь по врагу

«Выйдите и подумайте!»

Операция «Багратион» предусматривала нанесение шести концентрических ударов, два из которых должны были подрубить «Белорусский балкон» под основание.

На северном участке решающая роль отводилась 1-му Прибалтийскому фронту Ивана Баграмяна, которому предстояло пробить вражескую оборону на реке Двине, у Витебска, где от «Белорусского балкона» в сторону Москвы выросло нечто вроде «зуба». Далее войскам Баграмяна следовало продвигаться к Орше и Борисову, смыкаясь с наступлением смежного 3-го Белорусского фронта Ивана Черняховского. Еще южнее предстояло действовать 2-му Белорусскому фронту генерала Георгия Захарова.

Но самая сложная задача отводилась 1-му Белорусскому фронту Константина Рокоссовского, перед которым лежало протянувшееся с запада на восток основание «Белорусского балкона», прикрытое припятьскими болотами. Разумеется, предполагалось атаковать не все это пространство, а бить на Бобруйск, а конкретно под основание «балкона».

Рокоссовский, изучив местность, решил, что следует нанести не один, а два главных удара: один – из района Рогачева на Бобруйск – Осиповичи, другой – из района низовьев Березины на Слуцк. Сталину такая идея не понравилась, и во время совещания он дважды предложил Рокоссовскому «выйти и подумать».

Константин Константинович, дважды подумав, заявил, что остается при своем мнении. Сталину такое упрямство понравилось, и план был принят.

Абвер в плену иллюзий

Вопрос о том, каким образом немцы проморгали готовящееся наступление, не имеет исчерпывающего ответа.

Бесспорно, серьезным фактором стало соблюдение советскими войсками режима строгой секретности. Радиопереговоры между подразделениями были запрещены. Все перегруппировки осуществлялись лишь по ночам. Над прифронтовой зоной барражировали самолеты с начальством, и в случае обнаружения каких-либо перемещений вниз сбрасывалась «черная метка» в форме вымпела с надписью: «Вы расшифрованы». Немецкая разведка засекала масштабные перевозки по железным дорогам, но так и не смогла однозначно определить, где чаще выгружаются живая сила и техника – в Белоруссии или на Украине.

Другой важный момент заключался в том, что в 1941-1942 годах абвер сотнями засылал в советский тыл агентов из числа советских военнопленных. Многие из них после разоблачения или явки с повинной продолжали выходить в эфир, снабжая немцев дезинформацией. Перед операцией «Багратион» все они стали гнать «дезу» насчет направлений и характера перевозок, чтобы убедить германское командование в одном – удар будет нанесен на Украине.

То же самое, но уже прямым текстом должен был сообщить немцам и особо ценный агент Макс – Александр Демьянов, по-настоящему работавший на НКВД как агент Гейне. Немцы считали, что он служит офицером связи при начальнике Генштаба маршале Шапошникове, и как минимум дважды (перед Сталинградом и Курской дугой) он сливал немцам стратегическую дезинформацию. В абвере начали в нем сомневаться, но Бог троицу любит…

10 июня 1944 года был нанесен «четвертый сталинский удар» – советские войска начали наступление на Выборг и Петрозаводск с целью вывести из войны Финляндию. В Берлине надеялись, что эти карельские хлопоты займут Красную армию на все лето.

Наконец, нельзя не учитывать и фактор открытия 6 июня 1944 года Второго фронта. Общевойсковые соединения вермахта с востока туда не перебрасывались, так что в пехоте и артиллерии превосходство Красной армии было не тройным (как положено при наступательных операциях), а всего лишь двойным. Зато 6-й воздушный фронт Роберта фон Грейма ослабили настолько, что в белорусском небе советская авиация численно превосходила люфтваффе в семь раз. По танкам советское превосходство было шестикратным, поскольку командование вермахта считало, что нормальные танковые сражения могут развертываться только на Украине.

«Противник использует совершенно новую тактику…»

Серьезные подозрения зародились у немцев в ночь с 19 на 20 июня, когда за одни только следующие сутки партизаны произвели 7 тысяч взрывов на железнодорожных магистралях и автодорогах. Естественно, что система немецкого армейского снабжения оказалась в состоянии коллапса.

22 июня, явно приурочив атаки к трехлетней годовщине германского вторжения, в районе Витебска подразделения силой от роты до батальона провели разведку боем и в ряде случаев овладели передовыми окопами. Немцы сумели их выбить и усилили на переднем крае численность войск, которые утром следующего дня и попали под сокрушительную артподготовку. Когда по ее окончании началось насту-

Немецкие танки, подбитые в районе Бобруйска

пление, выявился еще один неприятный для обороняющихся сюрприз.

Как сообщалось в одном из немецких донесений: «Противник использует совершенно новую тактику. Он больше не атакует как прежде, на широком фронте… Вместо этого применяются компактные ударные группы пехоты, поддерживаемые очень плотным и хорошо корректируемым огнем тяжелого оружия».

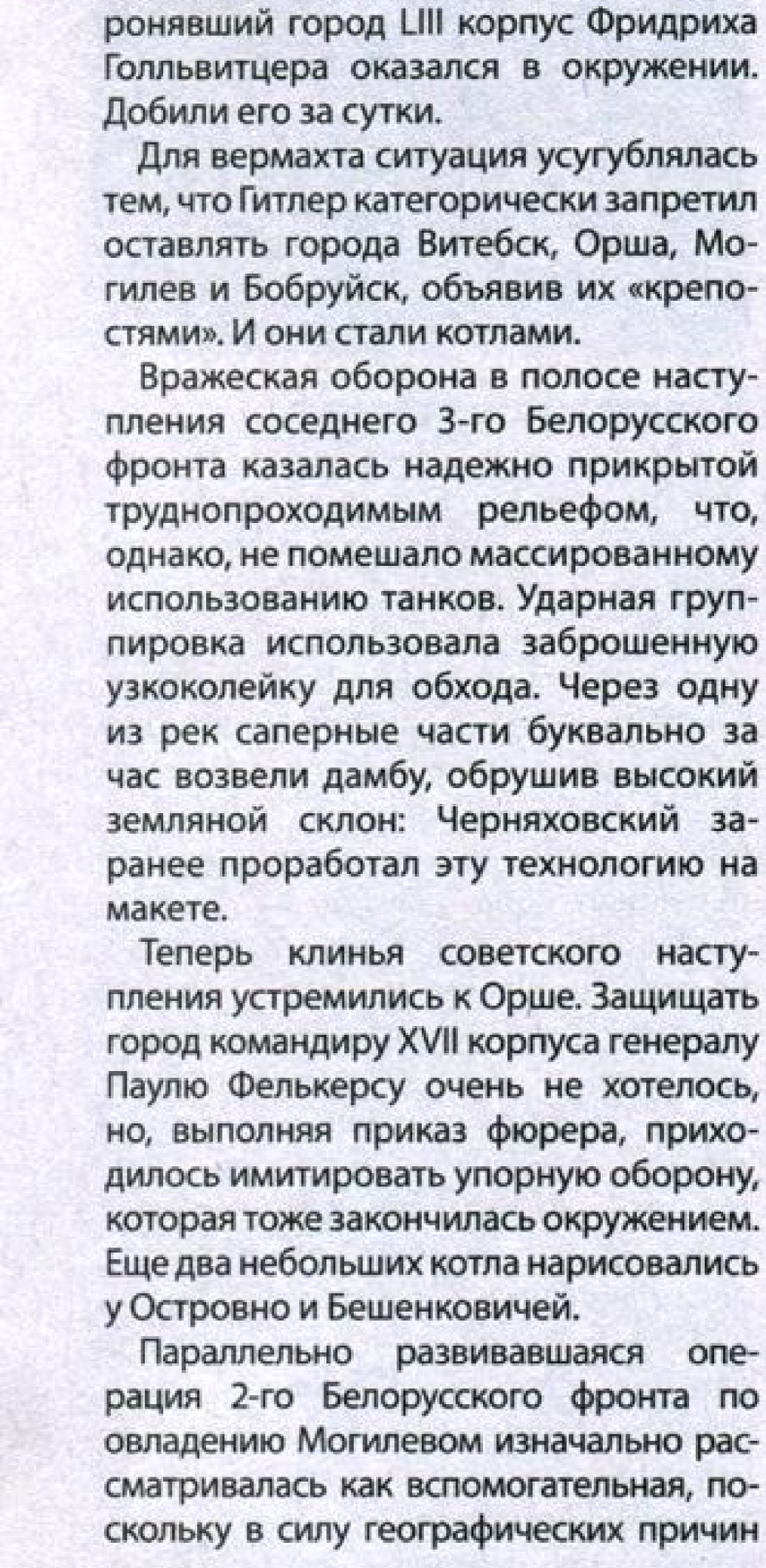
Хотя немцы смогли удержать позиции к югу от Витебска, на севере оборона рухнула, и уже 24 июня оборонявший город LIII корпус Фридриха Гольльвитцера оказался в окружении. Добили его за сутки.

Для вермахта ситуация усугублялась тем, что Гитлер категорически запретил оставлять города Витебск, Орша, Могилев и Бобруйск, объявив их «крепостями». И они стали котлами.

Вражеская оборона в полосе наступления соседнего 3-го Белорусского фронта казалась надежно прикрытой труднопроходимым рельефом, что, однако, не помешало массированному использованию танков. Ударная группировка использовала заброшенную узкоколейку для обхода. Через одну из рек саперные части буквально за час возвели дамбу, обрушив высокий земляной склон: Черняховский заранее проработал эту технологию на макете.

Теперь клинья советского наступления устремились к Орше. Защищать город командиру XVII корпуса генералу Паулю Фелькерсу очень не хотелось, но, выполняя приказ фюрера, приходилось имитировать упорную оборону, которая тоже закончилась окружением. Еще два небольших котла нарисовались у Островно и Бешенковичей.

Параллельно развивавшаяся операция 2-го Белорусского фронта по овладению Могилевом изначально рассматривалась как вспомогательная, поскольку в силу географических причин



Они все-таки промаршировали по Москве… Немецкие военнопленные проходят мимо Белорусского вокзала столицы

сводилась просто к выталкиванию противника.

К концу июня окруженные группировки были перемолоты, а те, кто сумел вырваться, в беспорядке отходили к Минску.

Рывок к Висле

Гитлер начал посылать подкрепления, питая надежду выстроить новую линию обороны от Вильнюса до Барановичей по старым, сохранившимся еще с Первой мировой войны окопам. Другая надежда связывалась с возможностью удержаться на Березине у Борисова – там же, где Наполеон одержал «победу», в которой потерял бóльшую часть Великой армии.

Но все эти планы оказались химерой из-за эффективно развивавшегося наступления 3-го Белорусского фронта у Бобруйска. Рокоссовский начал наступление 24 июня. После мощной артподготовки инженерные части проложили гати на участках, которые немцы считали труднопроходимыми, а господствующая в воздухе авиация сделала все, чтобы труду саперов никто не препятствовал. В результате уже за первые сутки вражеская оборона была прорвана. 29 июня пал Бобруйск, в окрестностях которого оказались в котле еще около 40 тысяч солдат вермахта. Затем войсками Рокоссовского была форсирована Березина и освобожден Минск (3 июля).

Если операция «Багратион» стала считаться «пятым сталинским ударом», то 13 июля последовал и «шестой» в виде Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского фронта Ивана Конева. Помимо овладения Прикарпатьем и Подкарпатьем, одна из главных его задач заключалась в том, чтобы помешать немцам перебрасывать войска в Белоруссию из Украины.

«Пожарник Гитлера» Вальтер Модель (еще 28 июня сменивший командующего группой армий «Центр» Буша) теперь думал только о том, чтобы удержать оборону хотя бы по Висле.

Разогнавшиеся войска Рокоссовского смогли захватить Люблин и два плацдарма на правом берегу, но в конце концов вынуждены были остановиться для подтягивания коммуникаций и отражения вражеских контрударов.

В Прибалтике 12 июля войска Черняховского взяли Вильнюс.

Части 1-го Прибалтийского фронта сумели прорваться к Балтийскому морю, в связи с чем Баграмян даже послал Сталину бутылку балтийской воды. Увы, но, когда посылку доставили в Кремль, немцы этот прорыв ликвидировали. Сталин отослал бутылку назад Баграмяну, попросив вылить воду обратно в Балтийское море…

Впрочем, верховный все равно был доволен. Операция «Багратион» оказалась самым эффектным из сталинских ударов.

© Дмитрий МИТЮРИН

УРОКИ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА

Ученик Суворова Петр Багратион считался мастером наступательного боя. Однако в июне-июле 1812 года он проявил себя с неожиданной для современников стороны, возглавив трудное отступление 2-й Западной армии перед превосходящими силами Наполеона по территории Белоруссии. Проведя серию блестящих сражений, он мастерски ускользнул из всех расставленных ему ловушек. Сталин хорошо знал историю тех событий, присвоив имя Багратиона операции по освобождению Белоруссии.

Начало войны. Битва за Москву. - Текст : непосредственный // Дошкольное воспитание. - 2020. - № 2. - С. 10-13.

Начало войны. Битва за Москву

22 июня 1941 г. иностранные захватчики вторглись на территорию СССР. Помимо Германии, в войне против нашей страны участвовали Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия, Словакия, Хорватия, добровольцы из Дании, Швеции, Голландии, Испании, Бельгии и Франции. За первые месяцы были оккупированы Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония и Молдавия. План «блицкрига» (молниеносной войны) под названием «Барбаросса» предполагал взятие Москвы в течение первых 10–12 недель после нападения на СССР. Если считать с 22 июня, то столица должна была быть взята в срок с 31 августа по 14 сентября.

Но легко подмявшая под себя почти всю Европу безжалостная машина Третьего рейха на нашей земле сразу начала давать сбои. Одни только бои под Смоленском (июль–сентябрь 1941 г.) сдерживали продвижение захватчиков к Москве два месяца.

Поэтому приказ о захвате Москвы был отдан фашистским войскам лишь 26 сентября (операция «Тайфун»). Их задачей было: окружить и уничтожить основные силы войск Красной Армии, прикрывавших столицу, а затем обойти Москву с севера и юга с целью ее захвата. **Период с сентября 1941 по апрель 1942 г. вошел в историю как «Битва за Москву»:** *оборонительный* (30 сентября – 4 декабря 1941 г.) и *наступательный* (контрнаступление 5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г. и наступление советских войск 7 января – 30 марта 1942 г.).

В октябре немцами были взяты Орел, Калуга, Можайск и другие города на пути к столице. Но Тулу Красная Армия и жители города отстояли.

Началась эвакуация из Москвы учреждений, заводов и населения. Ненадолго (16–17 октября) даже возникла паника и массовое бегство жителей из города. За первые две–три недели боев под Москвой Красная Армия лишилась до 1 млн человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. человек пленными.

Город бомбили начиная с 22 июля 1941 г. Пик налетов был в ноябре – 45 воздушных тревог за месяц. Но бомбежки не нанесли городу существенного урона: за полгода к столице прорвалось только 229 из 7146 самолетов врага. Небо защищали зенитчики и авиация. Горожане сбрасывали с крыш бомбы-«зажигалки».

Против фашистов поднялась сила, с которой им еще не приходилось сталкиваться. «Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя» (немецкий генерал Г. Блюментрит). Обороняли Москву не только войска (около 1,25 млн человек), орудия и минометы (более 10,5 тыс.). Тысячи москвичей добровольно записывались в народное ополчение, помогали саперам и строителям возводить фортификационные сооружения и линии обороны. Осу-

ществлялось минирование заводов, электростанций, мостов. В короткий срок город был застроен баррикадами и противотанковыми препятствиями.

На ночь москвичи спускались в метро, где с первых дней войны сотрудниками метрополитена были оборудованы туалеты, питьевые фонтанчики, лежаки, раскладные кровати, детям давали молоко в бутылочках и белый хлеб. На станциях работали магазины и парикмахерские, а на «Курской» – библиотека.

Библиотека на станции метро «Курская». Архивный фонд города Москвы

Людям оказывали санитарную и медицинскую помощь, даже принимали роды (за войну в метро родилось около 200 детей). Милиционеры следили за порядком.

Для детей проводили уроки и трудовые занятия: учили шить, рисовать, лепить, собирать модели. Взрослых поддерживали концертами и кинофильмами.

Многое в октябре 1941 г. зависело от бесперебойной работы транспорта. Железнодорожники под постоянными обстрелами и бомбежками противника восстанавливали пути, оперативно перебрасывали войска, боеприпасы и военную технику в указанные районы, внося огромный вклад в оборону Москвы.

Взять город оккупанты не смогли. За самый тяжелый для нас месяц – с конца октября до конца ноября – они, несмотря на все усилия, продвинулись к столице всего на 30 км.

На подступах к городу борьба шла насмерть. Оборона московских рубежей – это великий подвиг солдат, летчиков, танкистов, простых граждан – всех, для кого Москва стала не просто городом, а символом страны.

Москва осенью 1941 г.

Д. Лавриненко

Дмитрий Лавриненко, уроженец станицы Бесстрашной (Краснодарский край), за два с половиной месяца боев принял участие в 28 схватках и уничтожил 52 танка противника, став самым результативным танкистом Красной Армии за всю Великую Отечественную войну. 18 декабря 1941 г. на подступах к Волоколамску Лавриненко был убит осколком мины.

Подольские курсанты. Под Малоярославцем курсанты военных училищ из г. Подольска с 6 по 18 октября уничтожили около 5 тыс. немецких солдат и офицеров, подбили или вывели из строя около 100 танков. Из 3500 бойцов сводного курсантского полка выжил только каждый десятый. Подольские курсанты стояли насмерть и не оставили своих рубежей, пока не получили приказ к отступлению.

6 ноября 1941 г. И.В. Сталин объявил о провале германского «блицкрига» в России.

Военный парад. 7 ноября в Москве на Красной площади был проведен военный парад, который имел большое политическое значение – и для всего мира, и для жителей страны.

Вплоть до 4 декабря немцы еще пытались прорваться к столице. Но советское командование в ходе оборонительного этапа Московской битвы навязало противнику «войну на истощение». Германия оказалась перед неизбежностью затяжной войны с СССР. С конца октября по начало декабря 1941 г. удалось укрепить фронт и подтянуть из глубины страны свежие дивизии и вооружение с техникой.

5 декабря советские войска перешли в контрнаступление.

День начала контрнаступления советских войск – 5 декабря – отмечается в нашей стране как День воинской славы России.

Немецкие части буквально вгрызались в землю, пытаясь удержать каждый метр. Отступая, уничтожали и сжигали всё что можно. Оккупантов охватила паника – впервые за годы захватнических войн вермахта они вдруг осознали, что могут потерпеть поражение и быть уничтожены. В декабре 1941 г. рядовой немецкой армии в письме своей жене жаловался:

«Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань мне писать о шелке и резиновых ботиках, которые я обещал тебе привезти из Москвы. Пойми – я погибаю, я умру, я это чувствую...».

В результате контрнаступления и общего наступления немецкие войска были отброшены на 100–250 км. Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. Это была наша первая стратегическая победа над вермахтом.

Медаль «За оборону Москвы» (учреждена 1 мая 1944 г.; автор эскиза – художник Н.И. Москалев). Медалью награждались все участники обороны Москвы: военнослужащие и гражданские лица, а также партизаны Московской области и активные участники обороны города-героя Тулы. Всего награждено более 1 млн человек.

Диорама «Контрнаступление советских войск под Москвой в декабре 1941 г.» (фрагмент). Художник Е. Данилевский. Музей Победы, Москва

Битва за Москву

Но в мире есть вечная слава... : стихотворения о войне. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Текст : непосредственный // Литературная газета. - 2020. - 26 февр. - 3 марта (№ 9). - С. 29.

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Но в мире есть вечная слава...

И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют.
Лк. 19, 39–40

Времена меняются, но не меняется отношение Запада к России. Несбыточность на протяжении веков её покорения и порабощения с избытком возмещается мстительной ненавистью и клеветой на её историю, судьбу, народ. Когда-то Пётр Вяземский, участник Отечественной войны с Наполеоном, видя, как искажается историческая правда о событиях, свидетелем которых был он сам, заметил: «Талейран, хорошо знающий своих соотечественников, говорит: Ne vous y trompez pas: Les Fraucais ont etc a Moscou; mais gardez-vous bien de croire que les Russes soient jamais venus a Paris (Не ошибайтесь: французы были в Москве, но русские никогда не вступали в Париж). Другими словами, но в этом же смысле и духе писаны многие французские военные истории». Так в откровенной лжи были изобличены Талейран и его «цивилизованные» «лжесловесники» соплеменники.

Друг Вяземского, Пушкин, с ещё большей горечью и широтой, словно о сегодняшней ситуации говоря, показал всю глубину и непреодолимую метафизическую пропасть между расчётливо-циничным Западом и простодушно-жертвенной нашей родиной. «России определено было высокое предназначение... – писал Пушкин. – Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... А не Польшею, как ещё недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

Увы, так же пишется (вернее, переписывается) сегодня на Западе и у нас в стране история Второй мировой войны. Их корёжит от того, что для нашего народа это была «Священная война». Тогдашний СССР уже ставят на одну доску с гитлеровской Германией, а вклад советской армии в Победу, в разгром фашизма сознательно принижается, солдат-победителей иначе как оккупантами не называют. Но мы-то знаем, что переписыванием истории всегда занимаются захватчики (реальные или потенциальные), ибо чтобы изменить будущее народа, необходимо отнять у него прошлое...

И куда же тут опять без гонористой русофобской Польши! Вот её посол в Германии Анджей Пшилебский, словно на Рейхстаге героически расписался, заявив газете Märkische Oderzeitung (8 февраля), что не Советский Союз, а западные союзники внесли решающий вклад в окончание Второй мировой войны. Благо история, и отечественная литература в том числе, сохранили голоса реальных участников, современников тех событий, порою с точными датами, фронтовыми вёрстами, местами сражений, потерь. Не ведая, каким бесчестьем будут их награждать освобождённые ими страны, в своих строках они запечатлели невыдуманную честную правду.

Исторические фарисеи, а ныне невежественные и неблагодарные мелкие талейраны, хотели бы, чтобы свидетели, документы и факты стали небывшими, замолчали навеки. Но тогда «камни возопиют», как сказал Спаситель мира.

Геннадий Красников

Леонид Вышеславский
(1914–2002)

Дни

То курная лачута, то стены дворца,
изваянья мадонн и кресты без конца...
Колокольни. Землянки. Окопы...
Не в туристском плаще,
а в шинели бойца
прохожу я по землям Европы.
За свободу здесь каждый мой выстрел гремит,
и на красном шелку надо мною
зарубежного города имя горит,
ради жизни добытого с бою.
Древний Щецин зовёт нас
разливом огней
и Моравская кличет Острава...
Эти дни – оправдание жизни моей,
моего поколения слава.

Апрель 1945 года,
1-я гвардейская армия

Сергей Наровчатов
(1919–1981)

Дорога в Тчев

Я сегодня расскажу вам про дорогу
в Тчев,
Как на пыльном перёкрестке битых
три часа
Я стоял, ошеломлённый,
вовсе проглядев
Всё видавшие на свете синие глаза.

Вёл колонну итальянцев однорукий серб,
Под норвежским флагом фура
проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире
службы короля.

Шли цивильные поляки –
пёстрая толпа!
Шёл француз под руку с чешкой –
пара на большой!
Их вчера столкнула вместе
общая тропа,
Завтра снова их наделит разною
судьбой.

Шёл старик в опорках рваных,
сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим
на худой спине.
– Где батрачил ты? – спросил я. –
Где свой ищешь дом?
– Я профессор из Гааги, –
он ответил мне.

Шла девчонка. Платье – в клочья,
косы – как кудель...
«Вот, – подумал я, – красотка
с городского дна».
– Как вы хлеб свой добывали,
о мадемуазель? –
И актрисой из Брюсселя назвалась
она.

Шёл в диковинных отрепьях,
сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка, –
что за странный взгляд?
– Где ж ты родичей оставил,
расскажи, малец?
– Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы.
Что там толпы – тьмы! –
Всех языков и наречий,
всех земных племён.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами
новый Вавилон.

Николай Глазков
(1919–1979)

Про гвардейцев

И там и тут
По прутьям проволок колючих
Они пройдут
Как лучшие из лучших.

Любых высот
Достигнут, если надо,
И в дот, и в дзот
Швырнут они гранату!

Чтоб немцы наш народ не покорили,
Они сметут всех немцев, как лавина.
И если будут улицы в Берлине,
Они пройдут по улицам Берлина.
1943

* * *

Вечная слава героям
И фронтовое «прости».
Фронт не поможет второй им,
А мог бы им жизнь спасти.

Лучше в Америке климат
И дешевизнее быт;
Но мёртвые сраму не имут,
А вы отказались от битв.

Вы поступаете здраво,
Пряча фронты по тылам;
Но в мире есть вечная слава,
Она достаётся не вам.
1944

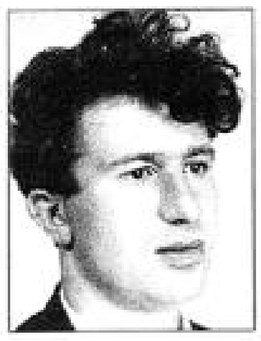
Василий Субботин
(1921–2015)

Эпилог

Курганы щебня, горы кирпича.
Архивов важных драная бумага.
Горит пятно простого кумача
Над обнажённым куполом Рейхстага.

Весь город будто кратера нутро.
Мы в нём пока как посреди арены.
Фамилиями нашими хитро
Испещрены задымленные стены.

А первый, освещённый флагом тем,
Сумел остаться неизвестным свету.
Как мужество, что мы явили всем, –
Ему ещё названья тоже нету.



Анатолий Брагин
(1935–2006)

* * *

Глебу Еремееву

В войну мне выдали бесплатно
Американское пальто,
Во всей округе, вероятно,
Такого не имел никто.
Неловко было к оборванцам,
К друзьям-приятелям моим,
Вдруг заявиться иностранцем
Или начальником каким.
Пальто и спереди и сзади –
Не веришь, мать мою спроси, –
Я до того отделал за день,
Что хоть тряпичнику неси!
За это мать со мной вожжами
Поговорила,
Но зато
Уж никого не обижало
Американское пальто.
1966

Михаил Шелехов
(1954)

Бронзовый сирота

Здесь армии прошли.
И отдымились вёрсты.
Не злится вороньё на санитаров строй.
Трава стоит – жива, где положили роты
Сто тысяч лет своих –
в песок земли чужой.

Холмы сырой земли черней
смертельной раны.
И водка для живых, как смерть сама,
крепка.
А земляничный дух невыбитой поляны
Амброзией летит к героям в облака.

Приняли русый чуб чужой песок и гравий.
В чужое небо взвод три залпа вбил,
как клин.
И поспешил вперёд,
как феникс многоглавый,
А на земле чужой остался русский сын.

Холмы земли свежей,
чем кровь геройской раны.
И прячется звезда в тени скорбящих лип.
Но птицы, что летят в апостольские
страны,
Садятся, чтобы взять щепоть святой
земли.

Тут русский спит герой.
Как сказочная птица.
Прибалтики герой, не нужный нынче ей.
Так плачь и не молчи, небесная станица!
И Богу говори про всех его детей.
1974

Павлюткина, Ирина. 1418 шагов по «Дороге Памяти» к храму Победы : продолжается сбор информации об участниках Великой Отечественной войны / И. Павлюткина. - Текст : непосредственный // Красная звезда. - 2020. - 24 янв. - С. 1-3.

им. Н.Н. Асеева

Мы храним тебя, Россия!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ПЯТНИЦА
24
ЯНВАРЬ
2020 г.
№ 7
(27 485)

Газета Вооружённых Сил Российской Федерации ● выходит с 1 января 1924 года ● www.redstar.ru, красная-звезда.рф

Они покоряют морскую пучину
стр. 7

Прошла неделя – подведём итоги
стр. 8

Стук шайб, звон медалей, свет улыбок
стр. 11

1418 шагов по «Дороге Памяти» к храму Победы

Продолжается сбор информации об участниках Великой Отечественной войны

Ирина ПАВЛЮТКИНА ★

В подмосковном Военно-патриотическом парке культуры и отдыха Вооружённых Сил Российской Федерации «Патриот» состоялось совместное заседание художественного и технического советов по возведению Главного храма Вооружённых Сил – храма Победы. На таких совещаниях всегда присутствуют представители Минобороны России, Русской православной церкви, художники, в том числе из Студии военных художников М.Б. Грекова.

На заседании шла речь и о продолжении сбора информации об участниках Великой Отечественной войны.

© ФОТО АЛЕКСЕЯ ЕРЕШКО

По периметру храма завершается строительство уникального мультимедийного музейного комплекса, галереи «Дорога Памяти», где будет увековечена память более чем о 33 миллионах героев, которые своими ратными подвигами приближали 9 мая 1945 года. Этот комплекс станет филиалом Центрального музея Вооружённых Сил. Его планируют открыть в день 75-летия Великой Победы, когда Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации распахнёт свои двери для первых прихожан.

На заседании министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу напомнил, что к юбилейным торжествам в парке «Патриот» в честь 75-летия Победы будет приковано внимание огромного числа людей не только в нашей стране, но и за её пределами. «Это возлагает на нас особую ответственность и требует от каждого полной самоотдачи. Важно решить все запланированные задачи и продумать перспективы развития филиала Центрального музея Вооружённых Сил», – сказал Сергей Шойгу. Он подчеркнул, что сбор информации об участниках Великой Отечественной войны после открытия галереи не будет закончен.

«Сбор информации мы продолжим и после 9 Мая, чтобы как можно больше людей могли узнать о героях войны и на «Дороге Памяти» не осталось белых пятен», – сказал глава военного ведомства.

Министр обороны напомнил, что 2020 год объявлен Годом памяти и славы и к 75-летию Победы приурочено открытие Главного храма ВС РФ – храма Великой Победы.

«Над его созданием трудились и трудятся всем миром. Большой вклад внесли строительные организации, творческие мастерские, предприятия оборонно-промышленного комплекса. Сотни тысяч наших соотечественников – от Президента России до рядового гражданина – перечислили средства в специально созданный для этого благотворительный фонд «Воскресение», – отметил Сергей Шойгу.

Все знают слова песни из фильма «Офицеры»: «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой. И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят...»

Именно эта сопричастность каждого гражданина к истории Великой Отечественной войны и Победе и положена в основу строительства храма Победы и галереи «Дорога Памяти».

«Все они – наши родные и близкие, фронтовики и труженики тыла изо дня в день самоотверженно приближали весну 1945 года.

→ на 2 стр.

ОФИЦИАЛЬНО

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О назначении на должность в Вооруженных Силах Российской Федерации

Назначить:

генерал-полковника Ленцова Александра Ивановича – советником Министра обороны Российской Федерации, освободив его от занимаемой должности;

генерал-лейтенанта Матовникова Александра Анатольевича – заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками, освободив его от занимаемой должности.

Президент
Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль
22 января 2020 года № 53

МИНОБОРОНЫ СООБЩАЕТ

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЗВО ПРОВЕРИЛ ХОД СТРОИТЕЛЬСТВА ВОЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ВОРОНЕЖСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Генерал-полковник Александр Журавлёв совершил рабочую поездку в соединения и части общевойсковой армии, дислоцированные в Воронежской и Белгородской областях, где проверил ход капитального строительства объектов военной и социальной инфраструктуры.

В Вислинской мотострелковой дивизии (н.п. Валуйки, Белгородская область) командующий войсками осмотрел построенный жилой городок нового модульного типа, общежитие для военнослужащих по контракту, проверил ход строительства жилых домов служебного фонда, казарм, столовых и воинского храма.

В Богучарском гарнизоне (Воронежская область) командующий проинспектировал ход реконструкции военного городка, инженерных коммуникаций для обеспечения новой столовой, рассчитанной на 3500 военнослужащих.

Кроме того, генерал-полковник Александр Журавлёв заслушал командиров воинских частей о ходе перевооружения на новые и модернизированные образцы вооружения и военной техники, комплектова-

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
24 января 2020 № 7

СИМВОЛИЧНО

1418 шагов по «Дороге Памяти»

С 1 стр. →

Рассказать о них – значит обессмертить их имена, сохранить историю своей семьи, нашей многонациональной Родины», – уверен глава военного ведомства.

Для этого потребуется внести

в форму на сайте Минобороны России – www.doroga.mil.ru – хотя бы минимальный набор данных: фамилию, имя, отчество, год и точную дату рождения, фотографию в оцифрованном виде участника Великой Отечественной войны. Просьба указывать по возможности и место рождения, дату и место призыва в ряды Красной Армии, дату гибели (смерти), сведения об известных и возможных наградах.

Вся эта информация будет привязана к той, что уже в основном имеется в базах данных Минобороны России. Таким образом, можно дополнить какими-то неизвестными сведениями семейный архив о близком человеке.

После того как будет произведена сверка данных и объединение всей имеющейся информации, в адрес отправителя будет направлено письмо со ссылкой на сведённую запись со всеми прикреплёнными к ней документами.

При отсутствии доступа к сети интернет сведения об участнике войны также можно направить через ближайший военный комиссариат или по почтовому адресу: 119160 Москва, Большой Знаменский пер., д. 8/1 с пометкой «Дорога Памяти». Консультативную поддержку участников проекта по вопросам направления сведений через военные комиссариаты или почтой можно будет получить по телефонам: 8 (495) 696-71-32, 8 (495) 696-71-36.

Пункт сбора фотографий и информации, которые будут храниться в мультимедийном комплексе «Дорога Памяти», уже есть в парке «Патриот». Недавно он открыт и в Центральном музее ВС РФ. К этому важному делу намечено подключить и все учреждения культуры военного ведомства, в том числе Центральный академический театр Российской Армии.

К нынешнему дню банк данных музея «Дорога Памяти» содержит не менее 15 миллионов фотографий героев вместе с информацией о них.

Надо сказать, что в галерее будет собрана земля со всех воинских захоронений времён Великой Отечественной войны в России и за рубежом. По словам министра обороны, мемориальный комплекс даст возможность людям, чьи родственники пропали без вести, и людям, которым неизвестно место захоронения погибших на войне родных, помянуть их здесь, возложить цветы, зажечь свечи.

В Центральный музей Вооружённых Сил для Минобороны России уже передана земля с братских могил воинов Красной Армии из 18 государств для последующего её размещения в музее «Дорога Памяти»: Австрии, Азербайджана, Испании, Италии, Китая, Литвы, Молдавии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Румынии, Сербии, Словении, Таджикистана, Швеции, Финляндии, Хорватии, Японии.

Всего планируется доставить в Россию землю из более чем 40 стран. В настоящее время торжественные церемонии по изъятию земли с мест захоронений воинов прошли уже в 30 государствах мира. Землю также собрали с более чем 15 тысяч мест захоронений на территории России.

Таким образом, мультимедийный музей «Дорога Памяти» на территории Главного храма Вооружённых Сил Российской Федерации станет местом постоянной дислокации «Бессмертного полка».

Как рассказал главный архитектор и автор проекта Главного храма Вооружённых Сил, мультимедийного музейного комплекса «Дорога Памяти» Дмитрий Смирнов, инициатор масштабного строительства этого уникального центра духовного и военно-патриотического воспитания, министр обороны генерал армии Сергей Шойгу сразу поставил перед ним задачу – показать символичность его возведения. Добиться чтобы всё архитектурное решение, всё его внешнее и внутреннее убранство были связаны с памятью о Великой Отечественной войне. Если говорить о музее, то длина комплекса «Дорога Памяти» составляет ровно 1418 шагов – по числу дней войны. По ней посетители пройдут с её начала в 1941 году до победного мая 1945 года. Основой музея станут фотографии, которые, меняясь, будут словно бы плыть вдоль единой стены галереи. В ней разместят материалы и экспонаты из фондов Центрального музея Вооружённых Сил, а также переданные родственниками героев. Они покажут самые трагичные и знаковые моменты войны, в том числе оборону Ленинграда, Сталинградскую и Курскую битвы.

ФОТО АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА, ТРК «ЗВЕЗДА»

В ходе заседания министр обороны РФ Сергей Шойгу предложил подумать и над созданием на территории храма архитектурных композиций в честь участников различных войн и вооружённых конфликтов. Таким образом, будет увековечена память всех героев, кто защищал интересы Отечества во все времена.

Глава военного ведомства подчеркнул, что возможность поклониться героям появится и у родственников участников других войн.

«Мы должны чтить память о наших согражданах, погибших в различных войнах и вооружённых конфликтах – в Афганистане, Корее, Вьетнаме, Анголе», – сказал глава военного ведомства.

Он поручил коллективу, который занимается галереей «Дорога Памяти», проработать этот вопрос так, чтобы задуманное органично вписалось в уже созданный храмовый комплекс. В правильности идеи установки соответствующего памятника или архитектурной композиции убеждён и патриарший наместник Московской епархии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. По его словам, к памятникам погибшим воинам люди будут возлагать цветы, у них будет возможность совершать заупокойную молитву по близкому человеку.

Надо сказать, что перед заседанием художественного и технического советов по возведению Главного храма Вооружённых Сил – храма Победы министр обороны генерал армии Сергей Шойгу и патриарший наместник Московской епархии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий вместе с членами советов осмотрели строящийся храм. Позже Ювеналий передал главе военного ведомства приветствие и добрые пожелания Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

«Сегодня мы внимательно посмотрели все работы, уже проделанные в храме. И я увидел, насколько всё до деталей продумано Сергеем Кужугетовичем и как всё чётко продолжается под его руководством», – отметил митрополит.

Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации будет символизировать духовность российского воинства, поднимающего меч только ради борьбы за правое дело. И надо подчеркнуть, что это истинно народный храм-памятник, который строится на добровольные пожертвования. Важно, что он станет именно духовным символом Победы. Вся его архитектура, практически каждая деталь внешнего и внутреннего убранства призваны отражать основные символы Победы 1945 года.

Например, православный крест диаметром 22 метра 43 сантиметра, установленный на главном куполе. Своими параметрами он напоминает о том, что 8 мая 1945 года в 22 часа 43 минуты был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Сам купол установлен на восьмигранном барабане диаметром 19 метров 45 сантиметров.

В состав сплава чугунных плит крылец, которые уже уложены и ведут в храм, включён металл из переплавленного оружия вермахта.

Площадь мозаики в интерьере

К храму Победы

Площадь мозаики в интерьере верхнего храма составляет 2644 квадратных метра — по числу полных кавалеров ордена Славы

верхнего храма 2644 квадратных метра – по числу полных кавалеров ордена Славы.

Инкрустация из 431 драгоценного и полудрагоценного камня в иконостасе тоже знакова по числу. Столько стрелковых дивизий числилось в Красной Армии к окончанию Великой Отечественной войны.

Площадь витражей на сводах верхнего храма составляет 1418 квадратных метров – по числу дней и ночей Великой Отечественной войны. Эта же цифра заложена в высоте малых куполов.

Высота звонницы – 75 метров, это годовщина Победы, к которой намечено возвести собор.

Символична и цифра высоты всего храма: 96 метров. В 960 году родился святой равноапостольный великий князь Владимир, святитель земли Русской, в честь которого будет освящён нижний храм. В нём будут проходить православные обряды крещения и венчания. Символично, что военные строители сдали храм к православному празднику Крещение Господне.

Нижний храм особенный и в том смысле, что он создан по старинным технологиям из керамики и фарфора, покрытых перламутром и золотом. Их основные цвета белый и синий, как принято в традиционном русском стиле гжель. Изразцы проходили многоступенчатую подготовку, их обжигали более пяти раз в специальных печах. Живописные панно и сводчатые потолки выполнены в мозаике с сюжетами на тему крещения. Сейчас в алтаре идёт доработка уникальной настенной иконы шириной семь метров с изображением евхаристии, фоны и нимбы которой выполнены в золочёном металле. Интересно, что помещение крестильни впервые в мире выполнено полностью из фарфора. Это уникальная купель для взрослых и малая купель для младенцев.

Надо отметить, что при возведении храма символичны и многие внешние факторы. Даже нынешняя тёплая зима способствовала работе военных строителей.

На сегодняшний день можно говорить о том, что уже завершены все монолитные работы, основные строительно-монтажные работы непосредственно в храме, включая прокладку инженерных систем. О сложности этой важной составляющей в строительстве говорит то, что только отопительных систем в храме четыре. Установлена и общеобменная подача воздуха: летом – холодного, зимой – горячего.

Полностью возведена основная конструкция храма, в том числе стен внешнего и внутреннего контуров. Утеплён внешний контур.

Сейчас ведутся работы по установке панелей фасада, внешних панно, то есть художественная отделка храма с внешней стороны. Полным ходом идёт монтаж элементов внутреннего убранства и его черновая отделка. Это важный элемент, потому что стены по-разному готовятся под роспись, под фрески и под мозаичное покрытие.

В день проведения заседания советов главный настоятель храма Победы владыка Стефан провёл чин освящения главного купола собора в присутствии патриаршего наместника Московской епархии митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия и министра обороны генерала армии Сергея Шойгу.

Церемония состоялась на высоте 65 метров, куда её участники поднялись на лифте, установленном среди строительных лесов. Это было необходимо, потому что со свода главного купола уже смотрит на входящих в храм лик Спаса Нерукотворного. Это центральное мозаичное панно храма создано в одной из мастерских народного художника России Василия Нестеренко – главного художника возводимого собора. Такое изображение образа Спаса Нерукотворного – древнейшее из канонических изображений Христа, которое, как считается, появилось на Руси уже в IX веке.

Вся архитектура собора, практически каждая деталь внешнего и внутреннего убранства призваны отражать основные символы Победы 1945 года

Этот образ с давних времён связан с покровительством русскому воинству.

Мозаичное панно имеет диаметр 16,5 метра, это самое масштабное изображение образа Спаса Нерукотворного в истории православия. Его общая площадь – 300 квадратных метров.

Работа над образом была сложнейшей. Сначала выполнили эскиз в необходимом масштабе. Затем техническими специалистами была разработана компьютерная модель купола, на него перенесли изображение эскиза с разными вариантами развёртки поверхности изображения. После выбора одного из них с Василием Нестеренко было согласовано оптимальное соотношение фонового пространства, обрамляющего образ, к самому изображению Спасителя. Здесь особенно важно учитывать размещение образа именно в купольном пространстве. Если делать изображение меньше, то искажение минимально, если же его растягивать на весь купол, то лик образа искажается больше и с разных точек храма хуже просматривается. Далее с художниками-мозаичистами были разработаны и согласованы размер и принцип деления всего мозаичного панно на монтажные сегменты (деление изображения на куски, которые позволят монтировать его в куполе на объекте). Следующий этап – нанесение изображения высокого качества на специальные картоны в масштабе 1:1, из которых складывается вся композиция, их разметка и маркировка. И только потом на специальную сетку, на клей – особый латексный раствор, состоящий из двух компонентов, крепятся кусочки смальты. Образ Спаса Нерукотворного составили многие тысячи кубиков цветного стекла и запечённого между стеклянными пластинами сусального золота. Такая смальта вечная. Кстати, только золотой смальтой, из которой состоят нимб и пространство вокруг образа, так называемая юбка, покрыто 200 квадратных метров. Вес квадратного метра мозаики – в среднем 15–17 килограммов, правда, масса золотого покрытия меньше – около 10 килограммов.

В день освящения «Спаса Нерукотворного» продолжался монтаж витражей с изображением военных орденов, которые создавались в Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки.

Напомним, что весной 2019 года уже состоялся чин освящения и Главной иконы Вооружённых Сил «Спас Нерукотворный». Это было историческое событие для нашей страны, такой иконы в армии и на флоте России никогда не было. Икона станет душой Главного храма Вооружённых Сил и всего российского воинства. На освящении образа Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, которое было совершено сразу после пасхального богослужения в храме Христа Спасителя, присутствовали Президент России Владимир Путин, министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу и мэр Москвы Сергей Собянин.

Икона с образом Спаса Нерукотворного всегда была самой почитаемой среди верующих христиан. До Петра I в русской армии специальную геральдическую символику и воинские знамёна заменяли именно иконы. Русские войска сражались под стягом Спаса Нерукотворного. Икона укреплялась на древке и становилась воинской хоругвью. Образ этот вышивали золотом и на воинских стягах, помещали над вратами крепостей. В этом образе народ всегда видел своего защитника и спасителя.

И практически сразу после освящения икона начала свой путь по стране. В течение этого времени икону «Спас Нерукотворный» увидели во многих соединениях и частях Российской армии, её провезли по храмам Русской православной церкви, чтобы святыне могли поклониться не только военнослужащие, но и православные верующие в разных уголках нашего Отечества.

Отметим, что Главная икона Вооружённых Сил вместе с киотом, в котором она размещается, создана на личные средства Президента России Владимира Путина.

Образ помещён в позолоченный складень размерами в раскрытом виде 300 на 250 на 70 см, в сложенном виде – 300 на 136 на 70 см и массой около 100 килограммов. Сама икона без складня имеет размеры около 98 на 84 на 10 см. Створки складня выполнены с элементами серебряных вставок и вкраплениями полудрагоценных камней. В навершии помещён образ архангела Михаила – предводителя воинства небесного, внизу – мощевик, который обычно размещается в таком киоте для иконы. Слева и справа – Владимирская, Смоленская, Тихвинская и Казанская иконы Божией Матери, образы которых в разное время отечественной истории помогали выстоять в борьбе с врагами.

Напомним, что возведение Главного храма Вооружённых Сил РФ осуществляется на добровольные пожертвования всех неравнодушных граждан и организаций.

Как рассказал генеральный директор благотворительного фонда «Воскресение» Александр Каньшин, средства порой вносятся целыми коллективами, а их уже более 600. Активно используется сервис СМС-переводов. На сегодняшний день на строительство храма Победы средства перечислили только поимённо более 85 тысяч человек. Кроме этого, многие организации вносили свою лепту строительными материалами и необходимой при строительстве техникой. Следовательно, цифра жертвователей исчисляется на сегодняшний день сотнями тысяч человек.

Фото Алексея ЕРЕШКО

ПОЧИН

Храм как символ единения России и армии

Продолжается сбор пожертвований на строительство Главного военного храма Воскресения Христова в ознаменование 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне

На сегодняшний день на строительство Главного военного храма Воскресения Христова перечислено 3 011 970 559,48 рубля

ВНЕСТИ ПОЖЕРТВОВАНИЕ (ПЕРЕВОДОМ НА РАСЧЁТНЫЙ СЧЁТ)
Получатель платежа БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ВОСКРЕСЕНИЕ»
ИНН 7704459700, КПП 770401001
РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ СРЕДСТВ

Реквизиты счёта в ПАО «ВТБ»
Наименование кредитной организации:
Банк ВТБ (публичное акционерное общество)
Расчётный счёт: 40701810503800000108
БИК: 044525187
КОРР. СЧЁТ:30101810700000000187
КОД ОКПО: 00032520
ИНН: 7702070139
КПП: 770943001
ОГРН: 1027739609391

Реквизиты счёта в АО «Промсвязьбанк»
Наименование кредитной организации:
«Промсвязьбанк» (Акционерное общество)
Расчётный счёт: 40701810000000001414
БИК: 044525555
КОРР. СЧЁТ: 30101810400000000555 в ГУ Банка России по ЦФО
КОД ОКПО: 40148343
ИНН: 7744000912
КПП: 772201001
ОГРН: 1027739019142

Реквизиты счёта в АО «Газпромбанк»
Наименование кредитной организации:
«Газпромбанк» (Акционерное общество)
Расчётный счёт: 40703810400000000189
БИК: 044525823
КОРР. СЧЁТ: 30101810200000000823
КОД ОКПО: 09807684
ИНН: 7744001497
КПП: 772801001
КПП: 997950001 (для использования в счетах-фактурах)
ОГРН: 1027700167110

Реквизиты счёта в ПАО «Сбербанк»
Наименование кредитной организации:
ПАО «СБЕРБАНК»
Расчётный счёт: 40703810438000010095
БИК: 044525225
КОРР. СЧЁТ: 30101810400000000225
КОД ОКПО: 00032537
ИНН: 7707083893
КПП: 773601001
ОГРН: 1027700132195

Внести пожертвование на строительство Главного храма Вооружённых Сил в онлайн-режиме можно с помощью платёжных интернет-систем

На сайте благотворительного фонда «Воскресение» подключена система электронных интернет-платежей, с помощью которых теперь в онлайн-режиме можно перечислить пожертвования на строительство Главного храма Вооружённых Сил. Платежи могут осуществляться как физическими, так и юридическими лицами всеми самыми распространёнными способами оплаты с помощью электронных онлайн-инструментов.

Физическим лицам на сайте благотворительного фонда «Воскресение» перечислить средства можно переводом с банковской карты, средствами электронных платёжных систем Яндекс.Деньги, WebMoney и Сбербанк-онлайн, внесением наличных средств через сети терминалов магазинов «Связной» и «Евросеть».

Также перечислить средства можно через сервис СМС-платежей. Отправьте сообщение на короткий номер 3443 со словом «АРМИЯ» и сумму пожертвования через пробел. Например: АРМИЯ 100

Для юридических лиц, кроме того, существует возможность заключения договора на благотворительную деятельность.

Последний бой генерала Ватутина / подгот. И. Рыбин. - Текст : непосредственный // Культура. - 2019. - № 15 (19-25 апр.). - С. 7.

Последний бой генерала Ватутина

Совсем недавно бандеровские последыши осквернили бюст Николая Ватутина в Черниговской области. Один из самых талантливых советских полководцев, выдвинутых войной, на Украине внесен в список лиц, виновных в организации «голодомора» и репрессий, что, конечно же, является полнейшей чушью. Ватутин форсировал Днепр и освобождал Киев — вот в чем правда... Генерал армии скончался в госпитале 15 апреля 1944 года. Обстоятельства ранения и смерти военачальника до сих пор туманны, а первые слухи о том, что «дело нечисто», поползли еще тогда — в годы Великой Отечественной.

Николай Ватутин

Гибель генерала армии, причем того, которому уже прочили маршальское звание, событие чрезвычайное. Начиная с июня 41-го подобных случаев у нас было всего три. Но лишь один — столь неоднозначный. Ивана Черняховского, равно как и Иосифа Апанасенко, скосил случайный осколок — на войне гибнут не только солдаты.

На Огненной дуге

Опытнейший штабист, человек с отличным образованием и безупречной биографией, неконфликтный и при этом не состоящий в каких-либо фракциях внутри армейской верхушки. Довольно любопытна характеристика, данная Ватутину Георгием Жуковым в своих воспоминаниях. Николай Федорович, по мнению Маршала Победы, был «высоко эрудированным и мужественным военачальником», «отличался исключительным трудолюбием и широтой стратегического мышления», «обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк», а «чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно».

С первых дней гитлеровского нашествия и до мая 1942-го Ватутин оставался начальником штаба Северо-Западного фронта, задачей которого являлась оборона Ленинграда. Город трех революций удалось удержать в том числе благодаря грамотному оперативному планированию, умелому распределению сил, их своевременной и быстрой перегруппировке.

Летом 42-го Николаю Федоровичу дали в подчинение Воронежский фронт. В тяжелейших кровопролитных боях (в городе осталось одно целое здание!) Воронеж отстояли. Заслуги Ватутина оценили, повысив в звании до генерал-полковника. Еще через два месяца ему присвоили чин генерала армии — наш герой был среди творцов великого разгрома гитлеровцев под Сталинградом.

Затем пришел черед Курской дуги. В этом сражении самым заметным эпизодом считается танковый бой под Прохоровкой. Но ключевыми для всей битвы стали противостояния на флангах, одним из которых командовал Ватутин.

— Если проштудировать хронику, а журналы боевых действий нынче доступны, их можно почитать, увидим, что у Николая Федоровича заместителя не оказалось, а своего начальника штаба генерала Семена Иванова он вынужден был направить в помощь командующему 69-й армией. В итоге Ватутин и анализировал ситуацию, и управлял войсками, через него проходил весь обмен информацией — настоящий человек-оркестр, — отмечает историк Валерий Замулин.

Высокие потери при обороне и контрнаступлении, в том числе на соседних участках, тем не менее отчего-то попытались свалить на Ватутина. Грамотный штабист легко отбил атаки недоброжелателей. В ходе расследования — из Москвы на фронт уже в середине июля прилетела комиссия во главе с Георгием Маленковым — вины генерала армии найдено не было. Напротив, отличившемуся полководцу поручили важнейшую миссию — подготовку освобождения Украины, прежде всего Киева, что, по мнению Сталина, должно было принести крупный пропагандистский эффект.

— Генсек очень ценил Николая Ватутина, еще более укрепившего свой авторитет после Курской дуги. Генерал грамотно воевал, подтягивал и продвигал таких же одаренных профессионалов, например, Ивана Черняховского, — рассказывает историк, полковник запаса КГБ Арсен Мартиросян.

— По итогам Курской битвы никаких претензий, кроме голословных, к Ватутину быть не могло. Своими дивизиями он распорядился наилучшим образом, особенно с учетом тех кадровых проблем, что ему постоянно приходилось закрывать. Вопросы накопились к тем, кто контролировал танковые корпуса, бывшие в резерве Ставки. То есть в первую очередь — к маршалу Александру Василевскому. Впрочем, противопоставлять его и Ватутина тоже нельзя — они были в отличных отношениях, дружили, — объясняет Валерий Замулин.

Где искать «крота»?

Обстоятельства ранения, ставшего причиной смерти генерала, изучены плохо. Некоторые детали порой противоречат друг другу. О чем историки не спорят, так это о дате — покушение произошло 29 февраля 1944 года в районе города Ровно, когда Николай Ватутин, сопровождаемый взводом охраны, совершал поездку по тылам 13-й армии. Маршрут окончательно утвердили незадолго до отправления, более того, предпринимались даже меры дезинформации противника — опасались целенаправленного налета штурмовиков люфтваффе. Однако на кортеж напала пехота, примерно две сотни человек. Согласно официальной версии, это были украинские националисты. Правда, некоторые источники говорят о немецкой части, пробивавшейся к своим. Тем не менее ясно одно: генерала ждали — нападение произошло из засады.

— Враги знали, где именно и во сколько он поедет. И это не похоже на бандеровцев, такая версия лишена логики. Идет наступление, Красная армия успешно движется вперед, у фашистских прихвостней, коллаборационистов и карателей, одна задача — унести ноги. Они не станут набрасываться на хорошо вооруженный, пусть и малочисленный, генеральский кортеж. Вот обоз какой-нибудь пограбить могут, еда и боеприпасы им нужны, да и охрана там невеликая. И, судя по архивным документам, именно такой инцидент произошел тогда где-то рядом, — вспоминает Арсен Мартиросян.

Дело о гибели Николая Ватутина засекречено и поныне. Точнее, оба дела, впоследствии объединенные в одно: по нападению на кортеж и по факту смерти в госпитале.

История с лечением, действительно, крайне неоднозначная. До середины апреля генерала пытались выходить в освобожденном Киеве. Подробности и здесь почему-то неизвестны, нет даже ответа на вопрос, делали ли полководцу операцию? Пуля пробила бедро и раздробила кость, существовала опасность гангрены, рассматривался вариант ампутации конечности. В этом случае врачи гарантировали жизнь, но данное решение почему-то не вынесли.

Сейчас принято кивать на Никиту Хрущева. Дескать, он настоял, чтобы Ватутина не эвакуировали в Москву, и намекнул, что пациента следует «залечить». Насчет первого — да, все верно. Второе — не доказано. Аргументация обширная, но в целом не особо внятная. Начиная от провалов Никиты Сергеевича на Курской дуге и заканчивая политикой. Например, желанием «кукурузника» выступить в роли единоличного освободителя Украины. Хрущев, действительно, был «политическим заместителем» Ватутина в ходе Курской стратегической оборонительной операции, но выступал статистом. Толкал речи перед бойцами и командирами — «работал лицом». В армейские дела глубоко не лез, как-либо напортачить просто не имел возможности.

Если же все-таки рассматривать «теорию заговора», то есть принять за рабочую версию, что Ватутина устранили, то заказчиков, скорее, стоит искать среди тех, кому он перешел дорогу своими полководческими талантами. Но каковы бы ни были домыслы, кортеж попал в засаду, а значит, где-то в расположении наших засел и «крот». В этом историки солидарны.

— Я общался с внуком Ватутина. Он уверен, что деда сперва подставили под пули, а потом «залечили». В их семье эта версия, больше похожая на легенду, передается из поколения в поколение. Грешат на Хрущева, но с доказательствами туго. К тому же такие люди, как Ватутин, являлись «штучным товаром» — их ценили. Состряпать фиктивный донос, обвинив, к примеру, в связях с иностранной разведкой — это одно, но никто бы не решился на убийство героя, просто опасаясь гнева вождя, — рассуждает Валерий Замулин.

Впрочем, если действовать чужими руками, то гнева можно избежать. Списав все на недосмотр контрразведки. Органы СМЕРШ, мол, проглядели шпиона в штабе 13-й армии, который и навел на генерала команду вражеских ликвидаторов.

Шпиона, судя по всему, действительно проглядели. Диверсанты напали на кортеж, завязался бой. Однако остаются и иные вопросы. Ранение было не смертельным, а врачи, лечившие генерала армии, — опытными. Но кто-то вдруг наложил на начавшую подживать рану мазь Вишневского. Возник сепсис, от которого Николай Ватутин и скончался.

Случайные осколки

История Великой Отечественной войны даже спустя 74 года полна тайн, это касается и судьбы прославленных полководцев, не доживших до Победы. Но загадку нередко придумывают и на пустом месте, ради сенсации.

Генерал армии Иосиф Апанасенко погиб от разрыва снаряда в августе 1943 года. Военачальник известен тем, что осенью 1941-го матерно обругал Сталина. Для защиты Москвы с тихоокеанского побережья планировалось снять часть тяжелых орудий, и Апанасенко вспылил. «А если японец нападет, чем буду защищать Дальний Восток? Этими лампасами?! Снимай с должности, расстреливай, орудий не отдам!» — орал герой Гражданской. Вождь, что с ним случалось довольно редко, уступил.

Конспирологи любят преподносить гибель генерала армии как месть Сталина, ничем такое допущение не подкрепляя. Несмотря на свой подчеркнуто грубый стиль поведения, Апанасенко в Кремле был на хорошем счету. Признавался авторитетным, грамотным и деятельным командиром. Да и в 80-х, когда большинство советских военачальников вымарали в грязи, на Апанасенко так ничего и не накопали. Воевал честно, командовал умело, был отличным организатором, погиб...

«Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого», — такие воспоминания о генерале Иване Черняховском оставил маршал Константин Рокоссовский.

Ивана Даниловича — без пяти минут маршала и, возможно, одного из будущих руководителей СССР — настиг под Кенигсбергом осколок снаряда. Полководец передвигался на машине вдоль передовой, немцы заметили и дали прицельный выстрел. Никто, кроме генерала, не пострадал. В армии был негласно объявлен траур: Черняховского любили, Сталин считал его самым способным из представителей новой военной школы.

— Глупо искать второе дно в каждом случае. Война выбирает жертв, невзирая на звания, — и не случайно генералов у нас погибло более четырех сотен. Загадки действительно встречаются, но раздувать из них скандалы не стоит, — предостерегает Арсен Мартиросян.

Отдельные факты действительно наводят на размышления. Так, в конце войны охрана Константина Рокоссовского получила из Ставки приказ стрелять во всех, кто покажется подозрительным. Об этом вспоминал шофер маршала Жукова Александр Бучин. Он же свидетельствовал, что резко усилили «личку» и самому Георгию Константиновичу. Немудрено, если учесть, что в последние месяцы войны Гитлер грезил созданием различных деморализующих противника факторов, таких, как пресловутое «оружие возмездия». В том же списке находилось и точечное устранение высших чинов Красной армии. Кроме того, Ставка уже начала опасаться козней англо-американских союзников. И не беспочвенно: как стало известно из рассекреченных лишь на исходе XX века документов, уже ранней весной 1945-го Черчилль приказал подготовить операцию по силовому выдавливанию советских войск из Польши и Восточной Германии, получившую кодовое название «Немыслимое».

Освобождение Киева от фашистских захватчиков. Взорванный Крещатик. Ноябрь 1943 года

«Расскажите мне о войне» : Артем Драбкин собрал более 3 тысяч воспоминаний фронтовиков / С. Осипов. - Текст : непосредственный // Аргументы и факты. - 2020. - 29 янв. - 4 февр. - С. 17 : фот.

«РАССКАЖИТЕ МНЕ О ВОЙНЕ»

Артём Драбкин собрал более 3 тыс. воспоминаний фронтовиков

ПАМЯТЬ

КТО РАЗБИРАЕТСЯ В СОБЫТИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ?

Конечно же, ветераны. Но они могут сказать только за свой участок фронта. Ещё военные историки, но они в основном работают с документами. ***Москвич Артём ДРАБКИН*** *соединил знания тех и других и, главное, принёс их в массы. Уже 20 лет он говорит с фронтовиками и возглавляет интернет-проект «Я помню».*

КАК ЗАДАТЬ ВОПРОС?

— Как вас посетила мысль — посвятить жизнь сбору, обработке и публикации воспоминаний участников войны?

— В 2000 г. я работал в одном из бельгийских университетов, занимался молекулярной биологией. К этому времени фундаментальная наука перестала меня интересовать, а вот интерес к Великой Отечественной войне присутствовал с детства. В доме всегда было много фронтовиков, друзей отца. Он сам в июле 1941 г. из института ушёл добровольцем на фронт, быстро поднялся от рядового до командира взвода, однако 2 октября был тяжело ранен. С одной стороны, повезло — не попал в окружение под Вязьмой, с другой — ранение было тяжёлое, начался перитонит. По семейной легенде, его взялись оперировать два хирурга без наркоза, привязав к операционному столу. Операция прошла удачно. После долгого скитания по госпиталям он попал в Авиацию дальнего действия. Для отцовского поколения война была центром всей жизни, разговоры о ней шли часто. Я хоть и мало что понимал, но слушал их с любопытством. Так вот: 20 лет назад я приехал домой в отпуск (отец к тому времени уже умер), пришёл к его друзьям и попросил: «Расскажите мне о войне».

— В СССР этим к каждому 9 Мая занимались все газеты...

— Разумеется, я был не первым, кто начал записывать воспоминания ветеранов. Ещё в 1941-м была создана Комиссия Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны под руководством академика Минца. Сергей Смирнов опрашивал фронтовиков для написания «Брестской крепости», потом Константин Симонов, Светлана Алексиевич... Когда я только начинал работу, историк Елена Сенявская передала мне вопросы Симонова, которые он задавал всем фронтовикам. Примерно через 3 года работы я получил ответы на все интересовавшие меня технические вопросы и понял, что Симонов в отличие от меня знал, что такое война, поэтому его интересовало, как жил и что чувствовал боец и командир. Самая ценная информация, которую можно получить от человека, — его личные переживания. Вот тогда я по-настоящему прочувствовал всю тяжесть военного лихолетья.

Особенностью проекта стал выбор платформы. К этому времени появился интернет, я был его фанатом. Пользоваться «паутиной» я начал в 1994 г., первый сайт создал в 1997-м. Совмещение новых технологий с рассказами фронтовиков дало интересный результат — эти рассказы стала массово читать молодёжь. Так появился сайт «Я помню».

— Но ведь даже раньше, после распада СССР, большими тиражами стали издавать честные мемуары о войне. Чем ваш проект отличается от них?

— Литературным словом владеют далеко не все. Когда собственный опыт соединяется с писательским даром, появляются такие шедевры художественной прозы, как «На войне как на войне» Виктора Курочкина, или мемуарной литературы, как «Ванька-ротный» Александра Шумилина. Интервью проекта «Я помню» — это ещё один источник информации о той войне. Мы не можем заменить устными свидетельствами документы, хранящиеся в Центральном архиве Минобороны, и воспоминаниями маршалов. Рассказы простых солдат служат живой иллюстрацией сухих документов, вдыхают в них жизнь, как приправа добавляет вкус приготовленному блюду.

Матвей Цодикович Лихтерман, десантник:

«Мы были обычной пехотой, «пушечным мясом», просто это «мясо» умело прыгать с парашютом».

Антонина Васильевна Бородкина, снайпер:

«Я ревела, когда первого убила. Я человека убила! Мне говорят: «Ты убила немца».

— Проект «Я помню» состоит из разделов, посвящённых разным родам войск — пехотинцам, танкистам, лётчикам, морякам... Кто о чём вспоминает?

— У всех фронтовиков разный опыт. У лётчиков, допустим, вшей не было, а в пехоте этого добра было выше крыши. Вот лётчики о них и не вспоминают. Танкисты на этот счёт во мнениях расходились. Одни говорят, что вши не переносят бензина и солярки, другие — что и в танке их было предостаточно.

Лётчикам лучше всего запоминаются боевые действия: их жизнь на аэродроме почти мирная. Вся война для лётчика в воздухе. То же можно сказать про пеших разведчиков, которые уходили за линию фронта лишь время от времени. У тех, кто подвергался риску, пусть не такому интенсивному, зато более продолжительному, лучше запомнился быт. Из-за постоянной близости к линии соприкосновения с врагом опасность у пехотинца воспринимается как фон — убить-то могут каждую минуту! Поэтому они и запоминают, что один раз поспать в тепле удалось, другой — разжиться флягой спирта...

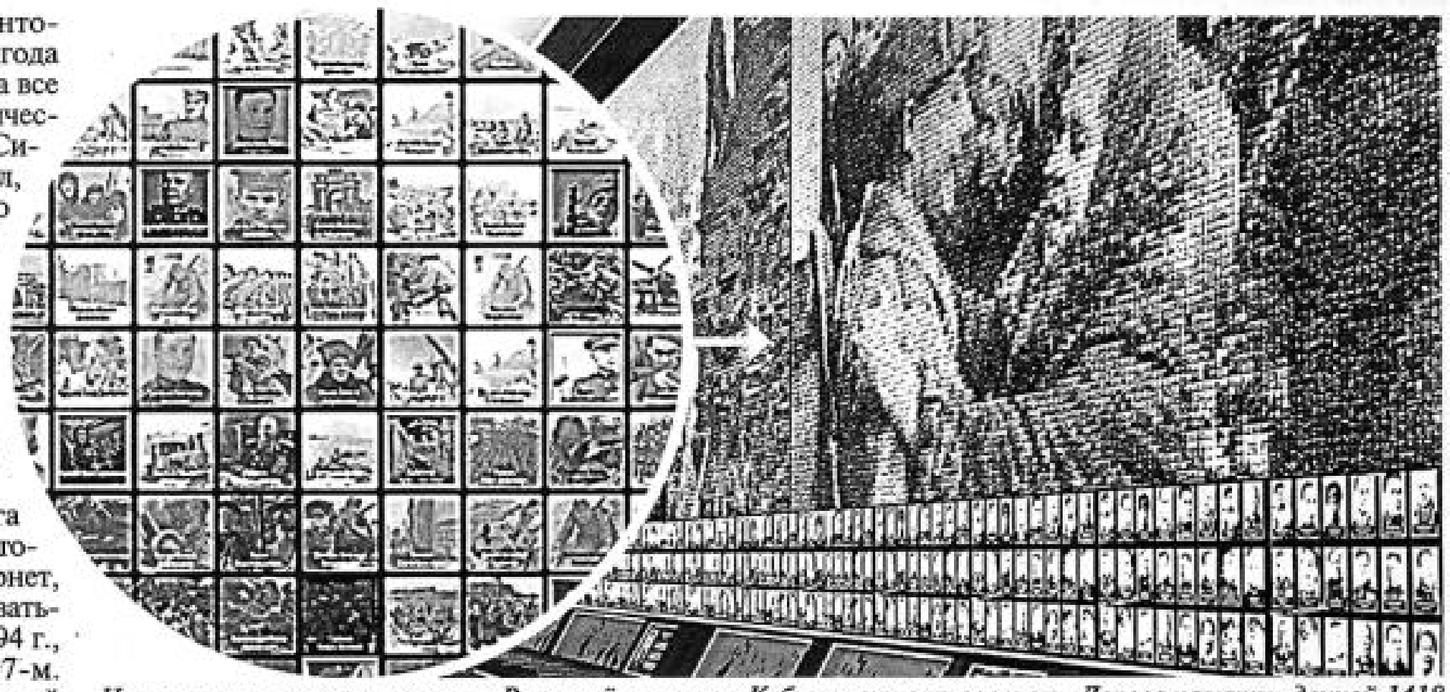
Вообще, самые интересные воспоминания сохранились у тех ветеранов, которые относились к войне как к интересной, хотя и опасной, работе. Таких людей с по-хорошему авантюрным складом характера мало, но на войне их ценили. Но большинству фронтовиков воевать не нравилось.

— Вы в проекте уже 20 лет. Сильно сами изменились за этот срок?

— Если бы я с самого начала знал, какое жестокое, грязное и противоестественное дело — война, я бы за этот проект, наверное, и не взялся. Всего мы собрали более 3 тыс. интервью. Лично я — около 600. Когда пришёл на первое, был в розовых очках. Несмотря на всё, что слышал дома, я, как любой советский человек, вырос на фильмах, где наши всегда побеждают. А война — это грязь, запах крови и пота. Чем дальше я занимался этой темой, тем яснее понимал, что это единственно правильное описание войны. В войну проявляются самые худшие человеческие качества. Просто оставаться человеком на войне — уже почти подвиг.

— Говорят, нынешняя молодёжь не интересуется событиями Великой Отечественной. Для них что Наполеоновские войны, что битва на Калке. Вы это чувствуете?

— Пожалуй, что да. Чтобы читать воспоминания фронтовиков, нужен какой-то интерес. Если его нет, заставить молодого человека влезть в малоприятные и откровенно страшные вещи о войне сложно. Да и не нужно. Для массового сознания достаточно салюта на День Победы, георгиевской ленточки и нового фильма «про наших и немцев». У современной жизни другие вызовы, интересы, задачи. Что нам точно нужно — думать о том, как сделать страну лучше, жить не прошлым, а будущим, побеждать сегодня.



На территории главного храма Вооружённых сил в Кубинке строят галерею «Дорога памяти» длиной 1418 шагов — в память о 1418 днях войны. К 75-летию Победы там будет открыт единый информационный портал со сведениями обо всех участниках Великой Отечественной войны, а их было 33 миллиона. Данные примерно о половине уже готовы. «Дорога памяти» — уникальный проект, в который каждый желающий сможет прислать фотографии своих родственников — участников войны. Для этого на сайте Минобороны России уже запущен особый раздел. Фото hram.mil.ru

ПОРТРЕТ СОЛДАТА

— За счёт чего работает проект «Я помню»?

— До последнего времени сайт материально поддерживало Федеральное агентство по печати. Полтора года назад финансирование прекратилось. Надеюсь, в год 75-летия Победы нашу заявку рассмотрят в положительном ключе. На пике в 2008—2009 гг. денег хватало на оплату работы двух десятков сотрудников проекта. Сейчас нас 3—5 человек. Но любой желающий может помочь проекту, прислав воспоминания родственников на адрес drabkin@yandex.ru

— Кто для вас солдат-победитель в той войне?

— Крестьянин лет тридцати с 3 классами образования. Он не очень доверяет командирам, больше полагается на сослуживцев, исповедует принцип «подальше от начальства, поближе к кухне». Испытывает здоровый скептицизм к любым идеологическим установкам, но при этом понимает, за что воюет: за дом, за детей, за семью, за товарища, с которым укрывается одной шинелью. Не стремится к наградам и званиям. Война для него тяжёлая работа, связанная с риском для жизни. Но этих людей я практически не застал — они вернулись к себе домой, прожили сложную и не очень долгую жизнь и ушли в 70—80-х гг. прошлого века.

Сергей ОСИПОВ,
S.Osipov@aif.ru

#ВамНеСтыдно?

АКЦИЯ

Премьер-министр Польши написал в своей статье, что войска Красной армии не освобождали Варшаву. Неужели мы так просто «проглотим» эту наглую ложь?
Е. Семёнова, Смоленск

Представитель МИД России Мария Захарова уже заявила, что Польша решила начать масштабную дезинформационную кампанию против Москвы по теме ВОВ. А **главный редактор телеканала RT Маргарита Симоньян** предложила провести в соцсетях акцию #ВамНеСтыдно.

«За освобождение одной Польши погибло больше наших людей, чем американцев во всей Второй мировой войне, — напомнила она, призвав рассказать забывчивым польским политикам о том, какие потери понесли силы Красной армии во время боёв в этой стране. — Я прошу людей послать им в их соцсети сообщения: здравствуйте, пан такой-то, мой дедушка погиб под Варшавой, освобождая вас, ваших предков. С хэштегом #ВамНеСтыдно».

Особое внимание Симоньян просит уделять аккаунтам президента и премьера Польши: «Пришлите свои истории этим людям. Пусть им будет немножко неприятно. Чем больше людей присоединится, тем больший это будет иметь эффект».

Рунов, Валентин. Маршал Советского Союза И. С. Конев / В. Рунов. - Текст : непосредственный // Военные знания. - 2020. - № 1. - С. 42-47.

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И.С. КОНЕВ

ВАЛЕНТИН РУНОВ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Весь исторический опыт доказал, что полководцем становится только тот военачальник, творческие и организаторские способности которого позволяют войскам под его руководством одерживать успехи на поле боя, вносить заметный вклад в общую победу и обогащать военное искусство новым подходом к применению сил и средств в вооруженной борьбе. И.С. Конев был именно таким военачальником, в связи с чем его имя золотыми буквами вписано в историю Великой Отечественной войны и военную историю нашей Родины.

Из 1418 суток, в течение которых существовал во второй мировой войне советско-германский фронт, Иван Степанович Конев провел на нем 1365 дней и ночей. Из этого времен 72 суток он командовал армией и 1293 суток войсками фронтовых объединений, решавших оперативно-стратегические задачи самостоятельно или в составе группы фронтов. Ему довелось руководить войсками более чем в 40 операциях, подавляющее число которых были успешными. 30 марта 1945 года Маршал Советского Союза И.С. Конев был награжден высшим полководческим орденом "Победа".

В освобожденном Львове

В мае 1941 года командующий Северо-Кавказского военным округом генерал-лейтенант И.С. Конев неожиданно был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил ему директиву о развертывании 19-й армии на Украине в районе Белая Церковь — Смела — Черкассы. В начале Великой Отечественной войны эта армия приняла участие в Смоленском сражении, где ее командующий получил первый опыт обороны в условия значительного превосходства немецко-фашистских войск.

Затем была Битва за Москву, начиная с которой И.С. Конев уже командовал войсками фронтов, получив возможность на практике постигать и совершенствовать свое полководческое искусство. И это не удивительно — ему почти всегда противостояли лучшие фашистские военачальники, прошедшие школу прусского генерального штаба, получившие большой опыт организации боевых действий и опьяненные легкими победами в Польше и Франции, Норвегии и Дании, Греции и Югославии. В их числе были мастер глубоких оперативных охватов и окружений генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, мастер решительных и стремительных танковых прорывов генерал-полковник Г. Гот, дерзкий, хитрый и нестандартный в поиске оптимальных решений на поле боя генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн и другие видные военачальники Третьего рейха. Для того, чтобы успешно противостоять им, нельзя было рассчитывать только на удачу.

Изучение операций, проведенных в ходе Великой Отечественной войны под руководством И.С. Конева, знакомство с архивными документами тех лет, анализ принимаемых им решений свидетельствуют о том, что Иван Степанович мастерски владел основополагающими принципами военного искусства, обладал даром творчества, новаторства, оригинального мышления. Ему, как и любому полководцу, был присущ собственный почерк, свой стиль руководства войсками.

Маршал Конев мог не только правильно понимать и оценивать сложную обстановку боевой действительности, но и в определенной степени проникать в психологию противника, предвидеть его возможные действия. Это имело место, в частности, летом 1943 года под Харьковом, и зимой 1945 года при освобождении Силезского промышленного района. В последнем случае именно учет возможных действий вражеского командования позволил И.С. Коневу смело идти на риск, оставляя в тылу наступавших войск крупные гарнизоны противника в Бреслау, Глогау и других городах-крепостях и тем самым решать главную задачу - в высоком темпе осуществлять его преследование. Генерал армии И.Е. Петров, сам командовавший в годы войны и армией и фронтом, подчеркивал особый дар Конева видеть поле сражения. «Есть шахматисты, — говорил он, — которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, все расположение фигур у них в уме. Так и Конев мог представить себе расстановку соединений, не глядя на карту, точно сказать, что и кто противостоит им, на какой местности».

Знание противника, всесторонняя оценка своих возможностей, учет всех факторов и условий обстановки позволяли И.С. Коневу выбирать самые эффективные способы разгрома противостоящих вражеских войск, в том числе окружение и уничтожение крупных группировок врага. Так, войсками фронтов, которые он возглавлял, а также совместно с соседними объединениями было окружено в Корсунь-Шевченковской операции более 10, в районе Броды (Львовско-Сандомирская операция) — 8 вражеских дивизий.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Конев Иван Степанович (28 декабря 1897 г. — 21 мая 1973 г.). Из крестьян Вологодской губернии. Закончил церковно-приходскую школу и земское училище. В русской армии с 1916 г., младший унтер-офицер. В РККА с 1918 г., военкомом Никольского уезда. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке: комиссар бронепоезда, стрелковой бригады, дивизии. Делегат V Всероссийский съезд Советов. В 1921 году участвовал в подавлении Кронштадского восстания, затем был назначен начальником штаба Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики. В 1926 г. окончил КУВНС, в 1934 г. — основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. Командовал дивизией и корпусом, с 1937 г. — командующий Особой группой советских войск в Монголии. С 1939 г. — командующий 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. С 1940 г. — командующий войсками Забайкальского, с января 1941 г. — Северо-Кавказского военных округов.

С начала Великой Отечественной войны командующий 19-й армией, которая участвовала в Смоленском сражении. С сентября 1941 г. последовательно командовал Западным, Калининским, Северо-Западным, Степным, 2-м и 1-м Украинским фронтами. С осени 1945 г. — главнокомандующий Центральной группой войск и верховный комиссар по Австрии, с 1946 г. — главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель Министра Вооруженных сил СССР. С 1950 г. — главный инспектор Советской Армии, заместитель Министра Вооруженных сил СССР. С 1951 г. — Командующий войсками Прикарпатского военного округа. С 1955 г. — Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Организации Варшавского Договора. С 1960 г. — в группе Генеральных инспекторов. Дважды Герой Советского Союза, Герой Чехословакии и Герой Монголии. Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени и двумя орденами Кутузова I степени, орденом Красной Звезды, орденами и медалями многих зарубежных стран, почетный гражданин городов пяти государств.

На боевом счету его войск разгром в ходе Висло-Одерской операции нескольких крупных группировок противника: 20 тысяч южнее Рютцена, 18 тысяч в Глогау, 40 тысяч в Бреслау. Затем войска 1-го Украинского фронта участвовали в разгроме и пленении крупных группировок противника в Берлинской (500 тысяч) и в Пражской (900 тысяч) операциях.

И.С. Конев обладал искусством достигать побед над врагом за счет того, что хорошо зная обстановку, различными способами навязывал ему свою волю. «Он очень тонко чувствовал обстановку, — отмечает один из соратников маршала генерал армии А.С. Жадов. — На основе ее уяснения и всестороннего анализа безошибочно определял, какая армия, какую задачу сможет выполнить наилучшим образом. При подготовке операций Иван Степанович проявлял, кроме того, большое умение выбирать время начала наступления». В результате войска под его руководством достигали успеха даже в условиях относительного равенства в силах и средствах с противником, как это было в Калининской, Уманско-Ботошанской и Кировоградской наступательных операциях.

Принимая решение на очередную наступательную операцию, И.С. Конев всегда старался достичь максимального поражения противника огнем, решительно массируя для этого все имевшиеся у него средства. Так, еще при освобождении Калинина в декабре 1941 года, он требовал: «Лучше сразу обрушить на противника огонь всей артиллерии, ошеломить его, хоть ненадолго парализовать, чем размазывать огонь артиллерии по времени и платить за это ценой многих солдатских жизней».

Маршалу Коневу была присуща решительность в действиях. Он умел в необходимых случаях пойти на риск для достижения победы. В этом отношении внимания заслуживает опыт Львовско-Сандомирской операции, в ходе которой было блестяще осуществлено единство действий двух ударных группировок, удаленных друг от друга более чем на семьдесят километров.

Правда, это далось не просто. Накануне операции в 20-х числах июня 1944 года командующий 1-м Украинским фронтом, был вызван в Москву. 23 июня он докладывал замысел операции непосредственно И.В. Сталину в присутствии членов ГКО, Политбюро ВКП(б), представителей Ставки и Генштаба.

— А почему два удара? — спросил Сталин. — Может быть, два удара и не стоит наносить? Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный!

Но И.С. Конев убедительно и обоснованно доказывал, что конкретная обстановка требует нанесения именно двух ударов.

Верховный Главнокомандующий внимательно выслушал доводы Конева, затем пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — И после некоторой паузы добавил: — Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте...

План операции с сохранением двух ударов Ставкой ВГК был утвержден. Подтверждением правоты маршала Конева стал блестящий результат Львовско-Сандомирской операции: 32 гитлеровские дивизии из группы «Северная Украина» были разгромлены, а 8 — полностью уничтожены.

1. На наблюдательном пункте дивизии

2. За трибуной в освобожденном Львове

Широкий маневр танковыми объединениями - следующая характерная черта операций, осуществленных под руководством Ивана Степановича Конева. По его решению в Корсунь-Шевченковской операции 5-я гвардейская танковая армия в короткие сроки скрытно от противника провела маневр с внешнего на внутренний фронт окружения, в Уманско-Ботошанской операции маневр этой же армии был осуществлен в интересах отсечения одесской группировки противника. Образцом военного искусства стали высокоманевренные действия танковых объединений в Висло-Одерской,

Нижне- и Верхне-Силезских операциях, стремительный бросок танкистов к Праге в мае 1945 года. Позже генерал Д.А. Драгунский писал: «Казалось, что он выжимал из танков и из нас, танкистов, все, на что они способны. Его смелые перегруппировки и решительные маневры танковыми корпусами, целыми армиями в ходе сражений... порой казались неожиданными не только для противника, но и для исполнителей. Стремительное движение танковых соединений, захват городов в глубоком тылу противника, овладение с ходу вражескими оборонительными рубежами, рейды по тылам противника - все это было характерным для его руководства».

Танковые армии И.С. Конев использовал не только для завершения прорыва тактической зоны обороны и развития успеха в глубине, но и первом эшелоне фронта (Пражская операция). В таком подходе он видел глубокий смысл, учитывал большие возможности танковых объединений, огневые и ударные, а также их способность маневрировать на поле боя.

Типичным для Конева было стремление ввести противника в заблуждение относительно истинных намерений и планов предстоящих действий. Это тоже был своеобразный расчет, позволявший создавать лучшие условия для реализации своего замысла.

С этой целью по его решению применялись различные приемы маскировки и дезинформации вражеского командования. Так, практиковалось: применение дымов при форсировании Днепра, в операциях на Правобережной Украине и в Восточных Карпатах, а также при форсировании Нейсе; имитацией сосредоточения крупных танковых группировок в Львовско-Сандомирской операции, создание ложной группировки войск на восточном берегу Вислы в январе 1945 года. Тогда же, чтобы обмануть противника, практиковались демонстративные действия с использованием макетов, вызывающих на себя огонь вражеской артиллерии.

Огромное значение Конев придавал достижение внезапности действий своих войск. При разборе одной из проведенных операций он говорил: «Внезапность позволяет захватить на поле боя инициативу, поставить свои войска

1. Разгром немецких войск в ходе Корсунь-Шевченковской операции

2. Конев и П.А. Ротмистров

в более выгодное положение даже при отсутствии превосходства над противником, требуя постоянной творческой мысли, большой организаторской работы командиров и штабов».

Особо нужно отметить методы руководства войсками, которые применялись И.С. Коневым, как при подготовке, так и в ходе ведения операций. Практика Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует, что он умел организовать труд подчиненных командующих и штабов, мобилизовать их на творческую работу.

И.С. Конев всегда стремился собственными глазами видеть, как реализуется войсками принятое и утвержденное им решение. А.М. Василевский вспоминал: «И.С. Конев, как только примет решение на операцию, едет в войска — армии, корпуса, дивизии и там, используя свой богатейший опыт, тщательно готовит их к боевым действиям». Известно, что во время штурма Калинина и Харькова командующий находился на наблюдательном пункте, откуда просматривалась панорама боя. В горячие дни Корсунь-Шевченковской операции он вылетел туда, где противник пытался контрударами

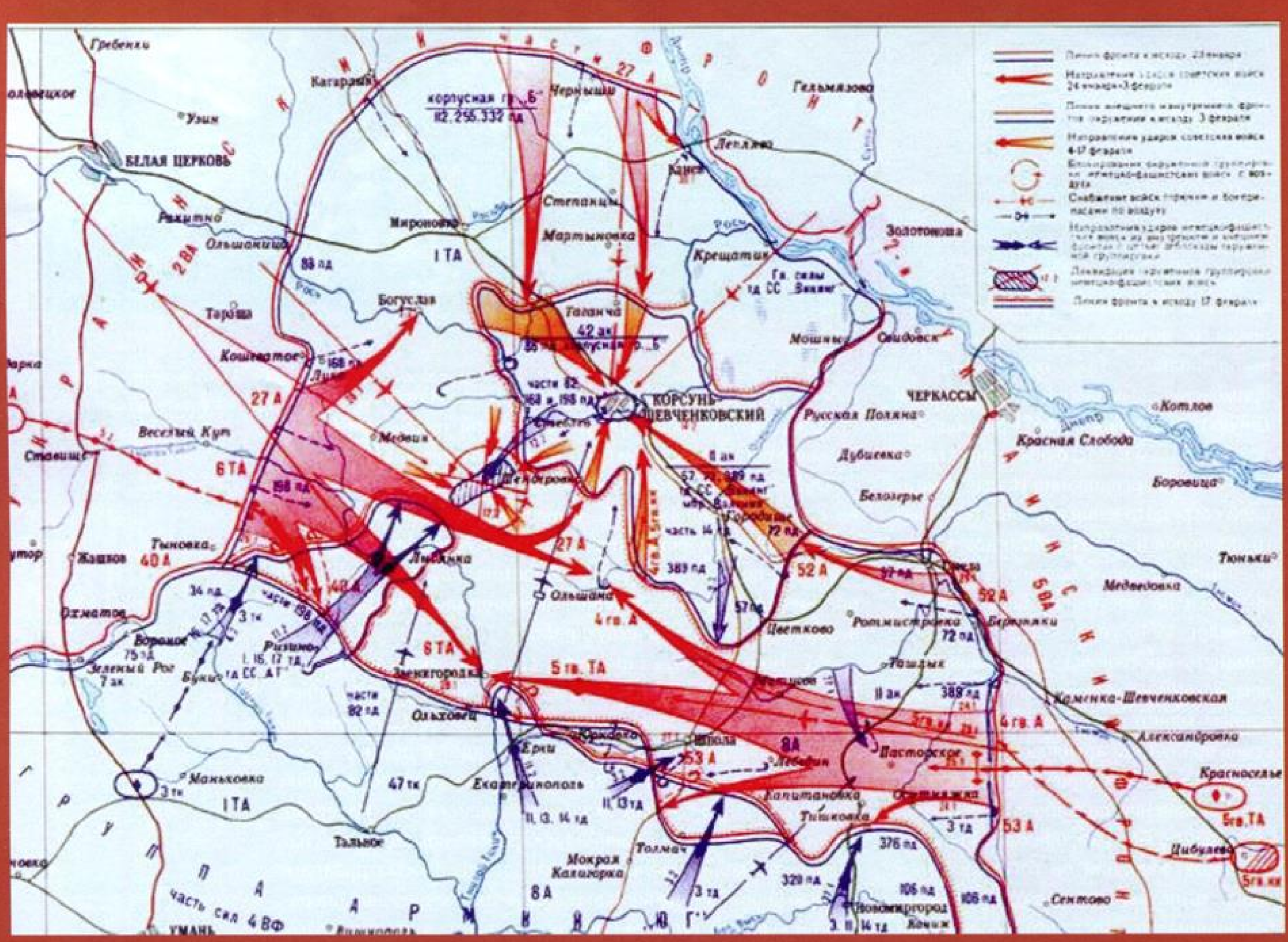
и контратаками пробить брешь в перемычке окруженной вражеской группировки. Также он поступал и во время других операций.

Конев в своей деятельности широко опирался на штаб, командующих (начальников) родов войск, партийно-политический аппарат, другие органы управления. Он всегда учитывал деловые предложения подчиненных, ценил коллективный разум, хорошо понимал место и роль в бою общевойскового штаба, специалистов родов войск и служб.

Творческий почерк полководца во многом определяется чертами его характера.

Окружающие Ивана Степановича люди отмечали ясность ума, высокий профессионализм, смелость в мыслях, силу воли, бодрость духа, жизнелюбие, самокритичность, целеустремленность этого военачальника. «Мне нравился его здравый смысл в суждениях, реалистический, разумный и масштабный подход к решению вопросов», — писал известный советский авиационный конструктор А.С. Яковлев. «Строгая официальность в решении служебных вопросов, сильный бескомпромиссный характер, — подчеркивал крупный политработник военных лет Е.Е. Мальцев, — сочетались в нем с умением быть хорошим и заботливым товарищем». «Прошло время, — вспоминает Д.Д. Окороков, - и мы научились видеть за суровостью, а порой и резкостью командующего требовательность командира, высокое чувство долга, ответственность за порученное дело, большую заботу о людях». «Он всегда спешит, торопится, — подчеркивал долго работавший с Коневым маршал М.В. Захаров. — Но его, черта лысого, все любят... Надежный он человек».

Безусловно, Маршал Советского Союза И.С. Конев был жестким и требовательным человеком, но при этом умел вовремя сдерживать свои эмоции. Член Военного совета К.В. Крайнюков, долгое время работавший вместе с Коневым, говоря о характере командующего, писал: «он мог накричать, допустить резкость, но не помню случая, чтобы командующий, поддаваясь минутному настроению, смещал офицеров



1. ч Карта оперативной обстановки Корсунь-Шевченковской операции

Митинг в освобожденном городе

с должностей или ходатайствовал об их замене». «Я много раз был свидетелем, как реагировал Иван Степанович на ту или иную ошибку подчиненных, — писал сослуживец маршала генерал Н.М. Хлебников. — Он никогда не обвинял в ней весь коллектив, а находил конкретных виновников, разбирался во всем и, если было необходимо, крепко их наказывал.

Один из соратников И.С. Конева в последующем Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян говорил: «Он был горячий и увлекающийся, но умел сочетать в себе трезвость, спокойствие, рассудительность, твердость и непримиримость с добротой и благородством. Он был жестко требователен, но прежде всего к себе».

Мировая культура обязана И.С. Коневу сохранением многие памятников. Так известно, что при штурме Львова он отдал приказ артиллеристам не вести огонь по центру этого старинного города, богатого памятниками истории. При освобождении польского города Ченстохова командующий войсками фронта лично направил на самолете двух офицеров-разведчиков с заданием организовать разминирование Ясногурского монастыря. Когда войска фронта углубились на территорию Польши, заботой командующего стал Краков с его Вавельским дворцом, на территории Германии — Дрезден с дворцом Цвингер, где находилась знаменитая коллекция картин. «Мы должны сделать все возможное и даже невозможное для того, чтобы предотвратить гибель картин Рафаэля, Рубенса, Брейгеля, Дюрера и других мастеров с мировым именем», — говорил он.

В «благодарность» за спасенный от полного уничтожения немцами польский город Краков в 1991 году поляки снесли гранитный монумент, установленный маршалу Коневу в 1987 году.

Подобная ситуация назревает в Праге, где продолжают кипеть страсти по поводу монумента, установленного в столичном районе Прага 6 на площади Интербригад близ улицы Югославских партизан в 1980 году, как напоминание о заслугах прославленного советского полководца в спасении города от уничтожения нацистами в ходе народного восстания.

Памятник советскому маршалу на площади Интербригад сейчас открыт для посещения. Как на самой статуе, так и на элементах мемориала хорошо видны следы краски — дело рук вандалов, неоднократно атаковавших комплекс в последние годы. По сравнению с многими другими памятниками историческим персонам, монумент маршалу Коневу начищен почти до блеска и в целом поражает чистотой — это результат постоянной борьбы активистов с последствиями нападений.

Свержин, Владимир. Армию на тот свет не поведут : самый независимый и самостоятельный полководец Красной Армии : [о генерале Горбатове] / В. Свержин. - Текст : непосредственный // Совершенно секретно. - 2020. - № 6, март . - С. 20-21 . - (К 75-летию Победы).

АРМИЮ НА ТОТ СВЕТ НЕ ПОВЕДУ

Самый независимый и самостоятельный полководец Красной Армии

Владимир СВЕРЖИН

Однажды у Наполеона, уже потерявшего французский трон и влачившего дни на острове Святой Елены, спросили: кого из своих полководцев он считает недооцененным? После недолгой задумчивости отставной император ответил: «Маршала Сюше». Пожалуй, если бы этот же вопрос задать Сталину, он вполне мог бы ответить: «Генерала армии Горбатова».

И впрямь, если сегодня поинтересоваться у обычного прохожего, знает ли он, кем был Александр Васильевич Горбатов, вряд ли кто-то даст развернутый правильный ответ. Даже солидный труд бывшего заместителя начальника штаба Объединенных вооруженных сил стран-участниц Варшавского договора генерал-лейтенанта Евгения Малашенко «Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны» не слишком проясняет вопрос: «Зарекомендовал себя умелым командармом, твердым, принципиальным, тактичным начальником. Достижение успеха обеспечивал эффективным применением артиллерии, танков и авиации...»

Строго говоря, подобные строки из официальной характеристики можно применить едва ли не ко всем командармам Великой Отечественной войны. Разве только насчет тактичности могли возникнуть разногласия. Но у генерала Горбатого в истории советского военного искусства свое отдельное место и о нем рассказать стоит.

ОТ СОХИ

Скорее всего, когда 21 марта 1891 года в деревне Пахотино Ивановской губернии в крестьянской семье родился очередной сын, никто и подумать не мог, что тот станет военачальником. Семья у Александра была немалой – пять братьев и пять сестер. Из братьев он был старшим и значит отцу во всех крестьянских делах наипервейшим помощником. Жили бедно и какого-либо просвета впереди не ожидалось. Трехклассную сельскую школу, в которую в жару и стужу нужно было ходить за пять верст в ближнее село, он закончил с похвальным листом, однако же, о том, чтобы продолжать образование и речи не было. Средств на это категорически не было, да и негде было учиться.

ДО САБЛИ

Жизнь крестьянского сына изменилась коренным образом в 1912 году, когда Александра забрали в армию. После Русско-японской войны российские вооруженные силы в немалой степени реформировались, чтобы соответствовать реалиям современной войны. Время было чрезвычайно напряженное, боевая учеба шла в полной мере, без формализма, хотя, как показало время, «генералы все же готовятся к предыдущей войне». Служить новобранец Горбатов попал в 17-й Черниговский гусарский полк с легкой руки французского маршала Мюрата традиционно именовавшийся «Багратионовыми волками». Кавалерия в России пользовалась особым почетом и заслуженно входила в тройку самых обученных в мире. А уж гусары и подавно были в фаворе русского общества. Яркая форма и бесшабашная лихость всегда отличали гусар от любого другого конного войска. Но показная красота требовала жесточайшей выучки. Выездка, преодоление разнообразных барьеров – заборов и канав с водой; стрельба из седла в движении; фехтование и рубка лозы – все это была каждодневная будничная подготовка молодых солдат. Горбатов тут был среди лучших, имея по всем боевым дисциплинам лишь «хорошо» и «отлично». При этом командование отмечало отличную стрелковую подготовку (38 из 40) и, что особо показательно для будущего полководца, желание обмануть противника, заставить его допустить ошибку.

Черниговский гусарский полк стал для будущего генерала отличной «начальной военной школой». Причем, надо отдать должное, и с учителями ему повезло. Бригадой командовал образованнейший генерал-майор Абрам Михайлович Драгомиров, всегда ставивший осознанность во главу угла при подготовке личного состава. Сын знаменитого военачальника, теоретика военного искусства, военного педагога, начальника академии Генерального штаба и автора учебника тактики Михаила Драгомирова старательно продолжал дело отца. Во главе полка стоял будущий герой Первой мировой войны, в ту пору еще полковник, Николай Сергеевич Блохин. В начале войны он был награжден Георгиевским оружием за то что: «6 ноября 1914 года, лично командуя авангардом сводной кавалерийской дивизии в составе названного полка с 2 пулеметами и 2 орудиями, атаковал всем составом авангарда гор. Новый-Сандец с северной стороны и, не взирая на упорное сопротивление противника, занимавшего окопы у окраины города, а затем и самые постройки в городе, занял этот важный центр и очистил его от противника, захватив 3-х офицеров и более 140 нижних чинов в плен. Благодаря искусству, быстроте и решимости, с какими была ведена атака, отряд понес незначительные потери».

Его сменил любивший и уважавший солдат полковник Владимир Николаевич Дессино. Вот как вспоминал о нем сам Горбатов. «Когда во время битвы за Карпаты немцы угрожали гусарам окружением, он вышел к эскадронам и произнес: «Братцы-солдаты, немцы прорвали фронт правее нас, нам угрожают окружение, плен и гибель. Нам нужно в пешем строю за трое суток пройти сто восемьдесят – двести верст. Сумеем это сделать – сохраним наше знамя, штандарт, который наш полк с честью носит более ста лет, и спасем свои жизни. У господ офицеров имеются лошади, но я не позволю им сесть на них, сам я тоже не сяду, а буду идти все время впереди полка, хотя я старше вас на много лет. Для нашей славной пехоты дневной переход в пятьдесят – шестьдесят верст не редкость – неужели мы хуже ее? Так что же вы ответите мне, братцы?»

Как один человек, весь полк отозвался: «Пройдем». Командир просиял от столь дружного ответа. Мы тронулись в путь.

Действительно, командир полка все время шел впереди, опираясь на длинную, как посох, палку».

В этом же полку в свое время служил автор знаменитых в военных кругах «Советов молодому офицеру» – своеобразного кодекса офицерской чести, Валентин Кульчицкий. Конечно имея таких учителей, Горбатов и сам проявил себя прекрасным учеником. За годы Первой мировой войны он получил чин унтер-офицера, два солдатских Георгиевских креста и две георгиевские медали «За храбрость» и, конеч-

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

но же, приобрел огромный боевой опыт, весьма пригодившийся ему в будущем. И «всегдашняя готовность ввязаться в рискованное дело превратилась в разумный риск солдата-фронтовика».

После революции Александр Васильевич некоторое время был членом полкового комитета, хотя каких-либо политических убеждений, по его собственному утверждению, еще не имел. Просто дельный, обстрелянный, справедливый (да еще и не пьющий!) унтер-офицер среди гусар пользовался заслуженным уважением.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...

Вскоре полки императорской армии были расформированы, и Горбатов отправился домой. Путь его лежал через Петроград (в ту пору Черниговские гусары стояли под Нарвой) и Москву, так что увидеть обе российские столицы в пору революционного ажиотажа отставной унтер-офицер смог в полной мере. Смог он увидеть и в полной мере оценить чрезвычайно обедневшую деревню. Новая жизнь обещала исполнение вековой крестьянской мечты о вольном землепашестве. Возвращение к старому ничего хорошего не сулило. Происходящее вокруг пьянило и давало надежду, порою эфемерную и несбыточную, но такую желанную. А потому через год, осмыслив увиденное и пережитое, добровольцем вступил в Красную Армию. И невероятное тут же начало происходить: начав службу рядовым красноармейцем в 1919 году, в 1920 уже командовал Башкирской конной бригадой. Воевал против деникинцев, врангелевцев, петлюровцев и белополяков. При том боевую учебу молодого пополнения, зачастую вел сам, да так, что у окружающих возникало подозрение: не из бывших ли этот чересчур грамотный командир?

Во время польской кампании Горбатов чудом остался жив – во время дерзкой вылазки в тыл врага, пуля, пробив щеку под глазом, вышла за ухом. Иного такое ранение навсегда бы отвратило от военной службы. Тем более походам и сражениям отдано было немало лет, а к Георгиевским наградам в 1921 году прибавился и орден Красного Знамени – вполне можно почивать на лаврах и делать карьеру в новой стране, где: быв никем, можно стать всем. Тем более, что с 1919 года красный командир Горбатов состоял в партии большевиков, а стало быть, для него были открыты любые пути в молодом советском государстве. Однако Александр Васильевич уже сделал для себя окончательный выбор – только военная служба!

ИЗ КРАСНОГО КОМИСАРА В ЗЕКА

Со времени окончания Гражданской войны он командовал полком, бригадой, дивизией и везде проявлял себя с наилучшей стороны. Позднее Маршал Советского Союза Рокоссовский отзывался о нем: «Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски – отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла».

Однако в 1937 году, во время большой чистки в РККА по делу «заговора Тухачевского» беда пришла и в дом храброго военкома. Какой-либо вины за ним не было, причем настолько не было, что даже въедливые следователи ничего придумать не смогли. Среди командного состава Красной Армии, уже подвергнутого репрессиям, друзей и знакомых у Горбатова было много. Впрочем, как же иначе? С кем-то вместе служил, с кем-то воевал еще в Гражданскую. Уж с командующим округом «врагом народа, заговорщиком и шпионом» Якиром был знаком наверняка. Без сколь-нибудь внятного доказательства вины, «на всякий случай», Александр Васильевич был отставлен от должности «за связь с врагами народа», исключен из партии, а в 1938 году арестован и помещен в Лефортовский следственный изолятор. Но и здесь выбить из Горбатова нужную следствию «правду» не удалось.

Как вспоминал он впоследствии: «Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться, ... когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть!». Но для себя Александр Васильевич решил безоговорочно: «Лучше умру, чем оклевещу себя, а тем более других». Никаких «признательных» показаний Горбатов не дал, что, впрочем, не помешало суду вынести ему приговор – 15 лет колымских лагерей плюс еще 5 лет поражения в правах.

По сути, такой приговор был равноценен смертному. Но Горбатову повезло. Быть может его мужественное поведение на допросах и в заточении, быть может предчувствие скорого начала войны и внутреннее понимание руководства НКВД, что храбрый воин ни в чем не виновен, внезапно сыграли на руку Александру Васильевичу. Его дело было пересмотрено и он, наряду с группой советских военачальников *(среди освобожденных также были Рокоссовский, Мерецков и многие другие выдающиеся советские военачальники. – Прим. ред.)*, был освобожден из мест заключения. На дворе стоял март 1941 года.

И ОБРАТНО

Чуть живой, переболевший цингой, Горбатов был направлен в санаторий для поправки здоровья, а уже в апреле вчерашний заключенный получил назначение заместителем командира 25-го стрелкового корпуса на Украину. В этой должности он и встретил начало войны. В первые же дни корпус был переброшен под Витебск. Фронт в Белоруссии разваливался на части, немецкие танковые клинья разрезали советскую оборону и прорывались вглубь страны. Остановить гитлеровцев следовало любой ценой. Перебрасываемые части занимали импровизированные рубежи и пытались, зачастую ценой жизни, измотать и обескровить фашистов. Отрезанный от штаба своего корпуса, Горбатов переподчинил себе отступающие части Красной Армии и четыре дня удерживал городок Ярцево – административный центр в Смоленской области. Через месяц после начала войны он был ранен и вывезен в Москву для излечения. Затем, едва «подлатавшись», снова был отправлен на Украину, где возглавил 226-ю стрелковую дивизию. Во время боев под Харьковом он провел несколько дерзких рейдов в тыл противника, громя его гарнизоны и тыловые части, перерезая коммуникации и уничтожая вражеские склады. Вскоре за проявленную храбрость и полководческие дарования ему было присвоено звание генерал-майора и вручен еще один орден Красного Знамени.

Дальнейшую военную биографию генерала Горбатова можно изучать по наступательным операциям советских войск. Инспектор кавалерии на Юго-Западном фронте и под Сталинградом, командир гвардейского стрелкового корпуса на Курской дуге, затем командующий 3-й армией. С этой армией он дошел до Берлина, сражаясь всегда на острие атаки, там, где нужны были решительные, отважные, но продуманные действия. В активе этой армии взятие Орла, переправа через Днепр, бои в Белоруссии, Восточной Пруссии и, наконец, Берлинская операция.

Маршал Жуков, у которого с независимым и самостоятельным Горбатовым были довольно непростые отношения, вспоминал: «В составе Брянского фронта наиболее энергично наступала 3-я армия под командованием генерала А. В. Горбатова, который на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией. И можно сказать: он вполне мог бы успешно справиться и с командованием фронтом. Но за его прямоту, за резкость суждений он не нравился высшему руководству. Особенно против него был настроен Берия, который абсолютно незаслуженно продержал его в тюрьме несколько лет».

НЕУДОБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Действовал Горбатов не только в составе Брянского фронта, и не только Берия, в высшем руководстве, его недолюбливал. Решения Александр Васильевич принимал, глубоко проанализировав ситуацию и просчитав варианты ответа. Но уж если он пришел к решению, отстаивал ее до последнего. На военных советах Горбатов спорил с вышестоящим начальством до хрипоты и пуще черта сторонился манеры брать города к юбилею или знаменательной дате. Тут его уже никаким приказом было с места не сдвинуть. Так во время боев за Бобруйск с требованием, как представлялось Горбатову, неуместным и преждевременным взять город к нему обратился сам командующий фронтом Рокоссовский. И тут же получил отказ.

«Смирно!, – нахмурился маршал, – Приказываю 3-й армии продолжить наступление на Бобруйск. Повторите приказ!»

Горбатов твердо ответил: «Стоять смирно буду, а армию на тот свет не поведу!»

О столь «непочтительном» поведении командарма доложили самому Верховному главнокомандующему. Разобравшись в сути вопроса, Сталин весомо заметил: «Горбатова только могила исправит» и приказал дать возможность генералу поступать по его усмотрению.

Любить его за такие вольности в верхах, естественно, не любили, но уважали и ценили за точность расчета, неодолимость в атаке и обороне, а также «гусарскую» стремительность маневра. А еще – за трепетное отношение к солдатским жизням. Находясь всегда впереди, командующий армией Горбатов, прежде всего, стремился добиться максимального успеха с минимальными потерями. Как говаривал другой Александр Васильевич – генералиссимус Суворов «Мне солдат дороже себя!». Сам же командарм о собственном главном принципе военного искусства говорил так: «Уменье воевать не в том, чтоб как можно больше убить противника, а насколько возможно больше взять в плен. Тогда и свои будут целы».

Надо сказать, что солдаты отвечали командарму полной взаимностью. Так скажем, в Белоруссии, во время операции «Багратион», в боях под Бобруйском, войска 3-й армии выдержали в один день 20 атак, но не отступили. Немцы отчаянно надеялись удержаться на этих рубежах, в 1944 году здесь было выстроено 5 эшелонированных линий обороны! Прорыв здесь грозил врагу стратегическим коллапсом – советские войска прорывались в Польшу и, что особо беспокоило руководство Третьего Рейха, в сердце Германии – Восточную Пруссию. Однако удержать наши войска на заранее подготовленных рубежах фашистам не удалось. Во многом заслуга в этом 3-й армии и генерала (к концу 1944 года уже генерал-полковника) Горбатова. В боях операции «Багратион» 3-я армия взяла 27900 пленных. Большая часть тех, кто прошел по Москве «парадом» из этих тысяч.

В Восточной Пруссии, как и впоследствии в Берлинской операции, 3-армия активно использовалась нашим командованием в качестве «фомки» для взлома долговременной обороны противника. В апреле 1945 Александр Васильевич был удостоен давно заслуженного звания Героя Советского Союза, а в мае присутствовал на подписании капитуляции Германии.

ЛАВРЫ ДЛЯ ПОЛКОВОДЦА

В послевоенные годы Горбатова не то, чтобы позабыли, но постарались «слегка» отодвинуть. Он не сидел без дела: был комендантом Берлина после нелепой гибели его первого советского коменданта генерала Берзарина, руководил военной администрацией в провинциях Мекленбург и Западная Померания, с 1950 года командовал отдельной гвардейской воздушно-десантной армией, а с 1953 по 1954 годы воздушно-десантными войсками, возглавлял Прибалтийский военный округ. И только в 1955 году получил очередное давно заслуженное звание генерал-армии. В его жизни теперь были почет и много разнообразной административной работы. Он был кандидатом в ЦК партии и депутатом Верховного Совета, о нем был снят художественный фильм «Генерал», но привычного живого дела, которому он некогда посвятил себя без остатка, для полководца уже не нашлось. Теперь в особой цене были генералы, умеющие ладить с политическим руководством и находить общий язык с командованием. А Горбатов – тут все как обычно – Горбатова могила исправит! Резкий и прямолинейный во всем, что касалось справедливости и пользы дела, Александр Васильевич был по-прежнему непримирим со всякого рода «угодниками». Друзей среди «вершителей судеб» это ему не прибавило, но о выгодах Горбатов и не думал.

Он умер в декабре 1973 года, так и не став маршалом, хотя сложно было отыскать в СССР генерала по своей доблести, знаниям и заслугам достойного этого звания более, чем Горбатов.

Смирницкий, А. Е. Военное обучение гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) / А. Е. Смирницкий. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 7. - С. 39-43.

А.Е. СМИРНИЦКИЙ

A.Ye. SMIRNITSKY

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

MILITARY TRAINING OF CIVILIANS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON GORKY REGION MATERIALS)

Сведения об авторе. *Смирницкий Александр Евгеньевич — доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород. E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена организации военной подготовки гражданских лиц в Горьковской области во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В публикации рассматриваются главные направления военной подготовки населения и её результативность. Особое внимание уделено анализу специфических черт военной подготовки различных категорий гражданского населения города и области.*

Ключевые слова: *военные ведомства; всевобуч; допризывная подготовка; народное ополчение; ПВО.*

Information about author. *Aleksandr Smirnitsky — Assistant Professor of the Department of Russia History and Auxiliary Historical Disciplines, Nizhny Novgorod State Pedagogic University named after Kozma Minin, Cand. Sc. (Hist.) (Nizhny Novgorod. E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru).*

Summary. *The paper focuses on organizing military training of civilians in the Gorky Region during the Great Patriotic War of 1941—1945. It examines the main trends in the military training of the public and its effect. Especial attention is given to analysis of the specific features of military training for various categories of urban and rural civilians.*

Keywords: *military departments; universal military training; pre-conscription training; popular militia; air defense.*

С САМОГО начала своего существования Советское государство уделяло большое внимание военной подготовке населения. Ещё в годы Гражданской войны в Советской России успешно действовала система Всевобуча. В 1927 году было создано Общество содействия армии, авиации, флоту и химической защите (Осоавиахим). В преддверии Второй мировой войны был сделан очередной шаг к военизации советского общества: по решению XVIII съезда ВКП(б) в обкомах партии были созданы военные отделы, осуществлявшие руководство военным обучением населения.

В начале Великой Отечественной войны был принят ряд мер, направленных на организацию военного обучения населения. В июне 1941 года вышло постановление Совета народных комиссаров (СНК) СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне». Согласно этому документу вводилось всеобщее обучение населения в возрасте от 16 до 60 лет. Кроме того, предполагалось обучить пользованию средствами индивидуальной защиты при воздушных нападениях несовершеннолетних в возрасте от 8 до 16 лет. Обучение граждан должно было производиться по месту их работы или учёбы, а неработающих — по месту проживания.

Подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне в жилых домах осуществлялась Осоавиахимом, а материальное обеспечение обучения групп самозащиты возлагалось на исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся.

Руководство подготовкой групп самозащиты на предприятиях, в учреждениях и организациях должны были осуществлять их руководители, а материальное обеспечение этих групп возлагалось на соответствующие наркоматы и ведомства.

Общее руководство организацией подготовки групп самозащиты возлагалось на НКВД СССР, в рамках которого было создано Главное управление местной противовоздушной обороны (МПВО). Таким образом, подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне с самого начала войны приобрела общегосударственный характер[1].

Как один из мощных индустриальных регионов СССР Горьковская область занимала ведущее положение в военной подготовке гражданского населения.

Законодательные меры по военному обучению гражданского населения подкреплялись агитационно-пропагандистской деятельностью. С июня по ноябрь 1941 года областное государственное издательство (ОГИЗ) выпустило книги и пособия для обучения бойцов МПВО, в том числе «Будь готов к ПВХО» —

Народное ополчение — десятки тысяч добровольцев

140 тыс. экз., «Как тушить зажигательные бомбы» (листовка) — 300 тыс. экз., «Изучайте военное дело» (сборник) — 10 тыс. экз.[2] В помощь ополченцам Горьковский обком ВКП(б) организовал выпуск популярных брошюр на темы: «Далеко и метко бросай гранату», «Станковый пулемёт в бою», «Уничтожай танки врага», «Винтовка и её применение», «Памятка красноармейцу и ополченцу», «Боец и отделение в ночном бою», «Овладевайте лыжным спортом» и др. Каждая брошюра была выпущена тиражом от 15 до 60 тыс. экз.[3]

В условиях начавшейся войны это были довольно большие тиражи, поскольку бумага строго лимитировалась. Тем не менее, учитывая количество гражданских лиц, обучавшихся военному делу, учебных пособий явно не хватало. Вместе с тем, как это ни парадоксально, нехватка учебных пособий способствовала более углублённому изучению военного дела. Одно учебное пособие на несколько десятков человек, ранее не знакомых с военным делом, воспринималось не как обыденная информация, а как откровение.

Особое значение придавалось подготовке допризывников. 17 сентября 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»[4]. Положительный опыт такой подготовки широко освещался на страницах областной периодической печати. В частности, сообщалось, что 215 коммунистов и комсомольцев станции Сергач хорошо изучили винтовку, ручной пулемёт, гранату. В колхозе «Красный восток», возглавляемом коммунистом т. Гусевым, 800 колхозников окончили программу противовоздушной и противохимической обороны. Все допризывники имеют по 2—3 оборонных значка[5].

В условиях острой нехватки средств обучения власти призывали создавать макеты вооружения и другие учебные пособия из местных материалов. Например, в Шахунском районе по инициативе коммунистов и комсомольцев, обучавшихся в системе всеобуча, были изготовлены 720 макетов винтовок, 20 макетов станковых и ручных пулемётов, 150 гранат, 720 малых сапёрных лопат. Районный совет Осоавиахима в помощь командному составу и активистам оборонной работы организовал военно-технический кабинет. В нём имелись электросхемы современного оружия, материальная часть[6]. Комсомольцы деревообделочной мастерской в Сталинском районе г. Горького в течение трёх недель сверхурочной работы отремонтировали 150 пар лыж, изготовили 100 креплений[7].

Однако этот опыт был не всегда успешен. Там, где требовалась более квалифицированная работа, предприятия местной промышленности справиться с изготовлением необходимых пособий для обучения не могли. Так, горьковские городские артели промкооперации сорвали задание правительства на 4-й квартал 1941 года и 1-й квартал 1942 года по выпуску противогазов для гражданского населения. Управление промкооперации допустило производство маски с большими отклонениями от технических условий, что привело к массовому браку. Всего забраковали около 49 тыс. масок[8].

В конце октября 1941 года, когда г. Горькому угрожала непосредственная опасность со стороны гитлеровских войск, значительная часть бойцов всеобуча была мобилизована на строительство оборонительных сооружений. Чтобы не прерывать обучения, местные военные комиссариаты были обязаны организовать боевую и политическую подготовку непосредственно на оборонительных рубежах[9].

Наряду с общей военной подготовкой населения шла специализированная военная подготовка, хотя и в более меньших масштабах. Как правило, она осуществлялась при крупных предприятиях, где имелась соответствующая материальная база. Так, при заводе «Красная Этна» были созданы 4 группы по истреблению танков, в которых обучались 60 человек, преимущественно комсомольцы и молодёжь. Командирами групп были красноармейцы-танкисты[10].

11 января 1942 года Горьковский городской комитет по делам физкультуры и спорта провёл на Волжском откосе (это была набережная имени А.А. Жданова, но горьковчане по-прежнему называли её Волжский откос) соревнования среди истребителей танков. Из окопа с расстояния 18 м мужчины должны были попасть связкой гранат в макет танка. Если они попадали в мотор — им засчитывалось 5 очков, в люк — 4 очка.

Кроме того, мужчины должны были попасть гранатой в окно с расстояния 25 м и бутылкой с зажигательной жидкостью в макет танка. В группе мужчин лучших результатов по истреблению танков добилась команда спортобщества «Динамо». Личное первенство завоевал динамовец Коротков, набравший 13 очков из 15 возможных. Это и неудивительно, т.к. в состав спортобщества «Динамо» традиционно входили сотрудники НКВД и милиции.

Среди девушек — участниц соревнования отличилась команда школы № 27 Автозаводского района в составе учениц Фрониной, Горшковой, Звездовой, Девяткиной и Лукиной. Из окопа с расстояния 10 м они удачно поразили макет танка, набрав 24 очка из 25 возможных[11].

Наряду с повседневным военным обучением гражданского населения по инициативе оборонных организаций под контролем военного отдела Горьковского обкома ВКП(б) проводились различного рода соревнования и военные учения. Так, в Шахунском районе военный отдел райкома ВКП(б) провёл военно-тактическое занятие, в котором участвовали 300 человек партийного актива и бойцов всевобуча. Бойцы совершили 15-километровый марш и заняли исходные позиции. Рано утром состоялись занятия на темы: «Рота в наступлении», «Наступление», «Оборона». Участники Великой Отечественной войны лейтенант Макаров, младший лейтенант Гантов, боец Рябков показали участникам учений приёмы маскировки и тактику современного боя[12]. В Сталинском районе г. Горького были проведены тренировочные учения в противогазах, где приняли участие 90 проц. рабочих. В Ждановском и Сталинском районах г. Горького организовали походы в противогазах на расстояние от 2 до 5 км[13].

При военном обучении гражданского населения применялась такая традиционная для советской системы форма работы, как социалистическое соревнование. На лучшее окончание учёбы в молодёжных формированиях второй очереди Горьковская область вызвала на социалистическое соревнование Московскую область. По условиям соревнования каждый боец брал на себя социалистическое обязательство — усвоить тактические действия одиночного бойца в составе отделения с оценкой не ниже чем «хорошо»; освоить материальную часть своего оружия и научиться владеть им только «хорошо» и «отлично»; быть на производстве передовиком, выполняя установленные нормы не ниже чем на 150 проц. Арбитрами соревнований являлись ЦК ВЛКСМ и Главное управление всевобуча[14].

Горьковская периодическая печать освещала опыт работы лучших подразделений всевобуча. В 1942 году военно-учебный пункт на заводе «Красная Этна» по итогам проверки военным отделом Горьковского обкома ВКП(б) был признан лучшим в г. Горьком. Все подразделения учебного пункта укомплектовывались командным и политическим составом, обеспечивались материальной частью, наглядными пособиями. Занятия, как правило, проводились на открытой местности с учётом всех особенностей современного боя. За два месяца были выпущены две стенные газеты, 23 боевых листка, прочитаны несколько докладов, показывались фильмы оборонной тематики. В результате этой работы знания 60 проц. бойцов первой и второй очередей оценены как отличные и хорошие. В ноябре военно-учебный пункт выпустил группу миномётчиков[15].

Характерно, что успешная деятельность военно-учебных пунктов была обусловлена определёнными материальными преференциями. Так, военно-учебный пункт завода имени С. Орджоникидзе г. Горького, который в течение трёх очередей всевобуча держал переходящее Красное Знамя горкома ВКП(б) и горисполкома, для обучения допризывников широко использовал трофейное вооружение, реставрированное собственными силами. Было организовано дополнительное питание за счёт подсобного хозяйства. Бесперебойно работала мастерская по починке обуви[16]. Для поощрения лучших бойцов и командиров были учреждены денежные премии.

Военной подготовкой занимались и общеобразовательные школы. В декабре 1941 года школы № 19 и № 20 Автозаводского района начали военную подготовку девушек по специальностям «радистка» и «телефонистка». В школах занятиями руководил инвалид Великой Отечественной войны Карманов. Он окончил Ленинградское училище связи и на фронте был свя-

Рабочие-сормовичи за изучением станкового пулемёта

зистом[17]. Директор 49-й школы Левин подготовил на курсах противовоздушной химической обороны (ПВХО) свыше 800 человек, учитель 45-й школы Ворошиловского района г. Горького Крылова — 200 человек[18].

С 1942 года подготовкой военных специалистов занимались 10 предприятий г. Горького, производивших вооружение для Красной армии. К апрелю 1942 года были подготовлены 3497 человек, из них командиров танков — 100 человек, механиков-водителей — 241, командиров башен танков — 206, радистов — 25, пулемётчиков-артиллеристов дивизионной пушки ЗИС-3 — 420, пулемётчиков — 414, миномётчиков — 900, автоматчиков — 810, командиров и водителей бронемашин — 212, мотоциклистов — 108, лётчиков и мотористов — 61. Все они обучались и сдали зачёты по специально разработанным 80—120-часовым программам[19].

31 января 1944 года в соответствии с решением ГКО от 9 января 1944 года о подготовке шофёров для Красной армии бюро Горьковского обкома ВКП(б) и Горьковского облисполкома приняли постановление обучить в 1944 году 1600 шофёров[20].

В системе всевобуча в г. Горьком, в других городах и районных центрах области по инициативе комсомольцев были созданы комсомольско-молодёжные подразделения по подготовке военных специалистов. В этих подразделениях по области за время войны подготовили 167 814 станковых пулемётчиков, истребителей танков, снайперов, автоматчиков, миномётчиков, телеграфистов и др.[21]

В условиях, когда значительная часть работников Осоавиахима ушла на фронт, военная подготовка допризывников оставляла желать лучшего. Так, на одном из пунктов Сергачского района обучавшиеся собирались на занятия по часу и более. Одна только проверка явившихся занимала 35 минут. Бойцы то и дело поправляли совершенно неподготовленного командира, вступали с ним в спор. К примеру, на выяснение такого «важного» вопроса: «Куда поворачивается затвор при заряжании винтовки?» было затрачено 15 минут. На многих учебных пунктах Дивеевского, Ардатовского, Линдовского, Ждановского и других районов основное место в учёбе занимала строевая подготовка. В жертву ненужной шагистике приносились многие часы драгоценнейшего времени, необходимого для боевой учёбы[22].

В этой связи одним из важных направлений военного обучения была подготовка квалифицированных инструкторов. Этим занимался не только Осоавиахим, но и областной комитет по делам физкультуры и спорта, хотя количество добровольных спортивных обществ резко снизилось. В 1943 году их числилось 56, однако согласно данным военного отдела Горьковского обкома ВКП(б) фактически работали лишь 15. За 1941—1944 гг. были подготовлены 7650 инструкторов-общественников и 3000 физкультурников-активистов, которые обеспечили выполнение государственных заданий по всем видам военно-физической подготовки. Лучший лыжник Чкаловского района значкист ГТО 2-й ступени В.В. Клочков стал Героем Советского Союза. За работу в тылу награждены орденами и медалями 47 физкультурников. Свыше тысячи инструкторов-общественников и перворазрядников вели работу по физической подготовке бойцов всевобуча. Многие инструкторы и спортсмены работали в госпиталях как специалисты по лечебной физкультуре[23].

Осоавиахим сыграл в развитии военного обучения гражданского населения особую роль. Он помогал в развёртывании военно-учебных пунктов для народного ополчения и для системы всевобуча. Всего было организовано около 900 учебных пунктов. За 1941—1945 гг. Осоавиахим передал в систему всевобуча более 3,2 тыс. воинских наставлений, 500 учебных гранат и свыше 3,5 тыс. макетов винтовок. Аэроклубы области, входившие в Осоавиахим, подготовили 1014 пилотов; 12 воспитанников горьковских аэроклубов стали Героями Советского Союза. Совместно с комсомолом для партизанских отрядов с 1941 по 1944 год были подготовлены более 9 000 бойцов. Из горьковчан, удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза, каждый шестой прошёл подготовку в Осоавиахиме[24].

Старались помогать военному обучению населения и воинские части, размещённые на территории Горьковской области. Так, в Сормовском районе воинская часть выделила для помощи всевобучу 15 младших лейтенантов, учебное оружие, наглядные пособия. Офицеры проводили периодические консультации с комсоставом всевобуча[25].

Ополченцы колхоза «Красный маяк» Городецкого района Горьковской области изучают винтовку

Таким образом, военная подготовка гражданского населения в годы Великой Отечественной войны приобрела широкие масштабы. Это не было спонтанной кампанией, вызванной военной необходимостью. Ещё до войны Советское государство уделяло большое внимание проведению оборонной работы среди гражданского населения. Оборонные организации стали основой его военной подготовки. В годы Великой Отечественной войны масштабы военной подготовки населения существенно расширились. В то же время это не привело к укрупнению аппарата всевобуча, что в условиях войны было бы недопустимо. Работу вели те люди, которые занимались ею ещё в довоенное время. Военная подготовка охватывала почти всё гражданское население области. Основными её направлениями стали: обучение ПВХО; обучение отрядов народного ополчения, всевобуча и истребительных батальонов; обучение военных специалистов. Эти факты напрямую опровергают гнусные наветы лиц, заявляющих, что «Красная армия воевала трупами».

Военное обучение гражданского населения не ограничивалось усвоением военных знаний. Значительное внимание руководители уделяли агитационно-пропагандистской работе, формы которой были разнообразны.

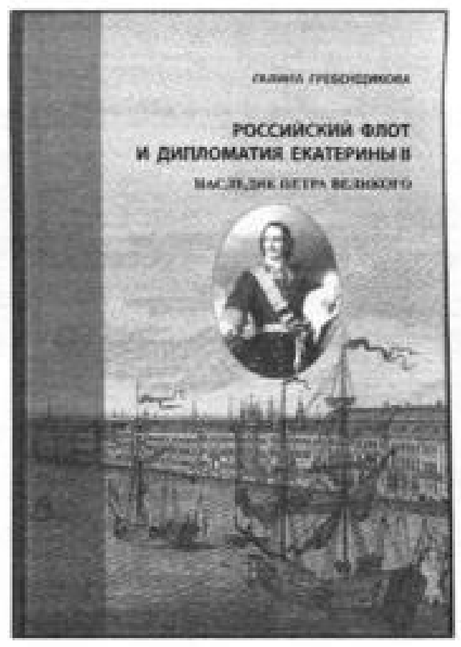
Военная подготовка гражданского населения в годы Великой Отечественной войны проходила в условиях многочисленных трудностей. Не хватало всего: наглядных пособий, оружия, инструкторов. Следует учитывать, что большинство обучавшихся военному делу сочетали своё обучение с напряжённым трудом на производстве. Тем не менее система военного обучения была налажена и успешно функционировала. Тысячи горьковчан, подготовленных в системе всевобуча, участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Военное обучение гражданского населения имело и моральное значение. Оно делало мирных людей сопричастными к тем грандиозным битвам, которые происходили на фронте, воспитывало у них чувство долга, чести, ответственности, сплачивало их, готовя к тяжёлым испытаниям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Горьковская коммуна. 1941. 2 июля.
[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. М., 1965. С. 268.
[3] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. III. Горький: ВВКИ, 1974. С. 13.
[4] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1977. С. 32.
[5] Горьковская коммуна. 1941. 23 сентября.
[6] Там же. 9 декабря.
[7] Там же. 10 октября.
[8] Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 2532. Л. 184.
[9] Горьковская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Горький: ВВКИ, 1975. С. 75.
[10] Горьковская коммуна. 1941. 18 декабря.
[11] Там же. 1942. 13 января.
[12] Там же. 1941. 12 июля.
[13] Там же. 1942. 19 сентября.
[14] Там же. 10 июля.
[15] Там же. 2 декабря.
[16] Там же. 1944. 19 сентября.
[17] Там же. 1941. 16 декабря.
[18] ГОПА НО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2438. Л. 28 об.
[19] Забвению не подлежит: Очерки нижегородской истории (1941—1945). Кн. 3. Нижний Новгород: ВВКИ, 1995. С. 90.
[20] Там же. С. 586.
[21] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. III. С. 21.
[22] Горьковская коммуна. 1941. 26 сентября.
[23] Там же. 1944. 16 июля.
[24] Горьковчане в годы Великой Отечественной войны: словарь-справочник. Горький, 1990. С. 233.
[25] ГОПА НО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2438. Л. 28 об. ■

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

РОССИЙСКИЙ ФЛОТ И ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II



Вышла в свет новая книга нашего постоянного автора доктора исторических наук Г.А. Гребенщиковой «Российский флот и дипломатия Екатерины II. Том I. Наследие Петра Великого» (СПб.: ИЦ «Остров», 2019. 512 с., вклейка, илл.). Книга издана при поддержке Национального центра подводных исследований Центра подводных исследований Русского географического общества.

Монография посвящена развитию Балтийского и Черноморского флотов в период правления императрицы Екатерины II и работе российской дипломатии. С опорой на архивные документы, часть которых впервые вводится в научное обращение, всесторонне исследованы процессы функционирования флотов на Балтике и на Чёрном море, государственная, внешняя, морская и судостроительная политика России второй половины XVIII века. В монографии рассмотрены и проанализированы боевые действия флотов в войнах со Швецией и с Турцией, даны оценки персоналиям — видным государственным и военным деятелям, командующим флотами, морским и сухопутным офицерам. В целях более ясного и логичного понимания событий, предшествовавших царствованию Екатерины II и непосредственно связанных с военно-морской историей, исследование обращено к истокам Российского флота, ко временам Петра I, и продолжено в царствования Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Монография иллюстрирована подлинными построечными чертежами кораблей и других судов флота, часть которых ранее не публиковалась, редкими и ценными рисунками и гравюрами.

Книга будет интересна специалистам-историкам, преподавателям, студентам, аспирантам, военнослужащим, судомоделистам, всем тем, кто интересуется военно-морской историей России.

Тужилин, С. В. «Нейтралитет Японии в войне... служил... ширмой для оказания помощи Германии» : военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1941-1945 гг.) / С. В. Тужилин. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2020. - № 2. - С. 4-12.

С.В. ТУЖИЛИН

S.V. TUZHILIN

«“НЕЙТРАЛИТЕТ” ЯПОНИИ В ВОЙНЕ... СЛУЖИЛ... ШИРМОЙ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ГЕРМАНИИ»

Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1941—1945 гг.)

«THE ALLEGED NEUTRALITY OF JAPAN IN THE WAR... SERVED... AS A COVER FOR RENDERING ASSISTANCE TO GERMANY»

Military-political and socio-economic factors of state security provision in the Soviet Far East (1941—1945)

Сведения об авторе. *Тужилин Святослав Вячеславович — кандидат исторических наук (Москва. E-mail: svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье на основе опубликованных материалов и архивных документов анализируются и обобщаются основные вызовы и угрозы безопасности СССР на Дальнем Востоке в годы Второй мировой войны.*

Ключевые слова: *СССР; Япония; Маньчжурия; Квантунская группировка войск; военная разведка; Дальний Восток СССР; внешние и внутренние угрозы; советские органы госбезопасности.*

Information about author. *Svyatoslav Tuzhilin – Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru).*

Summary. *The paper relies on published materials and archival documents to analyze and generalize the principal challenges and threats to Soviet security in the Far East during the Second World War.*

Keywords: *USSR; Japan; Manchuria; Kwantung troop grouping; military reconnaissance; Soviet Far East; external and internal threats; Soviet security agencies.*

В июньском номере нашего журнала за прошлый год была опубликована статья о военно-политических и социально-экономических факторах обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке в предвоенные годы*. В данной статье автор исследует эти факторы в период Великой Отечественной войны.

К КОНЦУ 1930-х годов военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке характеризовалась нарастанием напряжённости в отношениях между СССР и Японией, которая увеличивала собственную военную компоненту и расширяла экспансию в Китае. Японией были развязаны вооружённые конфликты у оз. Хасан (1938 г.) и р. Халхин-Гол (1939 г.). Советское военно-политическое руководство учитывало отдалённость Дальнего Востока от промышленно развитых районов страны, слабую индустриальную базу, низкую плотность населения, отсутствие надёжных коммуникаций и стремилось в кратчайшие сроки превратить его в экономически развитый регион. Были предприняты ответные меры по наращиванию дальневосточного контингента сухопутных войск, ВВС и созданию ВМФ. Советским руководством Япония воспринималась в качестве сильного геополитического и военного соперника, угрожающего интересам СССР на Дальнем Востоке, опытного игрока на международной политической арене. Информация о росте вооружения японской армии, степени её готовности, а также нарастающая напряжённость ситуации в Европе поставили СССР перед угрозой войны на два фронта[1].

Вторая мировая война явилась серьёзным испытанием для отечественных органов госбезопасности на Дальнем Востоке, прежде всего для разведки и контрразведки. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с главным противником — мощной разведывательно-подрывной спецслужбой Японии, искусно осуществлявшей шпионскую, диверсионно-террористическую и иную противоправную деятельность против советской группировки войск и сил флота, местного населения, важнейших объектов промышленности и народного хозяйства.

Военная стратегия Страны восходящего солнца оказывала большое влияние на позицию Кремля. Когда нацисты в Германии ещё только боролись за власть, набиравшая обороты японская военная машина уже вынашивала грандиозные планы конти-

* *Тужилин Т.В.* «Было бы наивно верить в искренность “дружбы” японских империалистов». Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1938—1941 гг.) // Воен.-истор. журнал. 2019. № 6. С. 4—13.

нентального господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлась наша страна. Стремясь за счёт вооружённой экспансии и захвата новых сырьевых рынков преодолеть последствия мирового экономического кризиса, именно Япония 18 сентября 1931 года начала военные действия в Маньчжурии и разожгла в Азиатско-Тихоокеанском регионе первые очаги гигантского мирового пожара, который с 1 сентября 1939 года именовали Второй мировой войной.

При выработке направлений внешней политики Японии учитывались события, происходившие в Европе, и… наоборот. Например, политика «умиротворения» агрессоров (поощрения их к войне против СССР), проводившаяся ведущими державами мира и известная как «мюнхенский сговор», родилась не в немецком городе, а на Дальнем Востоке, и не в сентябре 1938 года, а шестью годами ранее, когда в ночь с 18 на 19 сентября 1931 года Япония вторглась в суверенное государство и развернула агрессию в трёх северо-восточных провинциях Китая, в результате чего к январю 1932 года агрессору были сданы Маньчжурия, а впоследствии и весь Северо-Восточный Китай. 7 июля 1937 года против этой древнейшей страны была развёрнута тотальная война, унёсшая за 14 лет жизни более 35 млн человек[2]. Особенную роль в поощрении японской агрессии сыграла Великобритания, пойдя 22 июля 1939 года, в разгар вооружённого конфликта у р. Халхин-Гол, на заключение так называемого соглашения Х. Арита — Р. Крейги, вошедшего в историю как «дальневосточный Мюнхен». В нём Лондон признавал «специальные нужды» (захваты) Японии в Китае и гарантировал своё невмешательство в действия её оккупационных властей[3].

В результате на Дальнем Востоке образовался опасный очаг войны. Японский капитал, политика и вооружённые силы прочно обосновались в Маньчжурии, фактически контролируя территорию в 2 млн кв. км, на которой проживали около 30 млн китайских граждан[4]. К общепринятой дате начала Второй мировой войны японцы контролировали уже более 25 проц. всей территории Китая с численностью около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения и свидетельствовало о том, что была оккупирована и нещадно эксплуатировалась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее заселённая и развитая часть страны[5].

Между тем в странах Запада считали, что действия Японии в Маньчжурии приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть (что особенно ожидалось), и к крупномасштабному столкновению двух соседствующих стран. Для Вашингтона и имевших значительные интересы в Китае Лондона, Парижа и Гааги важно было направить японскую экспансию именно на север, против СССР, а не на юг, против собственных колоний. Аналогичными были подходы к оценке агрессивных акций Германии и её союзников. Всё это вместе взятое сформировало у советского руководства устойчивое недоверие к политике западных держав и означало для СССР лишь одно — рост угрозы военного нападения как в Европе, так и в Азии. Исходя из этого, конкретизировались и задачи отечественным органам госбезопасности.

У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была, если не учитывать пропагандистской риторики, идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора стали сначала завоёвывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) более «удобных» и слабых стран.

Нападение Германии на Советский Союз создало благоприятные возможности для практической реализации территориальных притязаний Японии. Уже 22 июня 1941 года глава японского МИД Ё. Мацуока заверил посла Германии в Токио Э. Отта в том, что он «лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте». 25 июня он же на запрос советского посла в Токио К.А. Сметанина о позиции Японии недвусмысленно подчеркнул, что «если настоящая война и пакт о нейтралитете[6] будут находиться в противоречии с Тройственным пактом[7], то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»[8].

Как показало дальнейшее развитие событий, подписание в апреле 1941 года советско-японского пакта о нейтралитете ни в коей мере не отразилось на темпах военных приготовлений Японии. И это нашло отражение в документах послевоенного Токийского трибунала. «“Нейтралитет” Японии в войне между Германией и СССР, — констатируется в Приговоре Трибунала, — в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР. Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, оказывала значительную помощь Германии»[9]. За четыре года со времени подписания пакта части и подразделения Квантунской группировки войск (КГВ) 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолёты ВВС 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР[10].

По мере приближения гитлеровских войск к Москве в военно-политическом руководстве Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР на стороне стран «оси». Главными препятствиями этому, по мнению японского руководства, являлись временная неготовность страны к такой войне и неясность развития хода советско-германской войны. Таким образом, нападение на СССР ставилось в зависимость от коренного улучшения стратегической обстановки на Восточном фронте в пользу войск гитлеровской коалиции. Руководство Японии рассчитывало, что «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооружённой силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ»[11].

В Токио учитывали настойчивое давление германской стороны, но всё же решили подождать сообщений с Восточного фронта о более убедительных победах стран «оси»[12]. Вместе с тем Япония оказывала значительную помощь Германии, в т.ч. в осуществлении разведывательно-подрывной деятельности против СССР.

Как показывают трофейные японские документы, уже 4 июля 1941 года помощник японского военного атташе в Германии, резидент в Берлине по СССР полковник Х. Ямамото явился к начальнику отдела Абвер-II (теракты, диверсии и выполнение особых задач) полковнику Э. Лахузену и пообещал, что ГШ

Немецкий генерал-полковник Э. фон Клейст (1881—1954) и посол Японии в Германии генерал-лейтенант Х. Осима (1886—1975) на окраине Ростова

японской императорской армии готов проводить подрывную работу против СССР со стороны Монголии и Маньчжоу-Ди-Го[13].

Японцы потопили много судов, шедших в СССР из США или с советского Дальнего Востока на Север и Камчатку в рамках ленд-лиза. В Гонконге были захвачены советские торговые суда, стоявшие на ремонте. Советский транспорт торпедировали, а моряков, которые выбирались на японский берег, интернировали. И в Москве, и в эвакуации в Куйбышеве японские дипломаты занимались разведывательной деятельностью.

В ходе войны военное сотрудничество Японии с Германией становилось всё более тесным, продолжались планирование и подготовка войны против СССР вплоть до конца 1943 года[14]. Наращивала численность приближённая к советским границам КГВ, которую в течение многих лет усиленно готовили для нападения на Советский Союз[15], систематически блокировалось сообщение СССР с США и другими странами через дальневосточные порты[16], совершались другие разбойничьи акты на море, специальные службы империи активизировали и видоизменяли разведывательную и иную подрывную деятельность против нашей страны. Японское правительство по согласованию с германским руководством продолжало угрозой войны сковывать здесь значительные силы РККА, тем самым оказывая непосредственную помощь странам гитлеровской коалиции на Восточном фронте.

СССР из-за вероятности открытия Японией второго фронта был вынужден держать в регионе большое количество дивизий[17]. В общей сложности их численность, по подсчётам некоторых японских историков, «в разные периоды войны составляла от 15 до 30% боевых сил и средств СССР»[18].

Реализуя программу срочных мероприятий по мобилизационному развёртыванию КГВ и приведению её в полную боевую готовность (так называемый план «Кантогун токубэцу энсю», сокращённо «Кантокуэн» — «особые манёвры Квантунской армии»)[19], военное командование Японии в 1941 году увеличило общую численность группировки до 1 млн человек. Необходимо также учитывать, что в этот период командованию КГВ подчинялись войска Маньчжоу-Ди-Го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа). Помимо этого в составе ВМФ Японии специально для участия в войне против СССР был создан 5-й флот[20].

За годы Второй мировой войны КГВ превратилась в крупное самостоятельное стратегическое объединение[21]. Согласно «Кантокуэну» первоначальный армейский график завершения подготовки к войне предусматривал начало военных действий против СССР уже 29 августа 1941 года. В итоге к концу года из 53 располагавшихся в Китае японских пехотных дивизий в Маньчжурии и других прилегавших к советской границе районах дислоцировались 30, из 5 кавалерийских бригад — 4, из 10 танковых полков — 7, из 20 отдельных бригад — 6[22].

Основным фронтом японское командование в то время считало готовившийся фронт войны с СССР, а не с Китаем. Поэтому получается, что, даже не воюя, СССР облегчал борьбу сражавшихся с Японией сил Китая, спасал жизни многих тысяч граждан соседней страны[23]. Таким образом, военная и экономическая помощь СССР стала фактором, помешавшим японским войскам быстро разгромить Китай, а война приобрела затяжной характер.

В начальный период Великой Отечественной войны «свобода действий» могла привести японскую военную машину, как указывалось выше, к вторжению как на юге, так и на севере. Это подтверждали тревожные сведения из Токио от резидентуры советской внешней разведки. Когда же из разведывательных донесений стало ясно, что Япония нападёт на СССР только после взятия немецко-фашистскими захватчиками Москвы, было принято решение как можно скорее перебросить войска из состава Дальневосточного фронта (ДВФ) для спасения столицы. В итоге с 22 июня по 5 декабря 1941 года, т.е. в период наибольшей опасности для нашей страны, на западный театр военных действий из состава ЗабВО и ДВФ были переброшены 12 стрелковых, 5 танковых и одна моторизованная дивизии[24].

Советское руководство использовало дальневосточную группировку в качестве одного из источников пополнения войск, действовавших против гитлеровской армии. Переброшенные на запад соединения быстро заменялись новыми за счёт мобилизационных мероприятий. При этом информационно-разведывательное управление (ИРУ) КГВ докладывало своему руководству, что боевой состав дальневосточной группировки советских войск практически не изменился и насчитывал 30 дивизий. Этому способствовала успешная деятельность органов НКВД

— НКГБ по контрразведывательному обеспечению дальневосточных сухопутной и морской группировок вооружённых сил СССР.

Советские спецслужбы получали информацию из различных источников. В конце 30-х годов XX века органы госбезопасности СССР добыли свыше 20 японских и китайских шифров, благодаря чему советская сторона читала японо-германскую дипломатическую переписку в годы Второй мировой войны[25]. Собственные подразделения, проводившие радио- и радиотехническую разведку накануне и в годы войны, имели Главное разведывательное управление (ГРУ) РККА, РУ ГМШ ВМФ, а также управление войсковой разведки ГШ РККА. С этими подразделениями радиоконтрразведывательная служба НКВД — НКГБ (РКС) наладила оперативное сотрудничество и тесное взаимодействие[26]. Чтение закодированной радиопереписки иностранных государств позволяло узнавать важные закрытые сведения об обстановке, складывавшейся вокруг СССР, планах и намерениях основных противников нашей страны (Германии и Японии), а также их военной активности в различных регионах. Органам госбезопасности на Дальнем Востоке неоценимую помощь оказали криптоаналитики, которые ещё с 1927 года начали дешифровать японскую дипломатическую переписку[27]. К началу Великой Отечественной войны в этой области был накоплен значительный опыт. В частности, было установлено очень важное для тех дней обстоятельство: радиограммы МИД Японии совпадали с донесениями Р. Зорге, т.е. последним «следовало доверять». Так, в перехваченной телеграмме японскому послу в Берлине Х. Осиме от 27 ноября 1941 года было поручено встретиться с А. Гитлером и И. Риббентропом и разъяснить позицию относительно усилий Токио на юге и отказа от боевых действий на севере[28]. А вот разведывательные органы стран «оси» не сумели добыть достоверную информацию о переброске советских войск с Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири и Урала для участия в решающих сражениях под Москвой, хотя именно в октябре—ноябре 1941 года фашистская разведка особенно активно стремилась проводить шпионско-диверсионную и иную подрывную работу на московском направлении[29]. Не случайно японское нападение на военно-морскую базу США в Пёрл-Харборе (7 декабря 1941 г.) почти совпало с контрнаступлением советских войск под Москвой (5—6 декабря 1941 г.). Переход в контрнаступление РККА оказался неожиданным и для японской военной разведки[30].

Вместе с тем спецслужбы Страны восходящего солнца во второй половине 1941 года активизировали психологическую войну и информационное давление на нашу страну, что своевременно отслеживали и учитывали органы госбезопасности СССР, в т.ч. на дальневосточных рубежах. Противник умело разжигал упаднические настроения среди советских граждан, приписывая вермахту и союзникам ряд мнимых военных заслуг.

Несмотря на прежнюю позицию Токио по сохранению нейтралитета «до тех пор, пока Германия не добьётся решающих побед на фронте», советские разведорганы через агентуру добывали достоверные данные о группировке японских войск. В донесениях отмечалось, что после начала японо-американской войны не было существенного ослабления КГВ[31]. Начало войны на Тихом океане несколько снизило опасность немедленного выступления Японии против СССР, которая продолжила занимать выжидательную позицию в отношении нашей страны. При этом изменилась тактика действий: дождаться значительного поражения Советского Союза на Восточном фронте и затем в удобный момент вероломно ударить ему в спину, с тем чтобы, когда он, «подобно перезревшей хурме, готов будет упасть на землю», «одним ударом разрешить северную проблему»[32].

После вероломного нападения Германии на Советский Союз японские спецслужбы стали форсировать создание диверсионно-разведывательных групп и отрядов для работы на сопредельной территории. Формировались специальные партизанские подразделения из белоэмигрантов, нанайцев, монголов, корейцев, японцев, проживавших в Маньчжурии[33]. К 1945 году японская разведка усилила работу среди кочевых народностей Севера по подготовке кадров для создания агентурной сети для работы против СССР. Переход границы осуществлялся как в одиночку, так и в составе групп, состоявших из двух-трёх агентов, на длительные сроки (до 10 суток) с заданием проникнуть на большую глубину. Иногда агенты специально внедрялись в группы беженцев, следовавших из Маньчжурии в СССР[34]. Для засылки стала использоваться агентура, прошедшая специальную подготовку в разведывательных школах[35]. Филиалы и отделения японских военных миссий (ЯВМ) практически непрерывно забрасывали на советскую территорию свои силы. За годы войны были переброшены около 1500 японских агентов, большая часть которых была выявлена и арестована[36]. Согласно архивным данным «всего за время Великой Отечественной войны органами госбезопасности были арестованы за шпионаж в пользу Германии — 15 тыс. 976 чел., за шпионаж в пользу Японии — 433 чел., за шпионаж в пользу других разведок — 2 тыс. 204 чел.»[37].

Эти данные требуют уточнений, так как по другим имеющимся сведениям с июля 1941 года по 8 августа 1945 года органами госбезопасности и пограничниками были задержаны 908 японских агентов, а японские спецслужбы указывали, что только за 1944 год перебросили через советско-маньчжурскую границу более 600 агентов[38].

Спецслужбы противника изучали внутриполитические процессы в нашей стране, стремясь вскрыть и использовать в своих целях негативные факты и явления. Они фиксировали сложности в разрешении национального вопроса, делали ставку на разжигание сепаратизма и межнациональной вражды во время войны. Спекулируя на последствиях необоснованных репрессий конца 30-х годов XX века, отрицательных моментах внутренней политики, специальные органы Японии предпринимали попытки организовать вооружённое националистическое подполье[39]. Ориентация ГШ японской императорской армии на сепаратистов ставила цель помимо их использования в разведке против СССР подготовить почву для поднятия организованного движения в отдалённых тыловых районах во время планировавшейся войны. Кроме этого, в 1939—1940 гг. на самом высоком политическом уровне при деятельном участии японской военной разведки проводилась крупномасштабная операция

Японская армия в Маньчжурии

по разработке проекта еврейского государства-поселения на территории Китая и многое другое[40].

Как показывают трофейные японские документы, из года в год увеличивались средства для ведения разведки против СССР. С 1 августа 1940 по 31 мая 1941 года расходы на эти цели только по центральному аппарату ИРУ КГВ (включая главную ЯВМ в г. Харбине) составили 43 620 гоби[41], а всего по ИРУ и его периферийным подразделениям — 83 660 гоби. В июле 1941 года после принятия плана «Кантокуэн» расходы на ведение разведки были увеличены в несколько раз[42]. Командующий КГВ генерал-лейтенант Ё. Умэдзу разведывательно-диверсионное обеспечение плана возложил на начальника ИРУ генерал-майора Г. Янагиту, получившего соответствующий приказ также в июле 1941 года[43].

После несостоявшейся попытки вермахта сходу захватить Москву и выйти на рубеж Архангельск — Астрахань азиатская союзница Германии осознала — вступление в войну против своего северного соседа в 1941 году по «Кантокуэну» неблагоприятно. Нападение Японии на СССР летом—осенью 1941 года не состоялось не в результате сдерживающего пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «Барбаросса» и сохранения должного уровня обороноспособности советского Дальневосточного региона.

В свою очередь нацисты, чтобы подтолкнуть союзника к началу военных действий против СССР, предложили послу Японии в Берлине Х. Осиме совершить поездку по временно оккупированной советской территории. Ему должны были продемонстрировать успехи вермахта и достижения Германии в освоении ресурсов захваченных земель, тем самым убедив, что занятая германскими войсками территория удерживается прочно, а хозяйство этих районов успешно работает в интересах оккупационных властей. Такая поездка действительно состоялась с 1 по 7 августа 1942 года[44].

С учётом таких военно-политических реалий руководство СССР поставило перед специальными службами, осуществлявшими разведывательную деятельность, важную и ответственную задачу — выявлять военно-стратегические планы противника на всём протяжении войны. На Дальнем Востоке крайне важно было выявить стратегические планы Японии по отношению к СССР, поэтому разведывательные подразделения были нацелены «постоянно следить за происками японской военщины в отношении Китая, Монголии и СССР», осуществлять «добывание политической и экономической информации по Японии, а также сведений о её сотрудничестве с Германией и отношениях с США и Англией»[45]. Кроме этого, органам внешней разведки вменялись ряд специфических задач. От главного резидента НКВД СССР в Китае комбрига А.С. Панюшкина, в частности, требовалось «любой ценой удержать центральное правительство Китая на позициях активного сопротивления японской агрессии», своевременно освещать взгляды «китайского руководства в отношении Советского Союза и других держав», «следить за состоянием отношений Гоминьдана с Коммунистической партией Китая (КПК) и не допустить возможности гражданской войны», а также «не просмотреть возможность нападения Японии на нашу страну и создания второго фронта против нас на Востоке»[46].

Из подробных сообщений советской разведки руководство СССР заблаговременно знало о том, что в военные годы ни Гоминьдан, ни руководство КПК, занятые междоусобной борьбой, не помышляли об активном отпоре японцам. Позднее, весной и летом 1945 года, руководимые компартией войска также не предпринимали активных действий против японских оккупантов. 13 августа в разгар наступления советских и монгольских войск в Маньчжурии на собрании кадровых партийных работников в Яньане Мао Цзэдун прямо раскрыл суть своей позиции: «... Война сопротивления японским захватчикам, как определённый этап, уже миновала: новая обстановка и новая задача — это борьба внутри страны»[47]. Ближайшей целью этой борьбы внутри страны лидер КПК считал борьбу за «плоды победы», одержанной союзниками Китая над Японией.

Всего же за 1941—1942 гг. по вопросу о том, начнёт ли Япония войну с СССР в ближайшее время, поступили свыше 30 сообщений, 15 из которых были направлены в критический период первых месяцев войны. В 1942 году в Токио разработали новый план нападения на СССР. Его замысел уже после войны, 16 сентября 1945 года, изложил пленённый офицер оперативного управления ГШ японской императорской армии подполковник С. Асаэда: «Если бы война на Тихом океане стала развиваться успешно для нас, а на Западе успешно для Германии, мы должны были бы начать войну на Севере, т.е. против Советского Союза и поскорей закончить мировую войну»[48]. Японское руководство тогда ожидало исхода сражения на Волге. И фактически отказалось от планов нападения на СССР после Сталинградской битвы[49]. Неспособность гитлеровских войск одержать стратегически важную победу продемонстрировала японскому руководству, что «период ожидания созревания хурмы» прошёл. После Курской битвы ГШ императорской армии впервые за всю историю своего существования приступил к составлению плана на 1944 год, в котором предусматривались только оборонительные(!) действия в случае войны с СССР[50]. В апреле 1946 года это вкупе с поправкой на «неблагоприятную обстановку на Тихоокеанском фронте» в собственноручных показаниях признал и военнопленный бывший командующий КГВ О. Ямада[51].

Задача по отслеживанию японского нападения на СССР не снималась советским руководством с внешней разведки вплоть до середины 1943 года, т.е.

до разгрома гитлеровских войск на Курской дуге. С данной приоритетной задачей органы госбезопасности успешно справились. Таким образом, провал идей германского и японского блицкригов, достижение героическими усилиями всего советского народа перелома в Великой Отечественной войне в пользу стран антигитлеровской коалиции окончательно сняли с повестки дня вопрос о японской агрессии против СССР в 1943 году.

После наметившейся перспективы освобождения временно оккупированных территорий нашей страны, а также ряда европейских и азиатско-тихоокеанских стран перед разведывательными органами СССР поставили новые задачи. Приближавшийся финал войны повысил потребность в сведениях о будущем устройстве мира в Европе и Азии, о предстоявших событиях и вероятных изменениях в отношениях союзников. Иными словами, в условиях осложнения складывавшейся международной обстановки резко возрастало значение объективных прогнозов развития ситуации.

Руководство СССР, в частности, стремилось к упрочению военно-стратегических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наряду с этим советская разведка информировала о намерениях руководства США занять после Второй мировой войны господствующее положение на Дальнем Востоке, в первую очередь в Китае, разместив на его территории американские военные базы. Так, например, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 года президент США Ф. Рузвельт в личной беседе с китайским лидером Чан Кайши предложил заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории страны, в т.ч. у советских границ, военных баз США. Чан Кайши воспринял предложение с энтузиазмом. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера условились и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Обговаривалось устранение английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны, Чан Кайши ставил вопрос о помощи Соединённых Штатов во включении в состав Китая МНР. Ф. Рузвельт согласился вести переговоры по этому поводу с СССР.

К слову сказать, после капитуляции Японии Чан Кайши действительно предоставил США порты для создания сети американских военно-морских и военно-воздушных баз, нацеленных против СССР. 30 сентября 1945 года началась высадка американской морской пехоты в Тяньцзине, а 10 октября воздушный американский десант оккупировал и г. Циндао. Одновременно крупный десант был выброшен над Пекином. Армейские части США приняли непосредственное участие в военных действиях гоминьдановцев против Народно-освободительной армии Китая. По неполным данным, США за 1945—1948 гг. израсходовали на интервенцию в Китае 18 млрд долларов[52]. В свою очередь весь рассматриваемый период, в особенности с августа 1945 года, ЦК КПК проявлял деятельную активность в установлении выгодного военного и партийного сотрудничества с СССР[53].

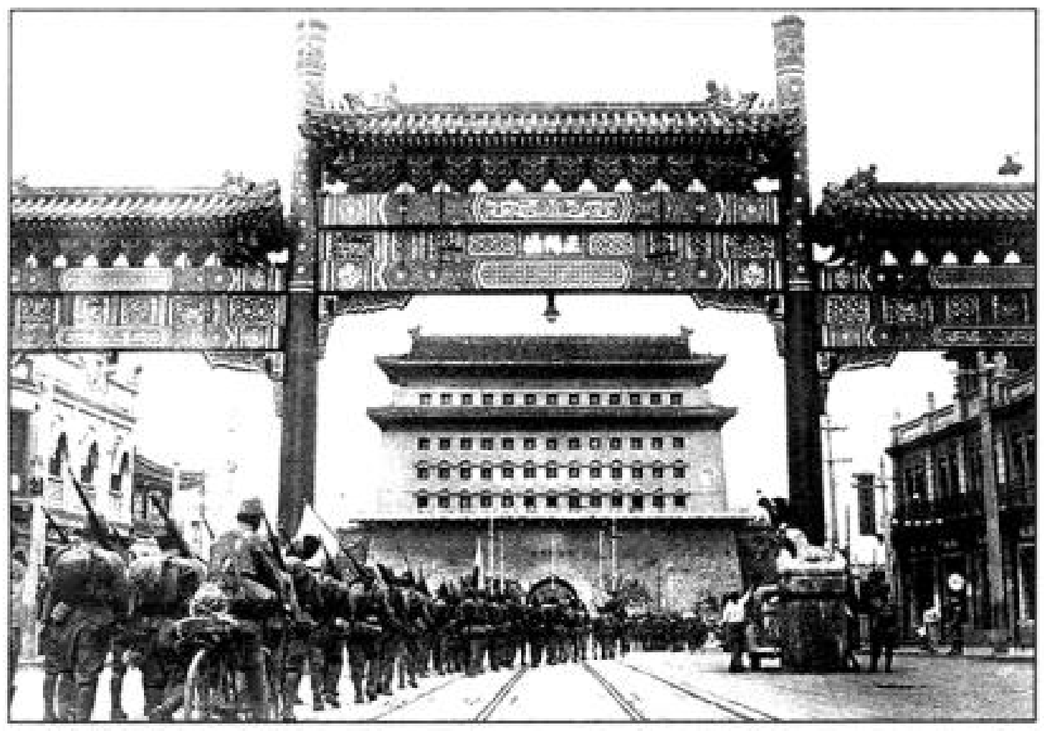
В целом внешняя разведка поставленные перед ней стратегические задачи выполнила. Бывший директор ЦРУ США А. Даллес в одной из своих книг признавал, «что информация, которую посредством секретных операций смогли добыть советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для любой разведки»[54].

Проблемы обеспечения госбезопасности на Дальнем Востоке решались в процессе контрразведывательной деятельности среди населения и на объектах промышленности, транспорта, связи и сельского хозяйства. К ним относились: деятельность, связанная с приёмом, размещением, трудовым использованием, осуществлением надзора за эвакуированными и прибывавшими из временно оккупированных западных территорий группами населения; работа в местах лишения свободы и концентрации военнопленных и интернированных лиц; деятельность по обеспечению безопасности воинских и военизированных формирований и учреждений, дислоцировавшихся на территории Дальнего Востока. Выявлением и розыском кадровых разведчиков и агентов спецслужб противника с июля 1941 года занимались сотрудники 2-го (контрразведывательного) управления НКВД—НКГБ СССР и соответствующих подразделений территориальных органов, а также военной контрразведки (Управление особых отделов НКВД—ГУКР «Смерш» НКО СССР) и 1-го спецотдела НКВД СССР[55].

В выявлении вражеской агентуры активно участвовали средства радиоперехвата. За годы Великой Отечественной войны сотрудниками РКС было определено местонахождение 1078 агентов с радиостанциями, переброшенных разведками противника в тыл РККА. Из них задержан 631 агент и 28 вернулись по выполнении задания. При этом спецслужбы Японии перебросили 3 агентурные радиостанции, из которых все три были захвачены[56].

Экономические отделы органов госбезопасности на Дальнем Востоке обеспечили охрану и контрразведывательную защиту важнейших объектов экономики, провели тотальную проверку работников оборонных отраслей промышленности, удалили с предприятий политически и социально неблагонадёжных лиц, осуществили действенный контроль пропускного режима на объектах оборонных отраслей экономики. Благодаря этому спецслужбы противника не провели в регионе ни одной диверсии на промышленных предприятиях, объектах оборонного значения, транспорте и в местах дислокации воинских частей как накануне, так и в годы Великой Отечественной войны[57]. При этом для отражения приблизительного «объёма работы» органов госбезопасности следует указать, что «к началу 1945 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 1585 предприятий крупной и 7703 — мелкой промышленности, в т.ч. в Приморском крае соответственно 487 и 1673, Хабаровском — 1098 и 4445»[58].

Региональные органы разведки и контрразведки сыграли большую роль в развитии партизанского движения для действий в тылу противника. С учётом предложений УНКГБ СССР по Хабаровскому краю и в соответствии с приказом НКГБ № 00260 от 4 июля 1941 года в середине июля в регионы Дальнего Востока, в т.ч. в Хабаровск, была направлена оперативная



Войска японской армии вступают в Пекин

группа в количестве 32 человек, сформированная из работников 1-го, 2-го и 3-го управлений НКГБ СССР, для оказания практической помощи в организации и проведении агентурно-оперативных мероприятий на случай нападения Японии на советский Дальний Восток. В течение двух с половиной месяцев Хабаровским управлением совместно с работниками опергруппы центрального аппарата были сформированы 14 диверсионных (128 человек) и 17 разведывательных (55 человек) групп. Четыре группы в количестве 10 человек со специальными заданиями были переброшены за р. Амур[59].

Руководство Хабаровского управления вышло в наркомат с предложением о подготовке кадров для диверсионной работы на территории края. Вскоре, 20 января 1942 года, на случай военных действий в Хабаровске была организована специальная школа подготовки специалистов для разведывательной и контрразведывательной работы с месячным сроком обучения. Учебное заведение было рассчитано на десять выпусков по 100 человек в каждом. Его разместили недалеко от города, на базе одного из пионерских лагерей. В итоге в «Школе партизан» прошли подготовку около 700 человек. Часть выпускников направилась на запад для борьбы в тылу гитлеровских войск.

Всего за годы войны на Дальнем Востоке были сформированы 173 партизанских отряда общей численностью более 6600 человек. Личный состав отрядов прошёл специальную подготовку по подрывному делу, рукопашному бою, тактике и т.д. В целях укрепления кадров партизан в состав отрядов были включены 717 участников партизанского движения 1918—1922 гг.[60] В диверсионных и разведывательных операциях против КГВ в Маньчжурии также активно использовались представители малых народов, проживавших на берегах р. Амур, которые (Л. Бельды, П. Киле, Д. Ходжер и др.) проходили подготовку в школе военной разведки в с. Поярково Амурской области[61].

В соответствии с решением ГКО на Дальнем Востоке создавались истребительные подразделения по административно-территориальному признаку и оперативно-боевой целесообразности для охраны и обороны тыла. Начальники территориальных управлений и самостоятельных подразделений госбезопасности осенью 1941 года получили указание связаться с командирами пограничных отрядов и «оказывать всякую помощь по комплектованию, обучению и сколачиванию истребительных батальонов»[62].

Основной задачей истребительных батальонов являлось отражение возможных диверсионных действий противника в тылу в военное время. Такие батальоны были созданы во всех основных дальневосточных населённых пунктах: Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Советской Гавани и т.д.

Органы госбезопасности на Дальнем Востоке старались действовать на упреждение противника и пресекали сбор сведений об СССР, активное использование японской стороной идеологических диверсий, приёмов психологического давления, склонения военнослужащих и гражданских лиц к сотрудничеству или бегству на территорию Маньчжоу-Ди-Го, а также препятствовали организации «бандитско-повстанческой деятельности в советских приграничных районах»[63].

Агенты и осведомители разоблачались и перевербовывались для розыска шпионов противника, ограждения военных и промышленных объектов, железнодорожного и водного транспорта от проникновения на них диверсантов и террористов. Органы госбезопасности широко практиковали вербовку розыскных агентов среди работников железнодорожных и речных вокзалов, камер хранения, комнат отдыха, санпропускников и военно-продовольственных пунктов, справочных бюро, буфетов, парикмахерских, ресторанов, проводников поездов и т.д.[64]

В выявлении и разоблачении вражеских агентов большую роль играла служба документальной техники. Её сотрудники разработали характерные признаки фиктивности документов, которыми снабжались агенты противника. Служба документальной техники с помощью экспертиз помогала органам госбезопасности выявлять агентов противника, снабжённых подложными документами, а также обеспечивала собственных сотрудников и агентов, перебрасывавшихся за линию фронта, качественными документами прикрытия и средствами тайнописи[65].

В результате проведённых органами госбезопасности и пограничниками Хабаровского края мероприятий за период Великой Отечественной войны были арестованы 3813 человек, из которых в качестве агентуры противника разоблачены 416 человек (393 японских агента из числа нарушителей государственной границы). За аналогичный период УНКГБ СССР по Читинской области и пограничниками Забайкальского округа арестованы 2004 человека, из которых в качестве агентуры японских спецслужб разоблачены 255 человек[66]. В Приморском крае из 147 лиц, арестованных за шпионаж, 139 являлись нарушителями границы, которые были разоблачены как японские агенты[67].

Из вышеизложенного следует вывод, что органы госбезопасности в Дальневосточном регионе СССР, своевременно реагируя на изменения военно-политической обстановки, успешно осуществляли разведывательную и контрразведывательную деятельность, предупреждали диверсии в армии, на флоте, промышленных объектах и транспорте, в районах, готовившихся стать линией фронта, участвовали в подготовке кадров. Тем самым они внесли весомый вклад в победу советского народа. На полях сражений и в тайной борьбе в тылу врага сотрудники гос-

безопасности самоотверженно выполняли свой патриотический долг, отстаивая свободу и независимость нашей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года // История Дальнего Востока России / Под общ. ред. В.Л. Ларина. Т. 3. Кн. 2. Владивосток, 2018. С. 586.

[2] См.: *Луань Ц., Сюй Ч.* Важный фронт всемирной антифашистской войны — война китайского народа против японских захватчиков // Партитура Второй мировой: гроза на Востоке / Авт.-сост. А.А. Кошкин. М., 2010. С. 132, 133, 139, 154; *Гуансюань Ж.* История не должна быть забыта // Последняя точка Второй мировой: материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 54.

[3] *Кошкин А.А.* Сполохи войны на Дальнем Востоке // 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 295, 296; Год кризиса, 1938—1939: документы и материалы в 2 т. Т. 1. (29 сентября 1938 — 31 мая 1939 г.). М., 1990. С. 233, 234; Т. 2. (2 июня 1939 — 4 сентября 1939 г.) М., 1990. С. 122, 382, 383; *Кошкин А.А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 170.

[4] Дальний Восток России в эпоху советской модернизации... С. 577.

[5] *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002. С. 23.

[6] Имеется в виду пакт о нейтралитете СССР и Японии от 13 апреля 1941 г.

[7] Известный также как Пакт трёх держав 1940 г., Берлинский пакт 1940 г. — договор между Германией, Италией и Японией, оформивший союз этих государств, направленный на дальнейшее развёртывание агрессии и расширение Второй мировой войны. Позднее наряду с другими государствами к пакту присоединились правительства Маньчжоу-Ди-Го и Ван Цзин-Вэя в Китае.

[8] Цит. по: *Песков В.М.* Дальний Восток в японо-советско-германских отношениях в 30-е — начале 40-х годов XX века. Хабаровск, 2001. С. 13.

[9] Цит. по: *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио. М., 1984. С. 207; *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 151.

[10] *Зимонин В.П.* Указ. соч. С. 130.

[11] Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. 3. Первый период войны. М., 1958. С. 379, 380.

[12] *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 159, 161; *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М., 1989. С. 100; А. Гитлер усиливал давление на японского союзника и в дальнейшем. Об этом, в частности, говорили данные китайской разведки от 25 февраля и 4 марта 1942 г., а также надёжный источник в госдепартаменте США в марте 1943 г. См.: *Байдаков А.И.* Девятый вал. Победа над Японией // История российской внешней разведки: очерки в 6 т. Т. IV. 1941—1945 гг. М., 2014. С. 517; Сообщение резидентуры из Нью-Йорка от 10 марта 1943 г. // История российской внешней разведки. Т. IV. С. 599—600; *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 59, 60; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 310, 311.

[13] *Песков В.М.* Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск, 2000. С. 335.

[14] Подробнее см.: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»... С. 94—117, 139—156; *он же.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски: почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 217—224.

[15] *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Сокр. пер. с яп. М., 1955. С. 239; *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1964. С. 38.

[16] Использование тихоокеанских маршрутов для ленд-лиза было сопряжено с огромным риском. Несмотря на существование советско-японского пакта о нейтралитете, союзница гитлеровской Германии Япония закрыла для прохода советских судов незамерзающий Сангарский пролив. Другой незамерзающий пролив — Корейский — был под контролем японских ВМС. Первый Курильский пролив контролировался японскими военными с о. Шумшу, пролив Лаперуза полностью «просматривался» береговой охраной Японии. Оба эти пролива зимой замерзали. Наиболее важные с военно-стратегической точки зрения грузы приходилось пропускать через также замерзающий мелководный Татарский пролив. Это вынуждало частично разгружать крупнотоннажные суда в Петропавловске-Камчатском. Шедшие под советским флагом суда подвергались досмотрам со стороны японских береговых служб, задерживались ими и кораблями ВМС, а некоторые потоплялись подводными лодками и самолётами. В 1941—1944 гг. 178 советских судов были задержаны, причём некоторые из них на два и более месяца. Подробнее см.: Краснознамённый Тихоокеанский флот. 3-е изд., испр., доп. М., 1981. С. 135—138.

[17] Вблизи дальневосточных границ СССР советское руководство вынужденно сосредоточивало от 32 до 59 расчётных дивизий Сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад Войск ПВО. По состоянию на 1 декабря 1941 г. в готовности к отражению возможного японского нападения из 5 493 000 человек общего состава Вооружённых сил СССР на Дальнем Востоке и у южных границ находились 1 568 000, или свыше 28 проц. Из 4495 танков, имевшихся на вооружении РККА в тот период, на Дальнем Востоке и у южных границ находился 2541 танк, из 5274 самолётов там оставалось более половины — 2951 самолёт. См.: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны». М., 1975. С. 272; *Авдеев В.А. [и др.]* Военная история Отечества с древнейших времён до наших дней в 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 394.

[18] Цит. по: *Кузьминков В.В.* Советско-японский пакт о нейтралитете в японской историографии // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия: [сборник статей]. М., 2016. С. 32.

[19] Подробнее см: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»... С. 101—111; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов в 7 т. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 201—203; *Мозохин О.Б.* Противоборство: спецслужбы СССР и Японии (1918—1945). М., 2012. С. 426, 427.

[20] *Залесский К.А.* Кто есть кто во Второй мировой войне: Германия и союзники. М., 2010. С. 238.

[21] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. С. 592.

[22] *Гольдберг Д.И.* Указ. соч. С. 152, 169.

[23] *Зимонин В.П.* Указ. соч. С. 24.

[24] Всего, по подсчётам доктора исторических наук К.Е. Черевко, с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. из состава советских сухопутных войск с Дальнего Востока и Забайкалья на Запад были переброшены 34 дивизии, 19 бригад и 8 отдельных полков. Их общая численность составила 344 676 человек. См.: *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 290, 291. При этом только ДВФ передал в действующую армию 23 дивизии и 19 бригад общей численностью свыше 250 тыс. человек. См.: *Лазарев С.Е.* «На западе или на Востоке я буду сражаться неустрашимо...»: И.Р. Апанасенко — генерал «с неуживчивым характером» // Воен.-истор. журнал. 2017. № 10. С. 75. В свою очередь Тихоокеанский флот и Амурская Краснознамённая военная флотилия передали 153 тыс. человек (143 400 и 9500 соответственно). См.: *Исаев С.* Вклад войск Дальнего Востока в разгром немецко-фашистских захватчиков // Воен.-истор. журнал. 1979. № 8. С. 76; *Цветков И.Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-морского флота России (1695—1945). СПб., 2000. С. 652.

[25] *Антонов В.С.* Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 184; *Антонов В.С., Карпов В.Н.* Тайные информаторы Кремля: очерки о советских разведчиках. М., 2011. С. 108; *Грачёв А.В., Ципкин Ю.Н.* Чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Хабаровск, 2015. С. 40.

[26] *Макаров В.Г.* Борьба радиоконтрразведки НКГБ СССР с подрывной деятельностью противника в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. М., 2017. С. 230.

[27] *Ларин Д.А.* Секретный код Страны восходящего солнца. Криптографическое противостояние на дальневосточных рубежах // ФСБ: за и против. 2018. № 4. С. 61; *Кондрашов В.В.* Военные разведки во Второй мировой войне. М., 2014. С. 256.

[28] История российской внешней разведки. Т. IV. С. 542, 543; *Байдаков А.И.* Указ. соч. С. 517.

[29] *Коровин В.В.* Указ. соч. С. 32; *Максимов А.Б.* Перемирие между СССР и Третьим рейхом, или «Мценская инициатива» Сталина. М., 2016.

[30] *Кондрашов В.В.* Указ. соч. С. 193.

[31] Там же. С. 324.

[32] Подробнее см.: *Кошкин А.А.* Россия и Япония: узлы противоречий. С. 259—272.

[33] *Песков В.М.* Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. С. 335; *Чумаков Н.С.* Цена истины. Хабаровск, 2009. С. 190; Честь и верность: 70 лет военной контрразведки Тихоокеанского флота / Сост. А.В. Полутов. Владивосток, 2002. С. 143.

[34] Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш»: 1939 — март 1946: Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2006. С. 522.

[35] Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939—1945. М., 1995. С. 328.

[36] *Байдаков А.И.* Указ. соч. С. 514.

[37] *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011. С. 315. Данные о численности арестованных и осуждённых в годы Великой Отечественной войны за различные виды преступлений, в т.ч. как агенты иностранных спецслужб, приведённые в архивных документах того времени, необходимо проверять, т.к. более половины из общего числа лиц, приговорённых к различным видам наказания в военные годы, были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступлений.

[38] *Галицкий В.П.* Японские спецслужбы и их роль в подготовке Японии к войне с Советским Союзом в XX веке: итоги и уроки // Исторические чтения на Лубянке: органы обеспечения государственной безопасности России в период до начала Второй мировой войны. Ч. 1. 2014. М., 2015. С. 174, 180.

[39] «Помимо этого большую работу японцы проводили среди различных сепаратистских групп Украины, Кавказа и Средней Азии. Военный атташе во Франции, например, вёл переговоры с группой УНР (Шульгин) о совместных действиях в районах ДВК [Дальневосточного края], заселённых украинцами (Зеленый Клин). Военный атташе в Польше устанавливал связи с украинскими, кавказскими и татарскими сепаратистами». Цит. по: *Мозохин О.Б.* Сталин и органы государственной безопасности. М., 2017. С. 283. См. также: *Хаустов В.Н., Плотникова Н.С.* Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности // Государственная безопасность России: история и современность / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М., 2004. С. 540.

[40] Подробнее см.: Честь и верность... С. 135—137.

[41] Денежная единица Маньчжоу-Ди-Го, была окончательно введена 1 июля 1934 г., до этого разрешался оборот разных валют.

[42] Если в 1941 г. чрезвычайные военные расходы Японии составили 11,673 млрд иен (61 проц. по отношению ко всем расходам страны), то в 1945 г. — 85 млрд иен (85 проц. соответственно). См.: *Лукьянова М.И.* Японские монополии во время Второй мировой войны. М., 1953. С. 176—181; *Хаттори Т.* Япония в войне 1941—1945 гг. СПб., 2000. С. 863; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 119, 120.

[43] Честь и верность... С. 143. Подробнее о разведывательно-диверсионном обеспечении плана «Кантокуэн» см.: *Ямпольский В.П.* Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918—1945) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006. С. 185—187; *Галицкий В.П.* Указ. соч. С. 174, 175.

[44] Подробнее см.: *Хохлов Д.Ю.* Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте // Великая Отечественная война. Т. 2. 1942 год. М., 2012. С. 155—172; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Т. 6. С. 774, 775.

[45] С ноября 1936 г. после присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту Рим также рассматривался советским руководством как потенциальный союзник Германии и Японии в возможной войне против СССР. Тогда же перед внешней разведкой была поставлена задача отслеживания внешнеполитических шагов и планов Италии в отношении нашей страны, её совместных с Германией и Японией акций на международной арене, добывания через итальянцев сведений об агрессивных намерениях Германии и Японии против СССР. См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Т. 6. С. 47, 90.

[46] *Кедров Ю.Л.* Большие заботы резидента А.С. Панюшкина // История российской внешней разведки. Т. IV. С. 356, 359, 360, 361.

[47] *Глунин В.И. [и др.]* Новейшая история Китая (1917—1970). М., 1972. С. 211.

[48] Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 78. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

[49] *Байдаков А.И.* Указ. соч. С. 520.

[50] *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски... С. 216; *Кондрашов В.В.* Указ. соч. С. 193, 354.

[51] Подробнее см.: *Мозохин О.Б.* Противоборство... С. 427. То же в собственноручных показаниях от 23 марта 1946 г. повторил военнопленный бывший второй заместитель начальника штаба КГВ генерал-майор Т. Мацумура. См.: там же. С. 397; *Авдеев В.А. [и др.]* Указ. соч. Т. 2. С. 394.

[52] Подробнее см.: *Кошкин А.А.* Японский козырь Сталина: от Цусимы до Хиросимы. М., 2012. С. 303, 304, 327; *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: сборник статей и материалов. М., 2013. С. 578; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. Победа (1 января — 9 мая 1945 г.). М., 2014. С. 498, 499.

[53] Подробнее см.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 940. Л. 176—178; История российской внешней разведки. Т. IV. С. 590, 591.

[54] *Даллес А.* Искусство разведки / Пер. с англ. с сокр. М., 1992. С. 123.

[55] Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш»... С. 306—308, 372—375.

[56] 85 лет. Федеральная служба безопасности России. Региональное управление по Читинской области / Авт.-сост. Л.И. Ходакова. Чита, 2004. С. 46; *Макаров В.Г.* Указ. соч. С. 236.

[57] *Долгополов Ю.Б.* Война без линии фронта. М., 1981. С. 114; *Хаустов В.Н.* Некоторые проблемы деятельности органов госбезопасности в 1920—1930-е годы // Исторические чтения на Лубянке: 1999 год: отечественные спецслужбы в 20—30-е годы. М.; Великий Новгород, 2000. С. 62; Оперативные игры чекистов // Тихоокеанская звезда. 2009. 30 января; *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики, 1941—1945 гг.: на архивных материалах. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Бишкек, 2009. С. 8, 25; *Бессонов А.В.* Управление НКГБ — НКВД в годы Великой Отечественной войны // Хабаровские чекисты: история в документах и судьбах / Авт.-сост. А.С. Колесников. Хабаровск, 2011. С. 107.

[58] *Ткачёва Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Дисс. ... докт. истор. наук. Владивосток, 2012. С. 132.

[59] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 120.

[60] *Крюков И.В.* Подготовка боевых резервов на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной войны и на завершающем этапе Второй мировой войны (июнь 1941 — сентябрь 1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2013. С. 21.

[61] ЦА ФСБ России. Ф. 90. Оп. 3. Д. 304. Т. 1. Л. 36; См. также: *Бельды М.* Найхинцы — земляки, фронтовики, герои // Записки Гродековского музея. Вып. 11. Хабаровск, 2005. С. 41—47; *Ходжер Г.Г.* Четвёртый шпион из Верхнего Нергена // Тихоокеанская Звезда. 1995. 9 августа; *Петров В.В.* Якутяне — одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне. Якутск, 2008.

[62] Цит по: *Дмитриева Е.В.* Об организации и деятельности истребительных батальонов Управления НКВД Еврейской автономной области в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: по документам ОГБУ «Госархив ЕАО» // Во имя Победы: Еврейская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: материалы областной научно-практической конференции. Биробиджан, 2010. Интернет-ресурс: http://bounb.eao.ru (дата обращения: 23 октября 2017 г.).

[63] *Ямпольский В.П.* «Наша контрразведка в Маньчжурии почти равна нулю» // Воен.-истор. журнал. 2002. № 3. С. 13.

[64] История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 353, 354. Интернет-ресурс: https://sites.fas.harvard.edu (дата обращения: 10 марта 2010 г.).

[65] *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч: руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб., 2002. С. 511.

[66] ЦА ФСБ России. Ф. 90. Оп. 3. Д. 304. Т. 1. Л. 17, 37; Ф. 73. Д. 30. Л. 1.

[67] *Шинин О.В.* Противодействие разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб против СССР в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. С. 160. ■

Ужин на двоих : «Мама совсем голодная, мне отдает, а я ей...» / подготовила В. Черенева. - Текст : непосредственный // Документы Победы. - 2020. - № 2. - С. 10-12. - (специальный выпуск-приложение журнала «Родина»).

УЖИН НА ДВОИХ

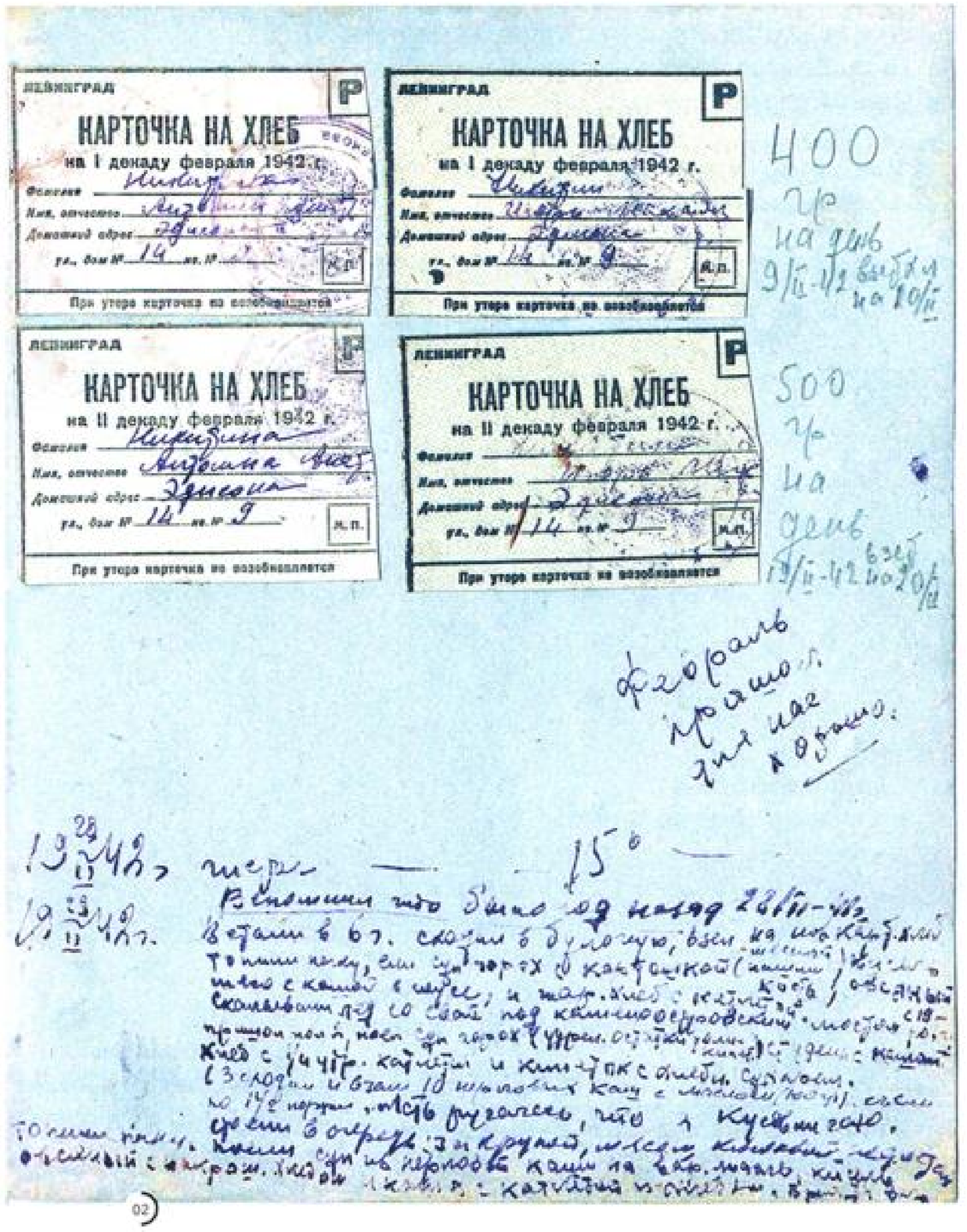
«МАМА СОВСЕМ ГОЛОДНАЯ, МНЕ ОТДАЕТ, А Я ЕЙ...»

01

16-летний ленинградец Игорь Никитин жил с матерью в отдельной квартире по улице Эдисона на Петроградской стороне (ныне улица Яблочкова). Мать работала на электромеханическом заводе. Отец умер от туберкулеза, когда сыну было 12 лет. В мае 1941 года Игорь окончил восьмой класс.

В девятый он не пошел. По совету матери устроился на тот же завод фрезеровщиком. Это спасло Игорю жизнь: паек для рабочих был выше, чем для детей или иждивенцев.

Дневник Игоря Никитина хранится в Музее обороны и блокады Ленинграда. Выдержки из него публикуются впервые.



02

8

8 сентября 1941 года.

Над Ленинградом сомкнулось кольцо блокады. Но город обсуждает не это, а пожар на Бадаевских складах. Там хранилось несколько тысяч тонн муки и сахара. *«...вижу бел.облако, потом черный дым — стало заволакивать все небо. Кончилась тревога без 10 минут 8, и я на трамвае поехал... Вдруг вижу горят в 3-х местах по-моему товарные склады...Бадаевские склады»*.*

Там хранилось несколько тысяч тонн муки и сахара. Через два с половиной месяца Игорь с двумя друзьями приедут на Бадаевское пепелище. *«Набрать ничего не удалось, немного привез патоки, отстоялась, грязь осела».* С этой патокой Игорь с матерью еще долго пили чай. К тому моменту они уже прекрасно знали, что такое голод. Впервые это слово прозвучало в дневнике 13 ноября.

*Орфография и пунктуация Игоря Никитина сохранены.

13 ноября.

Норма выдачи хлеба для рабочих уменьшалась до 300 граммов.

«Хлеба теперь 300, но масло животное больше не дают. Вот теперь будет голод. Лег спать пол 9, встал в 11. Ходили в кино «Человек из ресторана», застали тревогу и пришли потом все в убежище, мать меня ругала, что не пришел вовремя и не поели. Пришел пол 8-го, мама только вынула из печки горшочек и (он) разбился с едой, кашей рисовой. Ели с полу».

21 ноября.

Рабочих завода в столовой кормили «зелеными щами» — кипятком с несколькими капустными листьями. *«Мама совсем голодает, мне отдает, а я ей, кой-как пока живём».*

25 ноября.

Семейный ужин со щами на обойном клее. Его добавляли, чтобы хоть как-то загустить кипяток с листьями капусты.

«Мы ещё пока едим кой-чего, а другие уже редко едят, умирают. А у нас пока есть капустных листьев кило полтора и что другое, да ещё когда приношу со столовой поедим. А если бы я не приехал, то мама как бы тут: без дров, без пищи и одной».

30 ноября 1941.

«Люди, да и мы тоже хотели найти и убить кошку и съесть, но на улице их уже мало. Когда горит свет, как-то лучше. А когда не горит, сидишь при свечках в темноте с забитыми окнами без воздуха не проветривания — куда. Да, дурак был, что не ел все, что можно, а только вкусное, а сейчас только было бы все съел бы. Мама на работе с 8, придет в 5. В магазине ничего не достать...»

1 декабря.

Никитины впервые за много недель поели досыта. В гости пришел Ося, так Игорь называл отчима Иосифа Ковалевского. Ося принес дуранду — отходы от переработки муки. Подаренный жмых Никитины ели до 7 декабря.

14 декабря.

«У нас в доме умер с голода Погорельский Миша из 5го номера».

19 декабря.

Никитины провели инвентаризацию своих продуктовых запасов.

«Что у нас есть на сегодняшний день дома из еды: маку гр 100, крупа овсян. 250 гр и риса 150 гр капусты немного какао гр 150 и то, что я могу принести из столовой. Ещё есть пачка кофэ. 500 гр подсл.масла и клей для обоев гр 400 и пачка клея для обоев, соли 2 кг, перец 2 пакета».

На следующий день он получил на работе два выговора: строгий и обычный. Первый за то, что опоздал на 10 минут на 12-часовую смену, второй — за сон на рабочем месте.

25 декабря.

Радостное событие: норма хлеба рабочим увеличена до 350 граммов. И сказочное рождественское событие: *«Мы уже 20 дней не ели ничего сладкого, на рынке не купить за деньги, а в магазине по карточкам не дают, а так хочется сладкого, хотя бы одну конфетку взять с чаем для праздника Рождества и все в таком настроении. и все в таком настроении. Пошел в магазин и я увидел на прилавке брошенный картуз и случайно меня потянуло взять картуз в руки, и я нашел там конфетку «конек-горбунок» (соевая), у меня не было радости, я удивлялся. Рок, судьба, провидение или Бог мне посчастливилось для праздника РХ найти конфетку».*

ЧТО У НАС ЕСТЬ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ИЗ ЕДЫ: МАКУ гр 100, КРУПА ОВСЯН 250 гр И РИСА 150 гр, КАПУСТЫ НЕМНОГО, КАКАО гр 150, ЕЩЕ ЕСТЬ ПАЧКА КОФЭ 500 гр И КЛЕЙ ДЛЯ ОБОЕВ гр 400...

31 декабря.

«Последний день 1941 года. Легли спать пораньше. Спим под двумя одеялами . И хочется есть, а ляжешь — не так хочется. Воды нет, окна все забиты, одна форточка. Ну ладно, с новым 1942 годом...и хочется есть...что будет через год если будем живы».

°1–3
Игорь Никитин и фрагменты его блокадного дневника.

В начале января Игорь заболел. Мать с сыном доели последние щавелевые листья. Начались голодные обмороки. С 7 января Игорь не смог сам вести дневник. За него писала мама Антонина Анатольевна.

7 января 1942 года.

«Вчера вечером ходила в церковь, как приятно мирно делается на душе, сегодня утром топила печку и поставила Игорю горчичник, ходила в столовую... Игорь не хочет есть, просит книжек или чего соленого, у него нет аппетита. О как тяжело это все переживать. Переживет ли он рождество. 5 ч вечера, а какое убийственное настроение... сегодня увидела себя в зеркало, уже начинает пухнуть лицо».

Антонина Анатольевна ищет любые способы спасти себя и сына.

25 января.

Мать обратила внимание на стоящее дома чучело лося. Когда-то на охоте лося подстрелил ее отец. Из копыт получилось четыре тарелки студня. Мать с сыном ели его несколько дней. Игорь стал выздоравливать. В дневник он снова пишет сам.

6 февраля.

«Теперь и мы переходим на два раза в день есть, утром и вечером, днём хлеба кусочек. Мы все ещё пока до этого времени ели три раза».

11 февраля.

В Ленинграде повысили продуктовые нормы. Рабочим теперь выдают 500 граммов хлеба ежедневно, служащим — 400 граммов, иждивенцам — 300.

12 февраля.

Игоря начинают по линии райкома привлекать к погрузке тел погибших на кладбище. В первый день он получил 200-граммовый ломоть хлеба и 50 граммов водки. На кладбище ездил еще несколько раз.

28 февраля.

«Февраль прошел для нас хорошо».

1 марта.

«Пришел домой, с мамой выпили сладкого кипяточку, маме дал 1 кусок сухаря, она пила и поперхнулась и говорит, «что я пожалел сухаря», она этим меня обидела и я заплакал».

25 апреля.

«Встали пол 7го, сходили в булочную, сварили на примусе обед, поймали и съели крысу...съел хлеба 250 гр, а остальное отдал маме спрятать, чтобы не съесть, взял кусок хлеба с собой».

28 апреля.

«Мама получила 900 гр баранины...ел мясо сырое, жирную баранину...»

30 мая.

«Жизнь в гор. Ленина восстанавливается, восстанавливается и с продуктами. Всё-таки летом лучше, чем зимой».

2 июня.

Игорь вместе со своим другом Потемкиным пошел в кино, смотрели фильм «Свинарка и пастух».

04

В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА 17-ЛЕТНИЙ ИГОРЬ УШЕЛ НА ФРОНТ. ДЕМОБИЛИЗОВАЛСЯ В 1945-м. ВЕРНУЛСЯ В ЛЕНИНГРАД. НА ВОКЗАЛЕ ЕГО ЖДАЛА МАМА. ОНА ВЫЖИЛА

05

06

«После окончания фильма я ему отдал билеты, а он говорит, дал бы конфету. И мы уговорились, пожали руки, что если будем живы, то через год встретимся опять, или здесь, или где-нибудь и угостим друг друга».

Встреча друзей не состоялась. В январе 1943 года Игорь Никитин в возрасте 17 лет ушел на фронт. Был артиллеристом во 2-й ударной армии, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Был ранен в ногу. Демобилизовался в 1945-м. Вернулся в Ленинград. На вокзале его ждала мама. Она выжила.

Подготовила Вера Черенева

°4
Хлебная карточка Антонины Никитиной.

°5, 6
Шкурка мыши, вложенная в дневник Игоря, и обертка от конфеты, которую он нашел 25 декабря 1941 года.

Редакция журнала «Родина» благодарит заведующую научно-просветительским отделом Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Юлию Буянову и руководителя пресс-службы музея Светлану Костышину за предоставленные материалы.

Хахалкина, Е. В. «Звездный час» посла И. М. Майского (июнь 1941 г. - июль 1943 г.) / Е. В. Хахалкина, Б. С. Жигалов. - Текст : непосредственный // Вопросы истории. - 2019. - № 12 (2). - С. 27-43.

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi24 УДК94(100) 1939/43

«Звездный час» посла И.М. Майского (июнь 1941 г. — июль 1943 г.)

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов

Аннотация. Данная публикация посвящена анализу роли Ивана Михайловича Майского, чрезвычайного и полномочного советского посла в Лондоне (1932—1943 гг.), в сближении СССР и Великобритании в начальный период Великой Отечественной войны и складывания Антигитлеровской коалиции. Авторы, опираясь на материалы рассекреченного в начале 2000-х гг. «Дневника дипломата» И.М. Майского и другие документы показывают, каким образом происходила выработка внешнеполитического курса в Великобритании в условиях войны и выравнивание советско-британских отношений.

Ключевые слова: И.М. Майский, У. Черчилль, И.В. Сталин, советско-британские отношения, второй фронт.

Abstract. This publication is devoted to the analysis of the role of Ivan Maisky, the Soviet Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary in London (1932—1943), in bringing the USSR and Britain closer in the initial period of the Great Patriotic War and the formation of the Anti-Hitler coalition. The authors, based on the materials declassified in the early 2000s "Diary of a Diplomat" I.M. Maisky and other documents show how the development of foreign policy in Great Britain took place in the context of war and the alignment of Soviet-British relations.

Key words: I.M. Maisky, W. Churchill, I.V. Stalin, Soviet-British relations, Second Front.

В декабре 1967 г. торжественно отмечалось 50-летие МИД СССР. На собрании в Кремлевском Дворце съездов в присутствии руководителей партии и государства во главе с Л.И. Брежневым с докладом выступил министр иностранных дел А.А. Громыко. Он говорил о внешнеполитических успехах СССР и социалистического лагеря в послевоенный период, упомянув при этом имена первых советских дипломатов (от Г.В. Чичерина до А.М. Коллонтай). Но в этой «обойме» не был назван обычно присутствовавший в ней И.М. Майский. Более того, его, последнего из

Хахалкина Елена Владимировна — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru; *Жигалов Борис Степанович* — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kev394@rambler.ru.

Khakhalkina Elena V. — doctor of historical sciences, professor at the National Research Tomsk State University. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru; *Zigalov Boris S.* — candidate of historical sciences, associate professor at the National Research Tomsk State University. E-mail: kev394@rambler.ru.

оставшихся в живых дипломатов «чичеринского призыва», вообще не пригласили на эти торжества. Тогда же руководство МИД всячески тормозило публикацию дипломатических мемуаров Майского. Хотя сам автор доказывал А. А. Громыко: «Мои мемуары являются энергичной и обоснованной защитой Советской внешней политики и острым разоблачением различных западных фальсификаций о ней» [1].

В контексте этих событий становится понятным неучастие МИД в проводимых АН СССР чествованиях академика И. М. Майского в связи с его 80-, 85- и 90-летием со дня рождения. Дипломатическое ведомство СССР отторгло своего ветерана, проработавшего в этой системе почти четверть века.

Но еще сравнительно недавно Майский был «послом № 1» среди советских дипломатов. Он находился в центре формирования Антигитлеровской коалиции, с ним вел личную переписку И. В. Сталин. Работа в Лондоне в годы Великой Отечественной войны явилась вершиной в дипломатической карьере Майского, его «звездным часом» [2].

Иван Михайлович Майский (Ян Ляховецкий) был на дипломатической работе с февраля 1922 по январь 1947 г. с небольшими перерывами. В 1920-е гг., в период конфликтных отношений между руководителями НКИД Чичериным и М. М. Литвиновым Майский считался «человеком Литвинова». Действительно, в огромном эпистолярном наследии Майского именно Литвинов стоит на первом месте среди адресатов. Майский, несмотря на свое меньшевистское прошлое, при поддержке Литвинова сделал успешную карьеру: советник полпредства в Лондоне, советник в Токио, полпред в Финляндии, полпред/посол в Лондоне, участник работы Лиги наций.

Но отставка Литвинова и поворот СССР в сторону сближения с нацистской Германией сказались на положении Майского. Полпредство в Лондоне оказалось на периферии внимания руководства НКИД. Майский не участвовал в тройственных переговорах весной-летом 1939 г., о многих важных событиях он узнавал из сообщений британских СМИ.

Традиционно прохладные отношения Лондона и Москвы в 1939—1940 гг. оказались на предельно низком уровне, особенно в период советско-финской войны. Это тревожило Майского. 25 января 1940 г. он написал Молотову: «… в настоящий момент состояние англо-советских отношений должно быть признано опасным» [3].

Ситуация стала меняться в связи с ходом второй мировой войны. Разгром Франции и угроза высадки противника на британском берегу заставили правящие круги Англии менять внешнеполитические приоритеты.

10 мая 1940 г. было создано новое коалиционное правительство во главе с У. Черчиллем. За доверие новому кабинету в парламенте единодушно проголосовали все депутаты. А. Иден стал министром иностранных дел. 23 мая 1940 г. Майский сообщил в НКИД: «… теперь с образованием нового правительства наступает новая полоса в отношениях Англии и СССР, новое правительство действительно хочет начать переговоры снова и уж совсем иначе» [4]. Менялось и отношение к советским дипломатам: «Иден стал настойчиво меня просить почаще у него бывать и приходить не только по каким-то конкретным делам, но также тогда, когда таких конкретных дел у меня нет» [5].

31 мая 1940 г. новым британским послом в СССР стал С. Криппс, видный политический деятель Англии, лейборист. 1 июля его принял Сталин, беседа продолжалась более двух часов. Криппс направил в Лондон семь телеграмм с изложением содержания этой беседы.

Но в НКИД не сочли нужным информировать посольство в Лондоне об этой встрече. Поэтому 3 июля Майский в телеграмме в НКИД жаловался, что во время встречи с Черчиллем «попал в довольно затруднительное положение, так как ничего не знал… о свидании Криппса с товарищем Сталиным» [6]. Молотов лишь 13 июля направил Майскому «ориентировку» относительно содержания беседы Сталина и Криппса. В тот же день он проинформировал об этой встрече германского посла Шуленбурга, как бы уравнивая советского посла с германским.

Находясь в Лондоне, Майский отслеживает ситуацию в воюющей Европе. Он констатировал, что германские планы вторжения через Ла-Манш «сорвались». Но нет и речи о мире. Война будет продолжаться. Но одной Англии войны не выиграть. И «сейчас вся энергия британского правительства (и лично Черчилля) направлены на отыскание “союзника”. Конкретно стоит вопрос о США. В более отдаленной перспективе англичане мечтают также об СССР как о “союзнике”». Такое сообщение направил Майский 3 ноября 1940 г. в Москву [7].

Но пока британское правительство было больше обеспокоено развитием отношений СССР и Германии, особенно в связи с визитом В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. В Лондоне считали, что «нейтралитет» СССР является односторонним, благоприятным в отношении Германии и враждебным по отношению к Британии. Молотов поручил Майскому разъяснить британскому правительству мотивы и результаты его визита в Берлин: «Моя поездка в Берлин носила характер ответного визита», «Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать», «Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса». Подчеркивалось, что СССР остается нейтральным [8].

В свою очередь, в Москве опасались вызвать подозрение Берлина о возможном сближении СССР и Великобритании. Поэтому советская сторона отклонила выдвинутую британским правительством идею приезда министра иностранных дел Идена в Москву для участия в двусторонних переговорах. 25 февраля 1941 г. первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский заявил Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР» [9].

11 июня 1941 г. Криппс, назвав свое годичное пребывание в Москве «бесплодным», выехал в Лондон.

Все изменилось в одночасье после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года. Посольство в Лондоне и лично Майский оказались в центре мировой политики, в центре формирования Антигитлеровской коалиции. От имени советского правительства Майский подписывал соглашения об установлении дипотношений с Канадой, Египтом и Голландией, восстановлении отношений с Чехословакией, Норвегией, документы о присоединении СССР к Атлантической хартии и о признании генерала де Голля главой «Свободных французов». Майский блестяще

провел трудные переговоры с генералом Сикорским, главой польского эмигрантского правительства, завершившиеся подписанием 30 июля 1941 г. соглашения о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР.

Но главным в деятельности посла было развитие и укрепление отношений с Англией, единственным тогда фактическим союзником в борьбе с нацистской Германией. Действовал в этом отношении Майский энергично, напористо, иногда выходя за формальные рамки своих полномочий.

Все началось с выступления Черчилля по лондонскому радио вечером 22 июня, когда он заявил, что СССР будет оказана вся необходимая помощь. Эта речь не была экспромтом британского премьера. В подготовке выступления участвовали также Иден, американский посол Вайант и отчасти Майский. Вот как повествует об этом сам Майский: утром 22 июня он выслушал речь Молотова по московскому радио и передал Идену ее основные положения. Иден имел после этого разговор с Черчиллем и последний учел замечания, придав своему выступлению по радио еще более решительную форму, чем это имело место первоначально, подчеркнув непримиримость британского правительства в вопросе о продолжении войны до полной победы над Гитлером [10].

Майскому понравилась эта речь премьер-министра. В своем «Дневнике» он записал: «В основном речь Черчилля боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца! Это как раз то, что сейчас больше всего нужно!» [11]. Он же отмечал большой общественный резонанс и политическое значение этого выступления Черчилля. 26 июня Майский сообщал в НКИД: «… сейчас можно с удовлетворением констатировать, что первый тур в политическом обеспечении войны нами выигран… эффект акции Черчилля огромен в самой Англии, поскольку речь идет как об Англии, так и США» [12]. Это участие советского посла в подготовке речи Черчилля прошло по его собственной инициативе, без каких-либо инструкций из Москвы. И в дальнейшем он нередко будет действовать самостоятельно, получая время от времени замечания от наркома Молотова.

Важным и несомненным достижением Майского как дипломата было инициирование переписки Сталина и Черчилля и поддержание этой переписки в период конфликтов и острых противоречий между двумя лидерами. В этом Майского поддерживал его британский коллега в Москве А.К. Керр.

Постепенно сложилась своеобразная форма передачи Черчиллю посланий Сталина: они поступали в посольство на русском языке, Майский переводил текст на английский и вручал Черчиллю лично (иногда Идену), наблюдая за реакцией импульсивного премьера. Всего за время пребывания в Лондоне Майский передал Черчиллю 58 посланий Сталина. В подготовке этих посланий обычно участвовал Молотов.

Что касается посланий Черчилля, то в Лондоне существовала достаточно сложная процедура подготовки ответов на послания Сталина. Проект ответа, подготовленный Черчиллем, обсуждался на заседании Кабинета, а также на заседании Комитета начальников штабов (КНШ), где вносились, как правило, определенные коррективы. В некоторых слу-

чаях Иден советовался с Майским относительно содержания послания или передавал ему копию послания Черчилля. Так, 18 сентября 1941 г. Иден сообщил Майскому текст очередного письма Черчилля. Посол доложил в Москву: «Прочитав этот ответ, я заявил Идену, что он меня очень разочаровал… Я не сомневаюсь, что подобный ответ произведет неблагоприятное впечатление в Москве. Иден сильно обеспокоился и обещал переговорить по этому поводу с премьером» [15].

Уникальность положения Майского состояла в том, что он был полностью в курсе переписки двух лидеров, зачастую узнавая содержание послания Черчилля раньше, чем сам Сталин. Вождь знал об этом, поскольку Майский доносил в НКИД о всех деталях подготовки посланий, но не высказывал возражений.

Однако у британской стороны было свое мнение по этому вопросу. Явно преувеличивая степень влияния Майского, в Лондоне считали, что именно посол настраивал Сталина на «жесткость» его посланий Черчиллю. Криппс писал в Лондон 26 октября 1941 г.: «Все, что получает Сталин, это версия Майского». У Черчилля также было «предельное недоверие к тому, как Майский передает британскую позицию» [14].

Первое послание Сталина Черчиллю было направлено 18 июля 1941 года. Майский записал в «Дневнике»: «Вчера утром получил “личное послание” Сталина Черчиллю с просьбой перевести его на английский язык и немедленно вручить по назначению» [15]. Из «конспиративных соображений» Майский сам перепечатал текст перевода на машинке.

В этом послании Сталин впервые официально ставил вопрос об открытии второго фронта в Европе. Однако следует подчеркнуть, что эта тема затрагивалась раньше и инициатором был Майский. 28 июня 1941 г. он сообщил в Москву о беседе с Бивербруком. Британский министр и посол говорили о возможности рейдов на французское побережье с захватом таких пунктов как Шербур и Гавр. На следующий день, 29 июня, Молотов, принимая Криппса и ссылаясь на телеграмму Майского, заявил о «желательности» десантов на севере Франции [16]. Затем и последовало упомянутое послание Сталина британскому премьеру.

С этого времени борьба за второй фронт и снабжение Красной армии вооружением по северному маршруту на Мурманск и Архангельск станет главным направлением в деятельности Майского в Лондоне.

В конце июля — первой половине августа 1941 г. Черчилль направил в Москву пять личных посланий Сталину [17]. 26 августа Майский встретился с Иденом и в резкой форме выразил возмущение британской политикой: «В очень широких кругах советского населения все больше возрастают чувства недоумения и разочарования позицией Англии… Англия не открывает второго фронта и в то же время не дает нам самолетов и оружия в сколько-нибудь серьезных количествах… Ведь фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, сколько сочувствующим нам зрителем… » [18]

Содержание своего разговора с Иденом Майский изложил 27 августа в телеграмме в НКИД. Эта акция Майского имела неожиданное продолжение. Отчаянное положение на фронте, угроза падения Москвы и Ленинграда толкнули Сталина на неординарный поступок — помимо НКИД он вступил в личную переписку с послом в Англии.

30 августа Сталин телеграфировал Майскому: «Ваша беседа с Иденом о стратегии Англии полностью отражает настроения советских людей. По суди дела Англия своей пассивной выжидательной политикой помогает гитлеровцам… Если так будет продолжаться и англичане не расшевелятся, наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Я думаю проиграют… Должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело» [19].

Правда, в Лондоне смотрели на ситуацию на советско-германском фронте более спокойно. Там ориентировались на информацию Криппса, который писал в августе: «В действительности русские держатся лучше, чем мы предполагали… Я не предвижу поражения России» [20]. При этом он настаивал на увеличении материальной помощи.

Получив телеграмму от Сталина, Майский в тот же день телеграфировал ответ, в котором пытался объяснить мотивы поведения британского правительства и одновременно давал Сталину некоторые рекомендации по дальнейшим действиям: «Если положение столько серьезно, то не сочтете ли Вы целесообразным сделать еще одну попытку заставить англичан создать второй фронт? Не хочу вызывать у Вас необоснованных иллюзий. В такой момент, как сейчас,… Вы должны знать факты, как они есть… Поэтому я считаю необходимым предварить Вас, что… обстановка в правительственных кругах (Англии) для создания второго фронта в настоящий момент мало благоприятна». Майский предлагал воздействовать на Черчилля либо через него, либо посредством прямого обращения самого Сталина. Завершал свою телеграмму Майский словами: «Взвесьте все за и против и решайте как быть» [21].

Сталин последовал этим рекомендациям. 3 сентября 1941 г. он лично продиктовал текст ответного послания Черчиллю, в котором, обрисовав тяжелое положение на советско-германском фронте, настаивал на открытии второго фронта во Франции или на Балканах и ежемесячных поставках 400 самолетов и 500 танков» [22]. Утром 5 сентября состоялось совещание у Идена с участием представителей КНШ. Приглашены были Майский и адмирал Харламов — глава советской военной миссии. Иден назвал последнее послание Сталина «криком о помощи». Майский спорил с британскими генералами, которые доказывали невозможность высадки на побережье Франции. Иден записал слова Майского: «Если Советская Россия будет разбита, то как мы можем надеяться победить в этой войне» [23].

Тем не менее, в разговоре с Майским Черчилль отверг возможность оказания реальной помощи СССР. «В течение ближайших 6—7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите» [24]. Члены Кабинета и КНШ рекомендовали премьеру, чтобы ответное послание Сталину «было ободряющим по своем тону», а «негативная и удручающая информация должна быть по возможности исключена» [25]. В таком духе и было составлено послание Черчилля от 5 сентября. Майский телеграфировал в Москву: «Создание сейчас второго фронта во Франции или на Балканах он отклоняет, но по вопросу снабжения идет несколько навстречу» [26].

Криппс, вручив Сталину послание Черчилля от 5 сентября, сообщал в Лондон: «Я нашел Сталина очень подавленным и усталым». Сталин

говорил британскому послу о возможности поражения в войне, если будут потеряны Донбасс, Ленинград, Москва. "Все эти районы необходимо удержать. Без них России придется выйти из активных боевых действий и занять фронт обороны, возможно — за Волгой". При этом Сталин категорически отверг возможность заключения сепаратного мира с Германией, что особенно беспокоило Лондон» [27].

В свою очередь британское правительство, исходя из своих политических и военно-стратегических соображений, предложило заменить советские войска в Северном Иране британскими и направить ограниченный контингент британских войск на Кавказ для охраны нефтяных месторождений Баку. Советское правительство подобное предложение отвергло. Правда сам Майский считал, что можно было бы использовать и этот вариант, чтобы «связать» англичан наличием британских войск на территории СССР.

В это самое тяжелое для СССР время, когда 18 сентября пал Киев, под угрозой падения были Москва и Ленинград, возник первый серьезный кризис в личных отношениях Сталина и Черчилля. Поводов для этого было несколько. Прежде всего, нежелание Англии объявить войну сателлитам Германии (Финляндии, Румынии, Венгрии). Кроме того Сталин в послании Черчиллю от 8 ноября упрекал премьера в том, что «не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны», «не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи». И, наконец, Сталин высказывал недовольство, что военная техника приходит из Англии в СССР плохо упакованной и в разбитом виде [28]. Майский, вручивший это послание Черчиллю, записал в «Дневнике»: «Черчилль была бледен как мел и тяжело дышал. Видно было, что он взбешен». Посол констатировал: «Кажется, мы пришли к первому кризису в отношениях между союзниками» [29].

Майскому пришлось при поддержке Идена и Бивербрука вернуть переписку двух лидеров в прежнее русло. Британские министры подсказали послу, что Черчилль чувствует себя лично оскорбленным. 15 ноября 1941 г. Майский сообщал в Москву: «… если бы со стороны тов. Сталина последовали какие-либо разъяснения — не обязательно лично, а хотя бы через меня, но свидетельствующие о том, что в своем послании он не имел в виду обидеть Черчилля, что произошло недоразумение и проч., то инцидент можно было уладить…» [30] Вечером 19 ноября посольству в Лондон была направлена «ориентировка», соответствовавшая рекомендациям Майского. Она была написана лично Сталиным. «Мое послание Черчиллю имеет исключительно деловой характер и не задевает лично кого-либо из членов английского правительства, тем более не может задевать премьера Черчилля… И все же, несмотря на это, у меня нет претензий на этот счет и добиваюсь лишь одного — соглашения насчет взаимной помощи в Европе против Гитлера и договора об устройстве мира после войны» [31].

20 ноября Иден сообщил Черчиллю о получении от Майского «извинений Сталина». Тогда же был решен вопрос о визите Идена в Москву, который Сталин приветствовал в своем очередном послании от 23 ноября. 30 ноября Сталин поздравил Черчилля с днем рождения. Это было

сделано впервые и, очевидно, свидетельствовало о его конструктивном настрое в отношениях с британским премьером. 6 декабря Англия объявила войну Финляндии и другим сателлитам нацистской Германии, на чем давно настаивало Советское правительство.

Визит Идена в Москву состоялся в декабре 1941 года. Майский сопровождал его в этой поездке и участвовал во всех встречах британского премьера со Сталиным. После блестящей победы в сражении под Москвой советский лидер находился в состоянии некоторой эйфории и сразу выдвинул предложения по пересмотру европейского мироустройства после войны. Но Иден не подписал ни одного из предложенных Сталиным проектов договоров, ссылаясь на отсутствие необходимых полномочий и необходимость консультаций с правительствами США и доминионов.

В конце 1941 — начале 1942 г. резко ухудшилось военно-политическое положение Англии: нападение Японии создавало угрозу Индии и другим британским владениям в Юго-Восточной Азии. 9 декабря японские войска вторглись в Бирму, 10 декабря японцы потопили два наиболее мощных корабля британского флота в восточных водах. 16 февраля 1942 г. пал Сингапур. Черчилль писал американскому президенту: «Мы потерпели величайшую в нашей истории катастрофу в Сингапуре» [32].

В начале 1942 г. обострилась внутриполитическая обстановка в Англии в связи с падением Сингапура и успехами немецкого генерала Роммеля в Северной Африке. Отсюда — большая, чем прежде, заинтересованность британской стороны в улучшении отношений с СССР. В марте британское правительство после споров и дискуссий приняло решение признать довоенную западную границу СССР, на чем настаивал Сталин на переговорах с Иденом в декабре 1941 года [33].

Тогда же, в марте 1942 г., в Москву прибыл новый британский посол — карьерный дипломат, переведенный из Китая, — А.К. Керр. 28 марта его принял Сталин, беседа продолжалась более двух часов. На следующий день Сталин писал Черчиллю: «Я имел беседу с г. Керром, и у меня создалось убеждение, что наша совместная работа будет протекать в атмосфере взаимного доверия» [34]. В свою очередь, Керр сообщал в Лондон: «Мне понравился Сталин, и если я смогу сблизиться с ним — это сможет принести большую пользу» [35].

В отличие от Криппса, ставшего министром в реорганизованном правительстве Черчилля, Керр «пришелся ко двору» в Кремле. За период работы в Москве он лично или сопровождая Черчилля 15 раз встречался со Сталиным — больше, чем любой западный дипломат в Москве в годы войны. Керр участвовал в кремлевских застольях. У Майского в «Дневнике» имеется колоритная зарисовка, как захмелевшего британского посла извлекают из-под стола во время одного из банкетов [36].

Будучи лояльно настроенным к СССР, Керр, как и Майский, активно работал над развитием отношений между двумя странами. В июле 1942 г. в момент очередного конфликта из-за приостановки британской стороной северных конвоев именно Керр предложил Черчиллю лично встретиться со Сталиным, что и произошло в августе 1942 года [37].

Постепенно параллельно каналу связи Майский — Черчилль сформировался канал Сталин — Керр, значение которого постепенно возрас-

тало, а с июля 1943 г., после отзыва Майского из Лондона, он стал единственным.

Примечательна судьба этих двух незаурядных дипломатов. В 1948 г., когда Керр покидал пост в Москве, Сталин подарил ему свое фото с надписью «Другу Советского Союза лорду Керру». А в феврале 1953 г. с санкции Сталина Майский был арестован как «английский шпион».

Но это будет потом. Пока же Майский пользуется полным доверием вождя и активно работает вместе с Молотовым, прибывшим в Лондон 22 мая 1942 г., над текстом Договора о дружбе и послевоенном сотрудничестве между СССР и Великобританией. Черчилль, Иден, Молотов и Майский, закрывшись вчетвером в комнате, в течение трех часов обсуждали условия договора. Под давлением США британское правительство отказалось от обещания признать западную границу СССР. За подписью Молотова и Майского в Москву ушла телеграмма о неприемлемости британского проекта договора. Но, как известно, Сталин дал указание подписать именно этот вариант, поскольку, по его мнению, он предоставлял СССР свободу рук в решении геополитических проблем после войны, включая и проблему западной границы страны.

26 мая 1942 г. Молотов и Иден подписали Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германией и взаимной помощи после войны. При подписании договора Иден произнес: «Я хотел бы также поблагодарить г-на Майского, Вашего посла, который сделал так много во время своего пребывания в Великобритании, чтобы построить мост между нашими обеими странами» [38]. Молотов также отметил Майского «как выдающегося советского дипломата», хотя его, может быть, «покоробили слова американского посла в Лондоне Вайнанта о том, что «Майский был единственным человеком, который правильно предсказал ход исторического развития». Такое в СССР можно было говорить лишь в адрес единственного человека — Сталина» [39].

Активное участие Майского вместе с наркомом в переговорах с Черчиллем и Иденом резко контрастировало с тем, что происходило в Вашингтоне, куда Молотов направился после переговоров в Лондоне. В США при переговорах с президентом Рузвельтом Молотов почти полностью игнорировал посла Литвинова. Впоследствии Молотов вспоминал: «На переговоры с Рузвельтом, Хэлом и Гопкинсом я Литвинова не брал с собою… Не мог, у нас никакого доверия к нему не было» [40].

Летом 1942 г. резко ухудшилась обстановка на советско-германском фронте. Немецкие войска выходили к Волге и Северному Кавказу. Начались бои в районе Сталинграда. Майский записал в «Дневнике»: «В самый критический для нас момент мы брошены нашими союзниками на произвол судьбы» [41]. 23 июля 1942 г. Сталин направил резкое по содержанию послание Черчиллю. «Два больших человека столкнулись, — сказал Иден Майскому, — вышла размолвка. Нам с вами надо помирить их… Плохо, что они лично никогда не встречались» [42]. Идею личной встречи поддержали Керр и Майский. В Лондоне решили намеченный визит Черчилля на Ближний Восток объединить с поездкой в Москву. 31 июля такая встреча была согласована с советской стороной, и 12 августа 1942 г. британский премьер впервые прибыл в Москву.

Ход переговоров Черчилля и Сталина достаточно обстоятельно отражен в литературе. В контексте заявленной темы важно отметить, что тогда впервые прозвучал неприятный звонок для Майского — ему запретили сопровождать Черчилля в Москву. Это удивило Черчилля и Идена. Удивлен был и сам Майский. В «Дневнике» это не отражено, но в мемуарах он записал: «Мне самому этого хотелось: так интересно было бы участвовать в столь ответственном историческом событии, однако Москва предложила мне оставаться в Лондоне» [43].

В период московских переговоров Черчилль вспоминал Майского в связи с тем, что его не устраивал ни «корявый» перевод В. Павлова, ни собственный переводчик Денлоп. Хотя Майский, по словам адмирала Харламова, главы советской военной миссии в Лондоне, говорил по-английски с акцентом, его перевод всегда был очень точен по существу. Позднее Иден сказал Майскому: «Как хорошо было, если бы вы могли быть между ними переводчиком! Надо уметь переводить не слова, а дух переговоров! Вы это умеете!» [44]. Во время встречи на квартире Сталина в ночь на 16 августа Черчиллю переводил майор Бирс — «очень хороший переводчик», по словам премьера.

Оставаясь в Лондоне, Майский хотел хотя бы заочно принять участие в московских переговорах. 7 августа он написал Сталину, высказывая свое мнение относительно внешней политики СССР. «Наша позиция: а) единая стратегия союзников, б) второй фронт, в) ограниченный десант, о котором Черчилль говорил тов. Молотову, г) помощь нам на Кавказе… д) северные операции, е) усиление воздушных бомбардировок Германии, ж) учащение и усиление рейдов на французский берег, з) усиление снабжения СССР». Майский подчеркивал: «Я надеюсь, однако, что Вам удастся найти аргументы, которые смогут убедить Черчилля изменить свою позицию и принять меры к открытию второго фронта в 1942 г.» [45].

Неизвестно, как Сталин отнесся к этим рекомендациям Майского, а вот Молотов обвинил посла в превышении служебных полномочий [46]. В ходе заключительной встречи Сталина и Черчилля между ними произошел обмен репликами по поводу Майского. Это отражено только в английском варианте записи, сделанном переводчиком Черчилля Бирсом, в русском варианте записи, сделанном Павловым, это не зафиксировано. «Премьер-министр сказал, что г-н Майский хороший посол. Г-н Сталин согласился, но сказал, что он мог бы быть лучше, он слишком много говорит и не может держать язык за зубами» [47].

Что явилось конкретным поводом для столь жестких слов Сталина, остается неизвестным. Может быть, советский лидер вспомнил события уже далекого 1939 г., когда вызванный из Лондона в Москву Майский имел несанкционированную встречу с министром иностранных дел Финляндии Эрко. Содержание беседы Майского с Эрко о создании «мирного фронта» проникло в печать и вызвало раздражение Сталина.

Но пока Майский пользовался доверием Сталина и между ними продолжалась переписка. Более того, в сентябре 1942 г. Майский был награжден орденом Ленина за десятилетнюю работу послом в Лондоне.

После августовского визита Черчилля в Москве в советско-английских отношениях наступило временное улучшение. В октябре-ноябре 1942 г. ситуация на советско-германском фронте резко ухудшается. 3 ок-

тября Сталин написал Черчиллю: «Наше положение в районе Сталинграда изменилось к худшему». Через месяц, 8 ноября, он сообщил британскому премьеру: «Положение на нашем кавказском фронте несколько ухудшилось по сравнению с положением в октябре. Немцам удалось захватить гор. Нальчик и подойти к Владикавказу, где идут большие бои. Наша слабость здесь в недостатке истребительной авиации» [48]. В переписке Сталина с Черчиллем и Рузвельтом вновь, как и осенью 1941 г., появились тревожные нотки, связанные с возможностью поражения в войне, если не будет оказана срочная помощь. Тем не менее англичане в это время сокращали отправку кораблей в СССР по северному маршруту. В октябре-декабре 1942 г. в Архангельск и Мурманск было направлено 13 судов, из которых 5 прибыли на место, 4 — были потоплены, остальные — возвращены [49].

В этих условиях Сталин продолжал личную переписку с Майским с целью дополнительного воздействия на британские правительственные круги. Советский лидер фактически потерял доверие к словам Черчилля. 19 октября 1942 г. Сталин телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией… за счет нашей страны» [50]. Майский, понимая, что Сталин преувеличивал антисоветизм британской внешней политики, постарался в предельно осторожной форме разъяснить реальное отношение британского правительства к целям и перспективам войны с Германией. В телеграмме от 23 октября он, фактически опровергая утверждение Сталина, подчеркивал: «Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи… Сознательно Черчилль не держит курс на поражение СССР». Заключил свою телеграмму Майский словами: «Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и к сделке с Германией. Но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье и не пользуются большим влиянием» [51].

В своей следующей телеграмме от 24 октября Майский писал Сталину о желательной стратегии СССР в войне, о взаимодействии с союзниками, о возможности проведения совместной операции в Северной Норвегии [52]. Ответ Сталина на предложения посла, отправленный 28 октября, был нехарактерно для него многословным. Сталин писал: «Ваши соображения получил, я нашел в них много интересного и поучительного». И далее, касаясь вопроса о «злокозненности» англичан, Сталин подчеркивал: «… Я все же думаю, что будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддается влиянию тех, что держит курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией. Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы… они обречены на гибель. Но когда они поймут это?…» [53]

Майский не был согласен с такой оценкой состояния советско-английских отношений и попытался в своей телеграмме на имя Сталина от 31 октября 1942 г. предложить ряд мер по их улучшению. Но ответа на эти предложения не последовало. На этом завершилась переписка Сталина с послом в Лондоне. Но интенсивный обмен мнениями с Черчиллем продолжался, и Майский оставался в нем важным передаточным звеном.

В декабре 1942 г. западные союзники задумали провести встречу на высшем уровне с участием Сталина. Советский лидер отклонил приглашение, сославшись на занятость военными делами. Англо-американская конференция прошла в январе 1943 г. в Касабланке. Информируя Сталина о принятых решениях, Рузвельт и Черчилль сообщали следующее: «Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта… Ближайшая цель — очистить Северную Африку от сил держав оси, а также концентрация сил и средств в Англии для подготовки на континенте Европы» [54]. 30 января в ответном послании Сталин подчеркивал: «Понимаю принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в 1943 г.» [55]. В этой уверенности Сталин будет пребывать до мая 1943 года.

Февраль 1943 г. был ознаменован завершением Сталинградского сражения, а также достаточно скромными успехами союзников в Северной Африке. В послании Сталину от 9 февраля Черчилль вновь заверил: «Мы также энергично ведем приготовления, до предела наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе» [56]. В этих условиях, действуя самостоятельно, Майский в беседе с Иденом поставил вопрос о пересмотре решений, принятых в Касабланке, с целью ускорения принятия решения об открытии второго фронта. Будучи глубоко штатским человеком, он даже предложил свой план переброски британских войск из Северной Африки на Британские острова для удара через Ла-Манш. Правда, КНШ признал этот план «непрактичным».

30 марта 1943 г. Черчилль сообщил Сталину о новой приостановке северных конвоев до августа, ссылаясь на нехватку тоннажа [57]. Это послание, с которым Майского ознакомили заранее, произвело на него «прямо потрясающее впечатление». Не имея инструкций из Москвы, Майский говорил премьеру: «… в чем же выражается Ваша помощь нам в общем деле? Ни второго фронта, ни снабжения… Какие это союзники?» [58]

В Лондоне ожидали «жесткого» ответа Сталина. Но к удивлению и Черчилля, и Майского ответ Сталина был спокойным и «мягким». В этой связи составители публикации переписки трех лидеров отмечают: «Хотя Сталин и Майский на сей раз действовали не сговариваясь, их шаги удачно дополнили друг друга: посол растревожил Черчилля и напугал его предстоящей советской реакцией, а Сталин своим сдержанным и стоическим ответом тронул премьера до глубины души, подтолкнув его на встречные уступки» [59].

Майский сам был удивлен дипломатическим искусством Сталина. Он записал в «Дневнике»: «Сталин поступил очень умно! Он не выразил ни негодования, ни раздражения. Но просто констатировал решение Рузвельта и Черчилля о приостановке конвоев… Черчилль был потрясен» [60]. 5 апреля на заседании Кабинета Черчилль назвал ответ Сталина «мужественным» [61].

Судя по архивным документам, во внешнеполитическом ведомстве СССР допускался известный плюрализм мнений при обсуждении проблем внешнеполитического планирования. Но в определенных рамках, выход за пределы которых был чреват негативными последствиями. Очевидно, Майский, предлагая без согласия Москвы, создание комиссии во главе

с Иденом, вышел за эти пределы. Поэтому 2 апреля он получил нагоняй от наркома за превышение своих полномочий. Молотов писал: «Вы поступили неправильно, изложив Черчиллю свое личное мнение насчет необходимости создания комиссии во главе с Иденом для изыскания возможности компенсировать поставки по северному пути. Посол должен обращаться со своим личным мнением к своему правительству, а не к чужому правительству. Я Вас прошу прекратить практику демонстрирования "личного мнения". Никто из послов не позволяет себе таких вольностей» [62].

Весной 1943 г. Катынское дело взорвало советско-польские отношения. Майскому пришлось много заниматься этой проблемой. В своих контактах с польским эмигрантским правительством и британскими министрами он, конечно, отстаивал советскую версию происшедших событий. Но в своем донесении в НКИД 24 апреля в осторожной форме констатировал: «Осталось впечатление, что настоящей стопроцентной уверенности в нашей невиновности у Черчилля нет» [63]. Керр, в свою очередь, записал: «… сама ярость и неубедительные опровержения со стороны русских указывают на чувство вины» [64].

25 апреля 1943 г. Советское правительство разорвало дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, несмотря на все попытки Черчилля и Рузвельта помешать этому.

В мае 1943 г. в Вашингтоне на англо-американской конференции «Трайдент» было решено осуществить вторжение во Францию в мае 1944 года. Раздраженный этим сепаратным сговором Сталин направил резкие по содержанию послания Рузвельту и Черчиллю. 11 июня он писал президенту США: «Открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 на 1943 год, снова откладывается, на этот раз на весну 1944. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта» [65].

Послание Сталина Черчиллю от 24 июня было еще более жестким. В нем, перечислив обещания премьера касательно открытия второго фронта, он обвинял его в нарушении принятых обязательств [66]. Это послание произвело тяжелое впечатление на Черчилля. 3 июля после встречи с премьером Майский записал его слова, переданные телеграммой в Москву: «Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искреннее верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков…» [67] Черчилль намеревался не отвечать на послание Сталина и вообще прекратить личную переписку. Об этом он говорил Майскому и писал Керру. Но оба посла смогли убедить его не делать этого. В июле 1943 г. переписка двух лидеров была возобновлена.

25 июня Майский получил телеграмму из Москвы о своем отзыве с поста посла СССР в Англии. Это решение произвело в Лондоне впечатление «разорвавшейся бомбы». Удивлен был сам Майский, удивлен был Литвинов, хорошо понимавший отличие своего статуса от статуса Майского. Литвинов записал в «Дневнике»: «Ошеломлен сообщением о замене Майского Гусевым. Вот уж действительно не ожидал» [68]. Сам Литвинов будет отозван в августе 1943 года.

Официальная версия, озвученная Сталиным в разговоре с новым послом в Великобритании, гласила: «Нам нужно отозвать посла Майско-

го, который слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта в Европе» [69]. Это было несправедливо, ибо Майский энергично и высокопрофессионально добивался у британского правительства открытия второго фронта. Тем боле, что совсем недавно — в феврале 1943 г. — Сталин высоко оценил работу Майского. Версия о том, что отзыв Майского и Литвинова был выражением недовольства Советского правительства затягиванием открытия второго фронта, сохраняется и в настоящее время. В.О. Печатнов и А.Э. Магадеев в своих комментариях к переписке лидеров трех стран отмечают: «С этим же вопросом о втором фронте, судя по всему, был связан и отзыв Сталиным летом 1943 г. популярных на Западе послов — Майского и Литвинова» [70].

Думается, что дело обстояло не совсем так. Отзыв Литвинова не мог быть «наказанием» США за затягивание открытия второго фронта, ибо Белый Дом давно тяготился его пребыванием на посту посла СССР. В марте 1943 г. президент Рузвельт говорил Идену: «Литвинов занимает слишком незначительное положение, чтобы иметь какой-либо вес» [71]. Это, по мнению американской стороны, ставило США в неравноправное положение с Англией в отношениях с СССР.

Вероятнее всего, истинная причина отзыва Майского состояла в том, что он стал чересчур «своим» для британских правительственных кругов. Подозрительного Сталина, очевидно, настораживали многочисленные похвалы в адрес советского посла в Лондоне со стороны британских государственных и общественных деятелей. И все же, отозвав Майского из Лондона, Сталин и Молотов лишились внимательного наблюдателя и опытного комментатора дипломатических маневров Черчилля и Идена. Черчилль долгое время третировал и не принимал Гусева. Послания Сталина в адрес Черчилля передавались в Форин офис в запечатанном виде.

В Москве в британском посольстве Керр был ошеломлен известием об отставке Майского. По словам Павлова, присутствовавшего в качестве переводчика на встрече Молотова и Керра, последний начал превозносить Майского как выдающегося дипломата, «положение которого в Лондоне во всех отношениях является уникальным», уверяя, и что его отзыв «может серьезно отразиться на советско-английских отношениях» [72].

Адмирал М.Н. Харламов, работавший вместе с Майским в Лондоне, в своих мемуарах, опубликованных много лет спустя после смерти Майского, дал емкую характеристику своего коллеги: «И.М. Майский пользовался авторитетом в самых различных кругах английского общества. Он имел тесные связи среди профсоюзных лидеров, творческой интеллигенции, политических и военных деятелей, он хорошо знал расстановку политических сил в Англии. Он был вхож везде и всюду и не только в силу своего высокого положения. Нет, его ценили как личность, как дипломата… как просто мудрого человека» [73].

Но Майский был человеком своего времени. Публично отказавшись от меньшевистского прошлого, избежав репрессий конца 1930-х гг., «чистки» НКИД, проведенной Молотовым, он остался лояльным режиму и вождю. В январе 1943 г. Майский представил в НКИД записку об обращении с Германией после ее разгрома, позднее подготовил записку о контурах будущего мира, где обосновывал геополитическое расшире-

ние СССР в мире. Оба эти документа свидетельствуют, что Майский был большим сталинистом, чем сам Сталин.

В июне 1961 г. по указанию М.А. Суслова МИД СССР подготовил отзыв на опубликованные к тому времени мемуары Майского. В отзыве говорилось, что их главный недостаток — явное преувеличение автором своей роли в осуществлении внешней политики Советского государства. Но эта критическая оценка касалась мемуаров. Сам Майский подчеркивал, что «несубъективных» мемуаров не бывает.

Как было в действительности? Несомненно, оказавшись в центре международных событий того времени, чувствуя поддержку Сталина, Майский ощущал себя не рядовым дипломатом, а скорее — послом с особыми полномочиями, личным представителем Сталина. Отсюда — многие несанкционированные НКИД инициативы, изменение «тональности» в общении с британскими политиками. Так, 3 июля 1942 г. Майский записал в «Дневнике» разговор с Черчиллем по поводу послания Сталина, обидевшего британского премьера: «Бросьте думать о глупостях, — резко прервал я Черчилля». Такой тон в разговоре Керра со Сталиным и представить невозможно. 11 января 1943 г. — встреча с Иденом. Майский выражает недовольство ослаблением бомбардировок Берлина. Иден оправдывается. Посол говорит: «Мне нужны дела, а не слова». Иден: «Я приложу все усилия к тому, чтобы исполнить желания Сталина и Ваше». Разговор по поводу северных конвоев: «Я пожал плечами и сказал, что не могу признать объяснения Идена удовлетворительными» [74].

В конце марта 1943 г. Иден собирался в поездку в США. Он проинформировал Майского о том, какие вопросы хочет обсудить с Рузвельтом и Хэллом. Майский записывает: «Я одобрил линию Идена». Далее советский посол «напутствует» британского министра: «Сохранение и поддержание мира в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией». Иден соглашается: «Я очень благодарен Вам за эту беседу. Она мне сильно поможет при переговорах в Америке» [75].

На излете своей долгой жизни Молотов утверждал: «У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели. И не могли иметь… Роль наших дипломатов, послов была ограничена сознательно… Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат» [76]. Советские послы были разные. Как видно, Майский, находясь в годы войны на боевом посту в Лондоне, внес заметный вклад в сближение взглядов лидеров двух государств, смягчение их позиций, в формирование антигитлеровской коалиции и развитие боевого содружества СССР и Великобритании, значение которых в условиях второй мировой войны невозможно переоценить.

Примечания

Исследование выполнено по гранту фонда Д.И. Менделеева при поддержке Программы конкурентоспособности Томского государственного университета на 2019 год.

1. МАЙСКИЙ И.М. Избранная переписка в российскими корреспондентами. В 2-х томах. Т. 2. М. 2005, с. 456.

2. Деятельности И.М. Майского в Англии в годы второй мировой войны посвящен ряд статей Л.В. Поздеевой и В.О. Печатнова, но в них, как нам представляется, недостаточно отражен «личный» вклад Майского в развитие советско-британских отношении. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел.
3. Документы внешней политики (ДВП). Т. XXIII. Кн. 1. М. 1996, с. 56.
4. Там же, с. 284.
5. Там же. Т. XXIII. Кн.2. Ч. 1. М. 1996, с. 147, 240.
6. Там же, т. XXIII, кн. 1, с. 409.
7. Там же, кн. 2, ч. 1, с. 18.
8. Там же, с. 92.
9. Там же, с. 420.
10. ФИЛЕВ А. Новые документы из архива МИД России. — Международная жизнь. 2001, № 8, с. 61. Согласно документам британского кабинета министров, еще накануне правительство поставило вопрос о выработке линии в случае начала войны между СССР и Германией. The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers (CAB) 65—18. 19 June 1941, p. 92. URL: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-65—18.pdf.
11. МАЙСКИЙ И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. Кн. 2. Ч. 2. М. 2009, с. 14.
12. Новые документы из архива МИД России. — Международная жизнь. 2001, № 8, с. 61.
13. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественно войны. Документальное исследование. Т. 1. М. 2015, с. 67—68.
14. Путь к великой победе. СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. М. 2015, с. 100, 339. Прим. 82.
15. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 14.
16. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. I. М. 1983, с. 53—54.
17. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 28.
18. Советско-английские отношения, с. 105—106.
19. ПЕЧАТНОВ В.О. МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 54—55.
20. Путь к великой Победе, с. 65.
21. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 55—56.
22. Там же, с. 58.
23. Там же, с. 59.
24. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 43.
25. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 61.
26. Там же, с. 63.
27. Там же.
28. Переписка, с. 31—32.
29. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 78.
30. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 97—98.
31. Там же, с. 97—98.
32. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М. 1995, с. 215.
33. Там же, с. 108.
34. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 143.
35. ПЕЧАТНОВ В.О. Дипломатическая миссия А.К. Керра в Москве. — Новая и новейшая история. 2017, № 4, с. 173.
36. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 325.
37. ПЕЧАТНОВ В.О. Ук. соч., с. 178.
38. РЖЕШЕВСКИЙ О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. М. 2004, с. 196.
39. Там же, с. 168.
40. ЧУЕВ Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М. 1999, с. 131—132. О Литвинове у нас написано довольно мало. Сохраняется неоднозначная оценка его деятельности. Современный исследователь Н.А. Нарочницкая отмечает: «Литвинов, конечно же, личность во многом загадочная, и многие не без оснований считали его “английским лобби”. Он имел прочные связи в англо-саксонском мире… Роль его в международных делах может

быть всесторонне оценена после полного изучения его архивов». См.: Ялта-45. Начертания нового мира. М. 2010, с. 11.

41. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 164.
42. Там же, с. 167.
43. МАЙСКИЙ И.М. Воспоминания советского дипломата. М. 1987, с. 683.
44. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 178—179.
45. ФИЛЕВ А. Ук. соч., с. 64.
46. Там же.
47. РЖЕШЕВСКИЙ О.А. Сталин и Черчилль. М. 2004, с. 371.
48. Переписка, с. 68, 72.
49. Секретная переписка, с. 297, 298, прим. 3.
50. РЖЕШЕВСКИЙ О.А. Ук. соч., с. 376.
51. Там же, с. 376—377.
52. Великая победа. Т. 9. М. 2015, с. 379—380.
53. ФИЛЕВ А. Ук. соч., с. 68.
54. Советско-английские отношения, с. 329—330.
55. Там же, с. 331.
56. Там же, с. 335.
57. Там же, с. 362.
58. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 411.
59. Там же, с. 413.
60. МАЙСКИЙИ.М. Ук. соч., с. 253.
61. The National Archives of the United Kingdom. CAB65—38. 5th April 1943, p. 3. URL: http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-65—38.pdf.
62. ДВП, т. XXVI, ч. 1, с. 274.
63. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 433.
64. Там же.
65. Переписка, т. 2, с. 69—70.
66. Переписка, т. 1, с. 137—138.
67. ФИЛЕВ А. Ук. соч, с. 73.
68. СОКОЛОВ В. Посол Ф. Гусев в Лондоне в 1943—1946 гг. — Новая и новейшая история. 2005, № 4, с. 109.
69. Там же.
70. ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Ук. соч., с. 343.
71. Путь к великой Победе, с. 375.
72. ПАВЛОВ В. Автобиографические заметки. — Новая и новейшая история. 2000, № 4, с. 108.
73. ХАРЛАМОВ М.Н. Трудные годы. М. 1983, с. 51.
74. МАЙСКИЙ И.М. Ук. соч., с. 166, 189—190, 236.
75. Там же, с. 166, 189—190, 236.
76. ЧУЕВ Ф. Ук. соч., с. 134.

Чутров, Н. Е. Организация инженерно-аэродромного обеспечения ВВС фронтов при их подготовке к боевым действиям в первом периоде Великой Отечественной войны : (22 июня 1941 - 19 ноября 1942 г.) / Н. Е. Чутров, В. В. Белоусов. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2020. - № 2. - С. 22-27.

Н.Е. ЧУТРОВ,
В.В. БЕЛОУСОВ

N.Ye. CHUTROV,
V.V. BELOUSOV

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНЖЕНЕРНО-АЭРОДРОМНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВВС ФРОНТОВ ПРИ ИХ ПОДГОТОВКЕ К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(22 июня 1941 — 19 ноября 1942 г.)

ORGANIZING AIRFIELD-ENGINEERING AVIATION SUPPORT OF THE FRONT AIR FORCE DURING PREPARATION FOR FIGHTING IN THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

(June 22, 1941 — November 19, 1942)

Сведения об авторах. *Чутров Николай Евгеньевич — заместитель начальника кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», подполковник, кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: chutrn@rambler.ru);*

Белоусов Владимир Владимирович — преподаватель кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», кандидат исторических наук (г. Воронеж. E-mail: bvv8408@mail.ru).

Аннотация. *В статье проанализировано развитие планирования и организации инженерно-аэродромного обеспечения ВВС (воздушных армий — ВА) фронтов в первом периоде Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *СССР; первый период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; инженерно-аэродромное обеспечение; ВВС (ВА) фронтов; район авиационного базирования; тыл ВВС фронта; инженерно-аэродромный батальон.*

Information about authors. *Nikolai Chutrov – Deputy Head of the War History and Military Art Department at the Air Force MESC «Air Force Academy named after Prof. N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», Lieutenant-Colonel, Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: chutrn@rambler.ru);*

Vladimir Belousov – lecturer at the Department of War History and Military Art, the Air Force MESC «Air Force Academy named after Prof. N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin», Cand. Sc. (Hist.) (city of Voronezh. E-mail: bvv8408@mail.ru).

Summary. *The paper analyzes progress in planning and organizing airfield-engineering aviation support of the Air Force (air armies — AA) of the fronts during the first period of the Great Patriotic War.*

Keywords: *USSR; first period of the Great Patriotic war of 1941—1945; airfield-engineering aviation support; Air Force (AA) of fronts; aviation basing area; the rear of the front Air Force; airfield-engineering battalion.*

ОПЫТ инженерно-аэродромного обеспечения ВВС (ВА) фронтов первого периода Великой Отечественной войны показал необходимость как заблаговременного, так и своевременного проведения работ по планированию инженерно-аэродромного обеспечения частей и соединений ВВС (ВА) фронтов в ходе боевых действий. В первом периоде Великой Отечественной войны, несмотря на трудности, возникавшие под воздействием многочисленных условий и факторов, организация инженерно-аэродромного обеспечения частей и соединений ВВС (ВА) фронтов при подготовке к боевым действиям постепенно улучшалась, оптимизировались задачи и способы их решения.

В период подготовки к боевым действиям подразделения и части инженерно-аэродромного обеспечения решали задачи:

— подготовка в минимально возможные сроки оперативных аэродромов в количестве, позволявшем осуществлять приём резервов, обеспечение боевой работы авиации и её манёвра как в пределах фронта, так и между фронтами;

— содержание оперативных аэродромов в постоянной эксплуатационной готовности в течение всей операции и боевых действий;

— выполнение мероприятий по маскировке аэродромов (аэродромной сети), минирование и разминирование аэродромов[1].

В первые месяцы войны организация инженерно-аэродромного обеспечения была слабой, а взаимодействие тыла ВВС фронтов со штабами находилось на зачаточном уровне. Так, командующим ВВС КА в директиве № Д/384 от 15 ноября 1941 года было отмечено, что базирование авиационных группировок, независимо от вида авиации, не было обеспечено аэродромами на

необходимую оперативную глубину, руководство строительством и расстановкой батальонов аэродромного обслуживания было слабым, из-за чего часть аэродромов вследствие своего места расположения были непригодными для базирования авиации по замыслам командующих ВВС фронтов. Командиры авиационных частей и соединений выбирали аэродромы базирования, не имея сведений об их пригодности[2]. Это не позволяло осуществлять эффективное боевое применение фронтовой авиации, приводило к распылению материальных средств и нерациональному использованию частей тыла ВВС фронтов.

Для исправления ситуации в деле организации инженерно-аэродромного обеспечения потребовалось привлечение внимания к проблеме выработки единого понимания командным и руководящим составом ВВС фронтов и их тыла вопросов организации инженерно-аэродромного обеспечения. Для этого командующий ВВС КА в этой же директиве приказал командующим ВВС фронтов разрабатывать планы устройства тыла, рассредоточивать авиационные части и батальоны аэродромного обслуживания по имевшимся аэродромам, а от их штабов потребовал изучать аэродромную сеть, планировать её развитие и использование вместе с тылом ВВС фронта[3].

Инженерно-аэродромное обеспечение частей и соединений фронтовой авиации в первом периоде Великой Отечественной войны включало в себя тыл ВВС округа (фронта), районы авиационного базирования, инженерно-аэродромные батальоны, авиационные базы, батальоны аэродромного обслуживания, роты аэродромного обслуживания[4].

На тыл ВВС округа (фронта) возлагались задачи по руководству строительством, оборудованием и ремонтом аэродромной сети. Помощник командующего ВВС округа (фронта) по тылу через тыл ВВС округа (фронта) осуществлял непосредственное управление районами авиационного базирования, которые отвечали за подготовку территории в аэродромном отношении с целью обеспечения манёвра авиации как в пределах фронта, так и между фронтами[5].

Подготовка территории фронта в аэродромном отношении осуществлялась на основании решения командующего ВВС фронта и с учётом задач ВВС армий[6]. Оценив обстановку, начальник тыла ВВС округа (фронта) принимал решение, которое являлось основанием для планирования, осуществлявшегося штабом тыла.

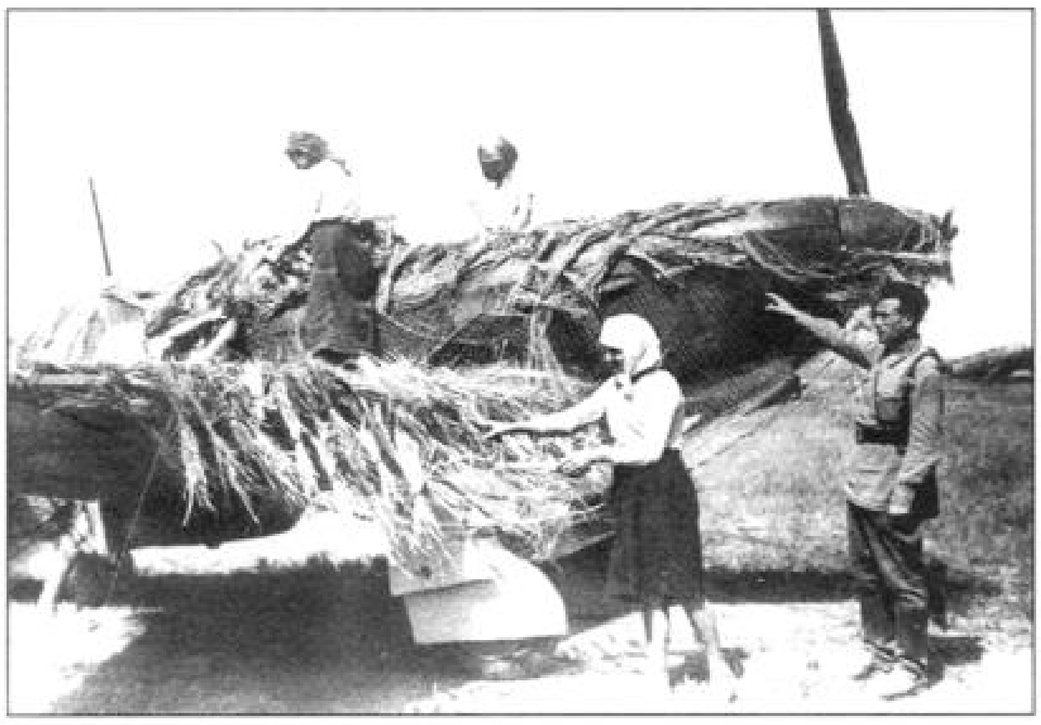
Для обеспечения базирования авиации фронта, позволявшего выполнение авиацией манёвров по замыслам командующих ВВС фронтов и армий, выполнялся ряд мероприятий по планированию организации тылового обеспечения боевых действий. План устройства тыла ВВС фронта разрабатывался на основании: директив командующего ВВС КА; директив начальника штаба ВВС КА о границах авиабазирования фронтов, тыловых границах; плана строительства аэродромов; указаний центральных управлений Красной армии; приказов и приказаний командования фронта[7].

В плане устройства тыла указывались: границы базирования ВВС фронта; границы районов авиационного базирования; состав тыловых частей, входивших в районы авиационного базирования; подготовка территории фронта в аэродромном отношении (районы строительства и количество аэродромов, подлежавших подготовке аэродромным отделом фронта; районы строительства и количество аэродромов, подлежавших подготовке начальниками районов авиационного базирования, силами инженерно-аэродромных батальонов, местного населения; районы, где велась разведка аэродромов, какими средствами, куда и к какому сроку необходимо было представлять полученную информацию)[8].

Разведка и разминирование участка дороги к оперативному аэродрому, ранее занимавшемуся противником

При представлении командующему ВВС фронта плана устройства тыла к нему прилагались: карта масштаба 1 : 500 000 или 1 : 1 000 000 с аэродромной сетью фронта, границами районов авиационного базирования, аэродромными узлами, районами строительства новых аэродромных узлов; список аэродромной сети ВВС фронта; план перебазирования тыловых частей и учреждений при продвижении вперёд и при отходе назад[9]. Командующий и военный комиссар ВВС фронта утверждали План устройства тыла и План перебазирования тыловых частей и учреждений. Наряду с этими планами основными документами для организации работы тыла являлись: тыловые сводки; приказы, приказания и распоряжения по тылу; справки о состоянии тыла[10].

На основании выписки из планов устройства тыла ВВС фронта начальник района авиационного базирования с помощью отдела аэродромного строительства района осуществлял планирование инженерно-аэродромного обеспечения в границах района авиационного базирования. В ряде случаев с целью наиболее оперативного решения задач, руководства и контроля организации строительства аэродромов в места строительства высылались представители отдела аэродромного строительства фронта. Так, в отчёте о деятельности отдела аэродромного строительства ВВС Северо-Западного фронта отмечалось: «В период наступления наших войск по направлению Осташков — Пено — Андреаполь — Торопец и далее, а также в период окружения 16 немецкой армии отдел аэродромного строительства фронта строительством аэродромов руководил



Маскировка самолёта на аэродроме с привлечением гражданского населения и местных материалов

непосредственно, что дало возможность, получив задание командующего, осуществлять его быстро, минуя дополнительные инстанции»[11]. А такими инстанциями являлись тогда отделы аэродромного строительства районов авиационного базирования.

Состав сил и средств инженерно-аэродромного батальона позволял выполнять работы по изысканию, строительству, восстановлению аэродромов и сооружений на одном—двух объектах в установленные командованием сроки[12].

Совершенствование управления деятельностью инженерно-аэродромных батальонов напрямую оказывало влияние на их возможности. Так, в 1942 году перед полностью укомплектованным инженерно-аэродромным батальоном, не входившим в район авиационного базирования, ставилась задача по строительству трёх аэродромов в срок до 20 дней с двумя полосами (без искусственного покрытия) для взлёта и посадки на каждом, с каковой они успешно справлялись[13]. В то время как летом 1941 года инженерно-аэродромные батальоны, входя в район авиационного базирования и подчиняясь его начальнику, в выполнении подобных задач встречали серьёзные трудности. Проблема заключалась в том, что районы авиационного базирования не могли обеспечить полноценного и своевременного руководства инженерно-аэродромными батальонами по строительству аэродромов: не хватало личного состава в управлениях районов авиационного базирования и была сильная загруженность вопросами обеспечения боевых действий авиации и поддержания в эксплуатационной готовности аэродромов, занятых авиационными частями и соединениями. Так, командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор авиации Т.Ф. Куцевалов в приказе № 011 от 1 ноября 1941 года отмечал, что подчинение инженерно-аэродромных батальонов районам авиационного базирования и возложение на них руководства строительством оперативных аэродромов себя не оправдало[14].

В связи с этим для восстановления руководства строительством оперативных аэродромов уже к осени 1941 года батальоны были включены в состав тыла ВВС фронтов. С этого времени за ход строительства стал отвечать начальник отдела аэродромного строительства тыла ВВС фронта. На районы авиационного базирования были возложены задачи только по подготовке и поддержанию в эксплуатационной готовности аэродромов в зимних условиях[15].

Данная реорганизация позволила исключить дублирование в руководстве строительством оперативных аэродромов на территории районов авиационного базирования, т.к. ранее в границах фронта за строительство отвечали и помощник командующего ВВС округа (фронта) по тылу, и начальник района авиационного базирования, что ухудшало качество управления. Изменения в организационной структуре исключали район авиационного базирования из цепочки руководства строительством оперативных аэродромов «тыл ВВС округа (фронта) — район авиационного базирования — инженерно-аэродромный батальон», вследствие этого «заказчик» и «исполнитель» стали работать напрямую, что позволило уменьшить время доведения задач до исполнителей.

В ВВС округа (фронта) задачи инженерно-аэродромного обеспечения по поддержанию аэродромов в постоянной эксплуатационной готовности и по производству маскировочных работ возлагались на авиационные базы из состава районов авиационного базирования. Для их выполнения в авиационной базе имелись: управление авиационной базы, батальон аэродромного обслуживания, аэродромно-техническая рота[16]. Опыт первых месяцев войны и манёвренный характер боевых действий на широком фронте выявили необходимость исключения структуры управления авиационной базы из цепи управления между районом авиационного базирования и батальоном аэродромного обслуживания как лишнего звена.

Директивой заместителя НКО СССР генерал-лейтенанта авиации П.Ф. Жигарева № 165233сс от 24 августа 1941 года управления авиационных баз были расформированы, а высвободившийся личный состав был обращён на укомплектование управлений районов авиационного базирования[17]. Это позволило начальнику района авиационного базирования осуществлять руководство и контроль над подготовкой территории района в аэродромном отношении, а также более эффективно руководить деятельностью батальонов аэродромного обслуживания и аэродромно-технических рот по поддержанию аэродромов в постоянной готовности.

Одну из важнейших задач инженерно-аэродромного обеспечения по содержанию в постоянной готовности аэродромов решали батальоны аэродромного обслуживания. Каждый такой батальон являлся отдельной тыловой частью, входившей в состав авиационной базы. Командир батальона находился в подчинении командира авиационной базы, а в оперативном отношении — командира авиационного полка. Он отвечал за содержание закреплённых за батальоном аэродромов и аэродромных сооружений в постоянной эксплуатационной готовности. Управление подчинёнными командир осуществлял через свой

штаб. Задачами начальника штаба по инженерно-аэродромному обеспечению являлись получение и обработка данных о тыловой обстановке, организация маскировки аэродромов[18].

Период отхода наших войск до стабилизации фронта под Москвой был сложен для организации инженерно-аэродромного обеспечения по ряду причин, таких как отсутствие связи между штабами ВВС фронтов (армий) и органами авиационного тыла, неорганизованность органов тыла, отсутствие опыта управления тылом в боевых условиях, общая реорганизация тыла ВВС[19]. Ввиду этого в тыловой зоне для организации инженерно-аэродромного обеспечения требовалось больше времени. Возможность своевременной организации инженерно-аэродромного обеспечения ВВС фронтов в Битве под Москвой была достигнута благодаря опыту, приобретённому в ходе боевых действий в первые месяцы войны.

Так, снижение темпов наступления немецких войск, произошедшее вследствие тяжелейших оборонительных и наступательных действий войск КА в ходе Смоленского сражения в период с 10 июля по 10 сентября 1941 года[20], позволило тылам ВВС фронтов решить задачи по организации инженерно-аэродромного обеспечения в тыловых зонах базирования авиации своевременно. Тем самым были созданы условия для размещения новых сил авиации и предпосылки к возможности завоевания ВВС КА оперативного господства в воздухе.

Организация инженерно-аэродромного обеспечения авиационных частей и соединений ВВС (ВА) фронтов усложнялась при их подготовке к наступательным действиям. Наиболее сложными вопросами являлись своевременная подготовка аэродромов (зимой — укатка ВПП для работы авиации на колёсном шасси), совершение маршей батальонами аэродромного обслуживания, инженерно-аэродромными батальонами и другими тыловыми частями в передовую зону.

В процессе инженерно-аэродромного обеспечения требовалось тесное взаимодействие между начальником штаба ВВС фронта, начальником тыла ВВС фронта, командиром инженерно-аэродромного батальона, начальником района авиационного базирования, командиром батальона аэродромного обслуживания. В период подготовки к боевым действиям от командного и начальствующего состава тыла ВВС фронтов также требовались разработка планов строительства и восстановления аэродромной сети, планирование перемещения инженерно-аэродромных батальонов для выполнения задач строительства, отделение сроков начала и окончания работ[21].

При подготовке к боевым действиям требовалось из состава районов авиационного базирования выделять не менее ¼ имевшихся батальонов аэродромного обслуживания в резерв, закреплять за ними аэродромы в соответствии с планом использования ВВС (ВА) фронта. На начальника района авиационного базирования возлагалась также задача по доукомплектованию данных батальонов, особенно в плане транспорта и средств укатки аэродромов[22].

При подготовке к наступательным боевым действиям шло совершенствование организации инженерно-аэродромного обеспечения в вопросах строительства и восстановления оперативных аэродромов. Так, в соответствии с приказом заместителя командующего ВВС КА по тылу генерал-майора авиации Н.А. Соколова-Соколёнка от 2 февраля 1942 года на требуемых направлениях из состава инженерно-аэродромных батальонов тыла ВВС фронтов формировались 1—2 передовых отряда[23] в составе аэродромно-строительной роты, усиленной сапёрным взводом.

Передовые отряды, следуя за продвигавшимися вперёд наземными войсками, выполняли задачи по строительству или восстановлению на аэродроме взлётно-посадочных полос размерами 1200 х 300 м, рулёжных дорожек, мест стоянок самолётов, подъездных путей и необходимого минимума специальных сооружений[24]. Создание в инженерно-аэродромных батальонах передовых отрядов, позволявших в период наступления готовить аэродромы, не допуская отставания авиации от продвижения линии фронта, полностью себя оправдало, что отмечалось в отчёте о работе тыла ВВС Западного фронта[25] и в отчёте о работе тыла 8-й воздушной армии на театре Сталинградского фронта[26].

Отсутствие постоянной линии фронта, манёвренный характер боевых действий в наступлении выявили необходимость подготовки максимально возможного количества оперативных аэродромов за минимальное время. Данная задача решалась путём снижения тактико-технических требований к оперативным аэродромам (возможность строи-

П.Ф. Жигарев (предвоенная фотография)

Т.Ф. Куцевалов (на фото сидит крайний справа) на приёме в Кремле в предвоенные годы

тельства полосных аэродромов вместо площадных; минимум строительства спецсооружений; менее строгие требования к рельефу лётного поля и полосам подходов). Это позволило сократить объёмы выполнявшихся работ и, как следствие, сроки строительства[27].

В организации инженерно-аэродромного обеспечения за проведение изысканий и рекогносцировки участков местности, годных для строительства оперативных аэродромов, отвечали изыскательские партии (изыскательские команды, рекогносцировочные группы), создававшиеся в отделах аэродромного строительства тыла ВВС фронтов, в отделах аэродромного строительства районов авиационного базирования, в инженерно-аэродромных батальонах. Все подготовленные материалы изысканий перед строительством проверялись в отделе аэродромного строительства фронта и утверждались начальником отдела[28].

Топопартия из состава инженерно-аэродромного батальона проводит рекогносцировку участка местности, годного для строительства оперативного аэродрома

В начале войны изыскание участков под строительство аэродромов, принятие решения на строительство и руководство строительством возлагались на одного—двух специалистов из состава инженерно-аэродромного батальона, отдела аэродромного строительства района авиационного базирования или отдела аэродромного строительства тыла ВВС фронта. Ввиду жёстких сроков на изыскание и строительство аэродромов (от 1 до 5 дней) предварительные изыскательские материалы не составлялись, а готовилась только исполнительная техническая документация[29].

Для принятия решения на строительство аэродромов в отдел аэродромного строительства тыла ВВС фронта представлялись следующие материалы: карта с указанием маршрутов следования и осмотренных участков; краткое описание осмотренных участков с выводами об их пригодности. При необходимости для контроля пригодности выбранного участка для строительства аэродрома на это место высылался представитель отдела аэродромного строительства фронта[30].

В конце 1941 — начале 1942 года при подготовке к наступательным действиям фронтов изыскания проводились в основном топопартиями (рекогносцировочными группами) из трёх—четырёх человек. Данные партии состояли из одного офицера и двух–трёх красноармейцев. Каждой партии придавалась автомашина ГАЗ-АА[31]. Это позволяло группам следовать непосредственно за наступавшими войсками и решать возложенные на них задачи: рекогносцировку захваченных аэродромов; изыскание участков местности для устройства аэродрома; разведку наличия заминированных участков на аэродромах и спецсооружениях.

Возросшая значимость такой задачи инженерно-аэродромного обеспечения, как разминирование аэродромов при проведении наступательных операций, привела к созданию приказом НКО СССР от 30 ноября 1941 года № 0459 минно-сапёрной службы в составе ВВС КА. Её работу организовывал начальник управления устройства тыла ВВС КА. На минно-сапёрную службу были возложены такие задачи, как разработка схем и осуществление минирования аэродрома и спецсооружений; подрыв имущества и боевой техники при невозможности их эвакуации; разведка и разминирование аэродромов, ранее занимавшихся противником[32]. Данные задачи решались: в ВВС фронта (округа) — отделением минно-сапёрной службы из состава отдела устройства тыла; в управлении района авиационного базирования — начальником минно-сапёрной службы, его заместителем-пиротехником и техником-топографом; в батальоне аэродромного обслуживания — командиром минно-сапёрного взвода.

Введение минно-сапёрной службы в состав тыла ВВС (ВА) фронта позволяло осуществлять подготовку и комплектование специалистами рекогносцировочных групп, передовых команд, предназначенных для более быстрого и безошибочного разминирования обнаруженных зами-

нированных участков и сооружений. Так, взвод младшего лейтенанта Борисова из состава 12-го инженерно-аэродромного батальона при разминировании участка дороги Ватулино — Клементьево извлёк до 37 противотанковых и противопехотных мин без единого случая подрыва[33].

В ходе исследования архивных документов было выявлено, что значение маскировки в ВВС перед войной было недооценено, ей уделялось крайне мало внимания со стороны Главного управления ВВС[34]. Это привело к большим потерям авиации на земле и изданию командующим ВВС КА директивы № 159443 от 9 июля 1941 года о маскировке аэродромов и мероприятиях, обеспечивающих снижение потерь своих самолётов от ударов авиации противника по аэродромам. В данной директиве командующий ВВС КА потребовал от командующих ВВС фронтов строгого соблюдения личным составом авиационных частей правил маскировки аэродромов, в т.ч. при базировании иметь на каждом аэродроме не более 9—12 самолётов, обеспечив их рассредоточенность и маскировку[35].

Маскировкой аэродромов, сооружений на них занималась маскировочная служба. От командующих ВВС фронтов (округов), командующих воздушными армиями требовалась разработка мероприятий по улучшению маскировки действовавших аэродромов и созданию ложных. Штабы ВВС фронтов в своей работе по организации маскировки руководствовались планами устройства тыла ВВС фронтов, планами базирования авиации в операциях. На основании данных документов отрабатывались схемы маскировки аэродромов, производился расчет потребных материалов, принимались меры к обеспечению маскировочных работ местными материалами[36].

Ответственность за выполнение маскировочных мероприятий возлагалась как на начальников районов авиационного базирования и командиров батальонов аэродромного обслуживания, так и на командиров обслуживавшихся ими авиационных дивизий и полков. В своей работе они должны были руководствоваться указаниями командующего ВВС КА по маскировке оперативных аэродромов и материальной части[37].

Как показал опыт боевых действий первого периода Великой Отечественной войны, качественная и эффективная маскировка заключалась в одновременном и целенаправленном выполнении личным составом как частей и соединений авиационного тыла, так и лётных частей и соединений всех работ по организации маскировочных мероприятий на аэродромах, по созданию ложных аэродромов и имитации их деятельности. Введение маскировочной службы в состав авиационного тыла позволило сохранить большое количество личного состава, самолётов, другой техники и имущества в ходе дальнейших боевых действий.

Таким образом, в первом периоде Великой Отечественной войны происходило совершенствование организации инженерно-аэродромного обеспечения. Это достигалось за счёт расформирования управлений авиационных баз как органов, затруднявших процесс организации инженерно-аэродромного обеспечения; повышения ответственности командиров и начальников за составление планирующих документов; улучшения взаимодействия между авиационным тылом и авиационными частями в вопросах инженерно-аэродромного обеспечения; боевого слаживания вновь формировавшихся управлений тыловых частей и соединений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11300. Д. 21. Л. 7—9; Д. 72. Л. 70—72; Оп. 11285. Д. 39. Л. 58, 175, 179—180.

[2] Сборник документов по организации материального и аэродромно-технического обеспечения боевых действий ВВС Красной армии 1941—1944 гг. Т. 2. Монино: ВВА, 1960. С. 32, 33.

[3] Там же. С. 34.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11325. Д. 28. Л. 33, 34, 154, 161, 171, 195; *Мякошин В.А., Паршинцев А.А.* Развитие авиационного тыла (1914—1990). Монино: ВВА, 1991. С. 33—38.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 39. Л. 33—35.

[6] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: сборник документов № 2 (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1958. С. 38, 39.

[7] Сборник документов по организации материального и аэродромно-технического обеспечения... С. 40, 41.

[8] Там же. С. 38, 39.

[9] Там же. С. 39, 40.

[10] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11325. Д. 84. Л. 71.

[11] Там же. Оп. 11300. Д. 151. Л. 30.

[12] Там же. Оп. 11282. Д. 69. Л. 228—234.

[13] Там же. Оп. 11285. Д. 547. Л. 42.

[14] Там же. Ф. 221. Оп. 1374. Д. 138. Л. 26.

[15] Там же. Л. 27.

[16] Там же. Ф. 35. Оп. 11325. Д. 28. Л. 33, 34, 154, 161, 171, 195; *Мякошин В.А., Паршинцев А.А.* Указ. соч. С. 33—38.

[17] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне... С. 11, 12.

[18] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 39. Л. 171—173, 175.

[19] Там же. Оп. 11325. Д. 84. Л. 70.

[20] Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 658.

[21] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11325. Д. 124. Л. 166.

[22] Там же. Л. 163—165.

[23] В архивных документах встречаются такие названия данных образований, как «передовая команда», «передовая рота».

[24] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 168. Л. 8.

[25] Там же. Д. 151. Л. 183.

[26] Там же. Оп. 11325. Д. 95. Л. 79.

[27] Инженерно-аэродромное обеспечение авиации в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1952. С. 77, 78.

[28] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 151. Л. 32—33.

[29] Там же. Оп. 11325. Д. 78. Л. 67; Ф. 290. Оп. 3304. Д. 4. Л. 20.

[30] Там же. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 151. Л. 34.

[31] Там же. Оп. 11325. Д. 78. Л. 68—69.

[32] Сборник документов по организации материального и аэродромно-технического обеспечения... С. 36, 37.

[33] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 542. Л. 119.

[34] Там же. Оп. 11325. Д. 18. Л. 23.

[35] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне... С. 200, 201.

[36] Сборник документов по организации материального и аэродромно-технического обеспечения... С. 172—175.

[37] Там же. С. 175, 208, 209, 237. ■

Шалковский, А. Г. Железнодорожная артиллерия ВМФ СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. Г. Шалковский. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 2. - С. 52-56.

А.Г. ШАЛКОВСКИЙ

A.G. SHALKOVSKIJ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ВМФ СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

RAILWAY ARTILLERY OF THE SOVIET NAVY BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Сведения об авторе. *Шалковский Алексей Геннадьевич — заместитель директора Института проблем проектирования в микроэлектронике Российской академии наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва. E-mail: ashalkovsky@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье излагается краткая история создания железнодорожных артиллерийских установок, рассматриваются особенности их конструкции и боевого применения.*

Ключевые слова: *военная угроза; береговая оборона; железнодорожные артиллерийские установки; транспортёр морской; конструкция транспортёра; боевое применение.*

Information about author. *Aleksey Shalkovskij – Deputy Director of the Institute of microelectronics design problems of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Tech.), senior researcher (Moscow. E-mail: ashalkovsky@yandex.ru).*

Summary. *The article sets out short history of creation of railway artillery guns; features of its design and combat use are considered.*

Keywords: *military threat; costal defense; railway artillery guns; marine transporter; transporter design; combat use.*

УСИЛЕНИЕ военной угрозы со стороны ряда государств вынудило руководство Советского Союза обратить серьёзное внимание на укрепление его протяжённых морских границ, поэтому уже первым пятилетним планом 1928—1933 гг. были предусмотрены крупные мероприятия по модернизации ВМФ и, в частности, его артиллерийского вооружения.

Недостаток военных кораблей для укрепления морских границ страны требовал усиления береговой обороны. Между тем стационарные батареи береговой обороны, как правило, не имели броневой защиты, размещались скученно, с небольшими интервалами и к тому времени технически устарели. Их расположение с началом боевых действий было хорошо известно благодаря разведке, поэтому стационарным батареям постоянно угрожали удары противника с моря и воздуха. Радикальное решение назревшей проблемы укрепления береговой обороны виделось в создании подвижных батарей, способных быстро менять своё местоположение. Учитывая состояние дорожной сети СССР, наиболее реально речь могла идти о железнодорожных артиллерийских установках.

Однако в России опыт разработки тяжёлой железнодорожной артиллерии был крайне недостаточен и ограничивался созданием двух железнодорожных 10-дм артиллерийских установок. В Гражданской войне и красным, и белым было не до создания тяжёлой железнодорожной артиллерии, и обе стороны ограничились установкой на железнодорожные платформы десятков образцов полевой и морской артиллерии. Несомненно, подобные примитивные артиллерийские установки не могли выполнять задачи береговой обороны, поэтому первым пятилетним планом предписывалось создание тяжёлых железнодорожных артиллерийских установок калибра 180, 305 и 356 мм. В ходе его реализации в начале 1930-х годов Третьим Центральным конструкторским бюро судостроения (ЦКБС-3) при Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ) под руководством А.Г. Дукельского был разработан проект 356-мм железнодорожной артиллерийской установки. Её основным элементом стал транспортёр, получивший индекс ТМ-I-14 (транспортёр морской, тип 1, калибр 14 дюймов). Для создания установки предлагалось использовать орудия для недостроенных русских линкоров типа «Измаил» с длиной ствола 52 калибра (см. табл.).

Транспортёр представлял собой изготовленную из листовой стали массивную главную балку, которая через балансиры опиралась на железнодорожные тележки. Использовались тележки трёх типов. Тележки первого типа были четырёхосными с моторным приводом и располагались по концам транспортёра. В передней части располагалась шестиосная тележка второго типа, а в задней — четырёхосная тележка третьего типа.

Хотя тележки и имели небольшие размеры, они должны были выдерживать не только статическое давление, но и дополнительную нагрузку, возникавшую во время выстрела. Орудия монтировались на станках, снятых с башенных установок, изготовленных для линейных крейсеров. Основными элементами станка являлись два гидравлических тормоза отката и воздушно-гидравлический накатник.

Испытания железнодорожных установок на морском артиллерийском полигоне показали,

что по углу горизонтального обстрела и скорострельности установки ТМ-I-14 превосходили подобные американские и французские системы.

В 1933 году первая батарея железнодорожных артиллерийских установок в составе трёх транспортёров ТМ-I-14 была перебазирована на Дальний Восток. В состав батареи также входили три вагона — снарядные погреба, три вагона — зарядные погреба, три вагона — электростанции, один вагон — батарейный пост и несколько паровозов серии «Э». Кроме того, в составе батареи имелась так называемая подвижная база, которая предназначалась для обеспечения автономности батареи.

Подвижная база включала три—четыре вагона-погреба, четыре вагона с горюче-смазочными материалами, несколько жилых вагонов и вагонов, оборудованных под хозяйственные нужды. Она обеспечивалась средствами восстановления разрушенного железнодорожного полотна, а также маскировочным имуществом. Кроме того, в её составе имелись три автодрезины для связи и разведки пути, в т.ч. одна бронедрезина с пулемётом. Всего в составе подвижной базы насчитывались 20 теплушек и два классных вагона.

По штату мирного времени в батарее числился 331 человек, в т.ч. 16 командиров. Такой состав стал типовым и практически не изменялся, несмотря на совершенствование типа транспортёра.

Между тем ЛМЗ продолжил работу над изготовлением орудий для второй батареи. Но двух батарей железнодорожных артиллерийских установок было явно недостаточно для создания системы береговой обороны на Балтике и на Дальнем Востоке, поэтому сразу же после разработки и успешной реализации проекта ТМ-I-14 ЦКБС-3 получило задание на проектирование артиллерийской железнодорожной установки ТМ-II-12 на базе 305-мм (12-дм) пушек. Её изготовление было поручено Николаевскому судостроительному заводу № 198 имени Марти. Проект продолжал совершенствоваться и в мае 1936 года был утверждён. Он предусматривал создание железнодорожной артиллерийской установки ТМ-II-12 с использованием стволов 305-мм калибра, которые были предназначены для недостроенных броненосцев типа «Андрей Первозванный», а также железнодорожной артиллерийской установки ТМ-III-12 с использованием стволов того же калибра, поднятых с затонувшего в Севастополе линкора «Императрица Мария».

Железнодорожные транспортёры ТМ-III-12 по своему устройству мало чем отличались от 356-мм транспортёра ТМ-I-14 и 305-мм транспортёра ТМ-II-12. Новшество в его конструкции состояло в том, что верхний лафет вместе с качающейся частью и стволом мог опускаться во внутреннюю полость главной балки. Это позволяло значительно уменьшить габариты всей установки в походном положении по высоте и, таким образом, вписаться в установленные в стране

Таблица

Характеристики железнодорожных артиллерийских транспортёров, разработанных в 30—40-х гг. XX века

Характеристики		Тип железнодорожного транспортёра			
		ТМ-I-14	ТМ-II-12	ТМ-III-12	ТМ-I-180
Габаритные размеры, м	Длина	35,82	32,55	33,92	199,8
	Ширина	34,5	34,8	32,9	31,4
	Высота в походном положении	53,5	47,6	48	48
Масса в походном положении, т		412	280	340	160
Ресурс ствола, выстрелы		150	300	200	120
Калибр, мм		355,6	305	305	180
Длина ствола, калибры		52	40	52	57
Скорострельность, выстрелы/мин		1,5	1,5	1,8-2	5
Углы, град.	возвышения	50/50	4550	5050	50
	горизонтального обстрела	5/360	5/360	5,5/360	360
	склонения	7	0	2	0
Масса фугасного снаряда, кг		470,9	470,9	314,0	97,5
Начальная скорость снаряда, м/с		870	762,5	950	920
Макс. дальность стрельбы, км		48,9	28,6	44,0	37,129

Примечание. В числителе приведены значения углов обстрела при стрельбе с рельсового пути, в знаменателе — при стрельбе с бетонного основания.

железнодорожные габариты подвижного состава.

При проектировании ТМ-III-12 особое внимание обращалось на обеспечение его быстрого ухода с позиции, что было достигнуто за счёт замены механических устройств опускания лафета, реализованных в транспортёре ТМ-I-14, гидравлическими, а также механизацией наиболее тяжёлых ручных работ. Всё это выгодно отличало конструкцию ТМ-III-12 от конструкций артиллерийских установок более ранних проектов и от сходной по назначению и тактико-техническим параметрам американской железнодорожной артиллерийской установки.

Для ведения огня из пушки имелись бронебойный, полубронебойный и фугасный снаряды массой 470,9 кг, содержавшие разрывной заряд массой 12,9, 48,4 и 58,8 кг соответственно. Имелись, кроме того, снаряд с пулевой шрапнелью и химический снаряд. В 1938 году к пушке разработали фугасный дальнобойный снаряд массой 314 кг.

В феврале 1939 года вновь сформированная 9-я отдельная 305-мм железнодорожная артиллерийская батарея прибыла на базу Западного укреплённого района «Мукково». Батарея состояла из пяти эшелонов подвижного состава, в том числе: боевая часть — три эшелона, по одному транспортёру ТМ-III-12 в каждом; подвижная база — один эшелон; средства ПВО — один эшелон[1]. До Великой Отечественной войны успели изготовить девять 305-мм транспортёров, в т.ч. три ТМ-III-12.

Из данных таблицы видно, что угол горизонтального обстрела относительно оси рельсовой колеи был невелик, например, у 305-мм транспортёра не превышал 5,5 градуса. Увеличить угол можно было двумя способами. Первый способ заключался в сооружении специальных закруглённых отводов от основного железнодорожного пути, так называемых усов. Радиус закругления «уса» составлял 500 м, благодаря чему транспортёру для изменения горизонтального угла обстрела необходимо было продвинуться по колее лишь на несколько десятков метров вперёд или назад. Однако стрельба с «усов» вполне успешно могла вестись лишь по наземным неподвижным целям. По морским целям, двигавшимся с большой скоростью и сменой курса, достичь эффективной стрельбы передвижением по «усам» было весьма затруднительно, т.к. цель быстро покидала сектор обстрела, поэтому второй способ увеличения горизонтального угла состоял в заблаговременном оборудовании стационарных боевых позиций в местах наиболее вероятного ведения транспортёрами огня по морским целям. Они включали основные и запасные пути, а также специальные бетонные основания.

При стрельбе с заранее оборудованного бетонного основания транспортёр по рельсам, замурованным в бетон, заезжал на основание. С транспортёра опускался опорный цилиндр, который болтами крепился к основанию и на который транспортёр опирался во время стрельбы. Железнодорожные тележки выкатывались из-под транспортёра, и это давало ему возможность вести круговой обстрел, что было важно для поражения морских целей.

Для разгрузки главной балки, осей и колёс тележек при стрельбе на огневой позиции по обе стороны полотна отрывались ямы, куда опускались деревянные подушки, состоявшие из брусьев, скреплённых болтами и металлическими уголками. На эти подушки упирались опорные «ноги» транспортёра при ведении огня. Кроме того, параллельно основным укладывались добавочные рельсы, и на основные и добавочные рельсы укладывалась подкладная плита, на которую опускался домкрат, связанный с главной балкой транспортёра.

Для каждой батареи сооружались основная и запасная огневые позиции. Позиция батареи включала три бетонных основания размерами 16 х 16 х 3 м, расположенных в шахматном порядке на расстоянии 100 м друг от друга, убежища для личного состава и другие сооружения, необходимые для действий батареи. На оборудование такой огневой позиции уходила не одна неделя.

Для управления огнём батареи имелся прибор управления стрельбой (ПУС). На батарейном посту, выполненном в виде вышки высотой 28,6 м, обычно устанавливались шестиметровый дальномер и приборы центральной наводки. Данные с батарейного поста поступали на центральный пост, расположенный в специальном вагоне. В вагоне азимут и дистанция «цель-пост» трансформировались в азимут и дистанцию «цель-батарея». Имелась также возможность индивидуального наведения орудия в цель с помощью оптического прицела шестикратного увеличения.

Как видим, уже реализованные конструкции железнодорожных артиллерийских транспортёров ТМ-I-14, ТМ-II-12 и ТМ-III-12 обладали существенным недостатком: для поражения морских целей они нуждались в специально подготовленных огневых позициях. Этот недостаток был устранён при создании 180-мм морской железнодорожной артиллерийской установки ТМ-I-180, отличавшейся оригинальной конструкцией и более высоким техническим совершенством.

Конструкция вращавшейся части башни с мелкими изменениями (с уменьшением габаритов башни и толщины броневых листов) была заимствована от береговой установки МО-I-180. Несмотря на наличие бронированного прикрытия, поперечный контур вращавшейся части почти соответствовал железнодорожному габариту подвижного состава.

Созданием 180-мм железнодорожной артиллерийской установки руководили А.А. Флоренский и Н.В. Богданов. Основу конструкции транспортёра ТМ-I-180 составляла главная балка, опиравшаяся на две четырёхосные железнодорожные тележки. На передней тележке была смонтирована силовая станция типа «Коммунар», оснащённая генератором и двумя дизелями, которые позволяли при необходимости обеспечивать самопередвижение транспортёра со скоростью до 14 км/ч. Благодаря этому транспортёр через 3—4 минуты после прекращения огня мог покинуть свою позицию, чтобы не попасть под ответный огонь противника. Транспортёр имел восемь опорных «ног»,

которые в боевом положении располагались таким образом, что стрельба могла вестись при любом угле горизонтального наведения[2].

В боекомплекте батарей ТМ-I-180 имелись бронебойный, полубронебойный и осколочно-фугасный снаряды, а также дистанционная граната с трубкой ВМ-16, но стрельба из пушки велась в основном бронебойным и осколочно-фугасным снарядами образца 1928 года массой 97,5 кг с разрывными зарядами массой 1,95 и 7,97 кг соответственно. Масса метательного заряда составляла 37,5 кг.

Для повышения скрытности позиции во время стрельбы сотрудники морского научно-исследовательского полигона разработали беспламенные заряды, изготовлявшиеся из обычных зарядов с помощью специальных добавок (пламегасителей). Такие заряды не давали яркой вспышки при выстреле.

В 1938 году Артиллерийское управление выдало тактико-техническое задание на разработку 180-мм лёгкого фугасного и подкалиберного снарядов.

Проект лёгкого снаряда был разработан НИИ-24. Снаряд имел массу 70 кг при массе разрывного заряда 10,9 кг. Он снабжался двумя взрывателями: головным РГМ и донным МРД. Штатный метательный заряд обеспечивал снаряду начальную скорость, равную 1050 м/с, и максимальную дальность стрельбы 48 км.

Подкалиберный снаряд имел калибр 110 мм, массу (предположительно) — 18 кг, начальную скорость — 1550 м/с, максимальную дальность стрельбы — 90 км. Партия этих снарядов была заказана промышленности на 1941 год, однако данных об их применении нет.

По конструкции транспортёр ТМ-I-180 являлся выдающимся достижением своего времени в области артиллерии и по тактико-техническим характеристикам превосходил зарубежные аналоги.

Первая установка ТМ-I-180 в декабре 1934 года успешно прошла испытания, и в 1936 году была сформирована батарея, вооружённая установками ТМ-I-180. Всего же к началу Великой Отечественной войны было выпущено 20 таких установок, сведённых в 5 батарей.

Батарея ТМ-I-180 состояла из четырёх транспортёров. За каждым из них было закреплено по два вагона-погреба вместимостью 102 заряда в одном и 204 полузаряда в другом[3].

Тяжёлые железнодорожные артиллерийские установки в основном предназначались для борьбы с кораблями противника. Например, три 356-мм, три 305-мм и восемь 180-мм орудий совместно со стационарными береговыми батареями калибра 152—305 мм прикрывали огнём вход в Финский залив[4].

Очевидно, командованию Красной армии также захотелось получить такое грозное оружие, поэтому в феврале 1938 года было выдано тактико-техническое задание на разработку тяжёлых железнодорожных артиллерийских установок нового поколения: 356-мм пушечной железнодорожной артиллерийской установки ТП-1 и 500-мм гаубичной железнодорожной артиллерийской установки ТГ-1. Предполагалось, что новые установки одинаково эффективно будут бороться с «линейным флотом и с мониторами противника» и с его важными наземными целями, поскольку они проектировались для ведения огня с железнодорожной колеи и бетонного основания. Кроме того, установки должны были перебрасываться по стандартной железнодорожной колее СССР (1524 мм) со скоростью 50 км/ч и иметь возможность перехода на западную колею (1435 мм). К 1942 году планировалось изготовить 14 установок этого типа. Но работа над проектом шла с большим отставанием от плановых сроков, и к началу Великой Отечественной войны фактически был изготовлен лишь один универсальный транспортёр и заложен другой. Начавшаяся война похоронила проект[5].

Тяжёлая железнодорожная артиллерийская система ТМ-III-12 успела принять участие в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. в составе 17-й отдельной железнодорожной артиллерийской батареи. Эти артиллерийские установки, перемещаясь по круговой ветке Белоостров — Сестрорецк, использовались для обстрела мощных защитных сооружений линии Маннергейма, а также Выборга[6].

Действия 17-й отдельной железнодорожной артиллерийской батареи заслужили высокую оценку командования[7]. Хотя корректировка огня, как правило, не велась. Информацию об эф-

Железнодорожный транспортёр ТМ-III-12 с 305-мм пушкой

Железнодорожный транспортёр ТМ-I-180 со 180-мм пушкой

фективности стрельбы батарея получала с большим опозданием в виде общей оценки артогня и по всем стрельбам.

После Советско-финляндской войны установки были переправлены на полуостров Ханко, где и встретили начало Великой Отечественной войны. 305-мм железнодорожные артиллерийские установки подавляли своим огнём финские огневые средства, расположенные на близлежащих к полуострову островах, а также не давали возможности боевым кораблям военно-морских сил Финляндии вести прицельный обстрел полуострова Ханко. За время оборонительных боёв они 108 раз открывали огонь по противнику, израсходовав свыше 570 (по другим данным — 625) снарядов[8].

Высокий героизм и отменную боевую выучку продемонстрировал личный состав железнодорожной артиллерии в годы Великой Отечественной войны. С началом боевых действий оказалось, что гитлеровское командование даже не планировало привлечения крупных надводных сил для нападения на СССР, и поэтому серьёзных морских целей для советской железнодорожной артиллерии практически не оказалось.

С началом войны четыре батареи ТМ-I-180 убыли на Черноморский флот. В составе Ленинградского фронта действовали три батареи ТМ-I-180. В январе 1942 года 12, 18 и 19-я батареи ТМ-I-180, а также 11-я батарея ТМ-II-14 были сведены в 1-й отдельный артдивизион. Этот дивизион, а также шесть железнодорожных артустановок калибра 100—152 мм составили 101-ю морскую железнодорожную артбригаду — самое мощное артиллерийское соединение Ленинградского фронта. Бригада вела контрбатарейную борьбу с гитлеровской артиллерией, поддерживала боевые действия сухопутных войск, обстреливала аэродромы фашистов, прикрывала коммуникации в направлении Ленинград — Кронштадт.

За время блокады не было потеряно ни одной железнодорожной артиллерийской установки крупного и среднего калибров, т.к. наша железнодорожная артиллерия действовала по «манёвренно-огневой» схеме: удар — манёвр — удар[9]. Кое-кто считает, что подобная схема действий артиллерии была придумана американцами после поступления на вооружение полевой артиллерии самоходных артиллерийских установок. Но таким же образом в Великую Отечественную войну действовала и советская реактивная артиллерия: в нарушение всех предписаний руководств и наставлений боевые машины при оставлении огневой позиции после залпа приводились в походное положение уже в движении. Точно так же поступали и расчёты транспортёров: площадки не убирались, крепление по-походному производили на выходе с огневых позиций, продольные брусья отваливали в сторону, а опорные подушки оставляли на месте. Отход с позиции на расстояние 400—500 м совершался своим ходом и на малых скоростях, с незакреплёнными опорными «ногами». Для этого у транспортёров ТМ-II-12 и ТМ-III-12 имелись небольшие двигатели, позволявшие им передвигаться со скоростью 2—2,5 км/ч[10]. В последующем опорные «ноги» перестали забрасывать на тележки, а только приподнимали на 20—30 см от головки рельсов[11].

Чтобы исключить засечку стрелявших железнодорожных транспортёров крупного калибра звукометрическими станциями и оптической разведкой немцев и финнов, огонь одновременно с ними открывали корпусные 122-мм пушки А-19 и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Иногда привлекались и железнодорожные артиллерийские установки калибра 130—100 мм. Кроме того, активно использовались взрывпакеты, имитировавшие выстрелы тяжёлых орудий.

За годы войны железнодорожной артиллерийской бригадой были уничтожены 109 батарей и отдельных орудий, 84 танка, 335 автомобилей, один железнодорожный эшелон, разрушены 12 дзотов, уничтожены 4 железнодорожных моста. Во время блокады прибалтийских портов 130-мм железнодорожной артиллерийской установкой были потоплены 5 небольших транспортов и 36 катеров и барж.

В 1943 году установки бригады приняли участие в прорыве блокады Ленинграда, а затем участвовали в Красносельской и Выборгской операциях, в боях под Лиепаей и Кёнигсбергом. Огромный вклад железнодорожные артиллерийские установки внесли и в героическую оборону Туапсе.

Таким образом, в 1930—1940 гг. советской промышленности удалось разработать, изготовить и поставить на вооружение Военно-морского флота СССР ряд образцов орудий тяжёлой железнодорожной артиллерии. Их разработка осуществлялась под руководством А.Г. Дукельского, А.А. Флоренского и Н.В. Богданова. При создании тяжёлых железнодорожных артиллерийских транспортёров, как правило, использовались орудия недостроенных российских линкоров; при этом разработчики проявили немало изобретательности и творчества, что позволило создать конструкции, которые в полной мере отвечали требованиям проведения операции и боя того времени.

Железнодорожные артиллерийские транспортёры вобрали в себя всё лучшее, что до них было создано в корабельной артиллерии. Они обладали многими преимуществами перед стационарными батареями: высокой манёвренностью и автономностью, способностью довольно быстро менять позицию и перемещаться на значительные расстояния. Первоначально предназначенные для стрельбы главным образом по морским целям, в боевых действиях они, как правило, успешно применялись и при поражении наземных целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Брагин В.И.* Пушки на рельсах. Интернет-ресурс: http:militera.lib.ru.

[2] 180-мм железнодорожная артиллерийская установка ТМ-I-180. Интернет-ресурс: http:pobeda.poklonnayagora.ru.

[3] *Брагин В.И.* Указ. соч.

[4] *Мерников А.Г.* Вооружённые силы СССР и Германии. 1939—1945. Минск: Харвест, 2010. С. 98.

[5] Там же. С. 101—104.

[6] 305-мм железнодорожная артиллерийская система ТМ-III-12. Интернет-ресурс: http://army-news.ru.

[7] Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 475. Л. 119.

[8] Там же.

[9] Артиллерийские набеги. Интернет-ресурс: https://picturehistory.livejournal.com.

[10] Там же.

[11] Там же. ■

Шуняков, Д. В. «Слабый пол» на войне: Награждение женщин-военнослужащих орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Д. В. Шуняков. - Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. - 2019. - № 3. - С. 82-86.

Д.В. ШУНЯКОВ

D.V. SHUNYAKOV

«СЛАБЫЙ ПОЛ» НА ВОЙНЕ

Награждение женщин-военнослужащих орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

«FEMALE GENDER» IN WAR

Female solders award with orders and medals in Great Patriotic War of 1941—1945

Сведения об авторе. *Шуняков Дмитрий Викторович — доцент Учебного военного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УРФУ), подполковник, соискатель учёной степени на кафедре истории и социальных технологий УРФУ (г. Екатеринбург. E-mail: konigsberg039@mail.ru).*

Аннотация. *Статья содержит анализ всех доступных документов по награждению женщин-военнослужащих в период Великой Отечественной войны. В работе приводятся архивные данные по количеству женщин, мобилизованных на военную службу в годы войны, а также анализируется наградная практика в отношении женщин-военнослужащих в сравнении с аналогичной практикой в отношении мужчин.*

Ключевые слова: *СССР; Великая Отечественная война; наградная система; правительственные награды; ордена; медали; поощрения.*

Information about authors. *Dmitry Shunyakov – Associate Professor of the Military Training Centre of the Urals Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Lieutenant-Colonel, Competitor of the Subdepartment of History and Social Technologies of the Urals Federal University (city of Yekaterinburg. E-mail: konigsberg039@mail.ru).*

Summary. *The article contains an analysis of all accessible documents on the rewarding of female contingent during the Great Patriotic War. There are given archive data on quantity of mobilized women in war years and also women rewarding practice in comparison with a similar practice for men.*

Keywords: *USSR; Great Patriotic War; awards system; government awards; orders; medals; encouragements.*

ВЕЛИКАЯ Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года и продолжавшаяся 1418 дней, стала для Советского Союза серьёзным испытанием, потребовавшим напряжения всех сил советского народа. Наравне с мужчинами с врагом сражались и женщины, причём СССР был единственным государством, принявшим на себя бремя Второй мировой войны, где женщины принимали непосредственное участие в боевых действиях. Были сформированы целые женские полки, женщины служили не только санитарами, но и лётчиками, танкистами, снайперами. Многие из них были награждены орденами и медалями.

Снайпер 255-й бригады морской пехоты Черноморского флота старший краснофлотец Елизавета Миронова в районе Новороссийска
1943 г.

Женщины были в Красной армии и Военно-морском флоте и до войны. 1 сентября 1939 года внеочередной 4-й сессией Верховного Совета СССР был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности». В статье 13 было прописано, что на военную службу могли приниматься женщины, имевшие медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку, а также они могли привлекаться на учебные сборы. Также в этой статье говорилось: «В военное время женщины, имеющие указанную подготовку, могут быть призываемы в Армию и Флот для несения вспомогательной и специальной службы»[1].

Начиная с 1931 года в СССР существовала программа физкультурной подготовки «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО). В соответствии с этим комплексом юноши и девушки совершенствовали свою физическую подготовку. В 1939 году в состав комплекса были введены военно-прикладные виды упражнений. Так готовился мобилизационный резерв на случай войны, в т.ч. и среди женщин[2]. Таким образом, были созданы предпосылки для службы женщин в рядах армии. Они получали базовый уровень военной и физической подготовки.

В первый день Великой Отечественной войны Президиум

Экипаж бомбардировщика Пе-2 125-го гвардейского бомбардировочного авиаполка рассказывает авиамеханикам о прошедшем вылете

Верховного Совета СССР издал указ о мобилизации военнообязанных в приграничных военных округах. В соответствии с ним мобилизации подлежали и женщины, имевшие специальную подготовку[3].

Если мужчины были почти все военнообязанными, то женщин призывали только со специальным образованием, прежде всего медиков. Однако тысячи женщин, движимые желанием бороться с врагом, обивали пороги военкоматов. Вот что вспоминала майор Наталия Владимировна Малышева (в 1941 г. студентка 3-го курса Московского авиационного института): «Как только из репродукторов... сообщили о начале войны, я с друзьями-студентами по авиационному институту побежала по военным академиям. Мы требовали и умоляли перевести к ним из нашего института: чтобы быстро получить нужную армии специальность и — на фронт...»[4].

Правда, брали на фронт единиц (в 1941 г. всего 5594 человека)[5], о чём вспоминает Антонина Максимовна Князева: «Одно желание у всех: попасть на фронт... Страшно? Конечно, страшно... Но всё равно... Пошли в военкомат, а нам говорят: "Подрастите, девочки... Вы ещё зелёные..."»[6].

В течение 1941 года Красная армия и флот понесли огромные потери в 4,3 млн человек (37,7 проц. общих потерь и 54,6 проц. безвозвратных за всю войну)[7]. В этих условиях для замены красноармейцев и младших командиров в частях противовоздушной обороны (ПВО) и связи, Военно-воздушных сил (ВВС) и Военно-морского флота (ВМФ) началась массовая мобилизация женщин. Освобождавшихся красноармейцев-мужчин после замены их девушками направляли на комплектование стрелковых дивизий и бригад.

Призыв женщин осуществлялся на основании постановлений Государственного комитета обороны СССР через районные и городские военные комиссариаты по согласованию с местными партийными и комсомольскими организациями.

Годные к службе женщины направлялись: в возрасте от 19 до 30 лет — в войсковые части и учреждения; до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. Не подлежали мобилизации беременные и женщины, на иждивении которых находились дети или нетрудоспособные члены семьи, а также лица немецкой, польской, финской, румынской, греческой, болгарской, турецкой, японской, корейской и китайской национальностей; осуждённые к лишению свободы на срок свыше двух лет и отбывшие наказание за контрреволюционные или тяжкие преступления; имевшие родственников, репрессированных за контрреволюционную или шпионскую деятельность или проживавших за границей[8].

Распределение мобилизации по годам: 1941 год — 5594 человека; 1942 — 235 025; 1943 — 194 695; 1944 — 51 306; 1945 — 3615 человек. Всего за период Великой Отечественной войны были мобилизованы на военную службу 490 235 женщин, что составляет 1,65 проц. от общего количества мобилизованных (29 575 000 человек)[9].

Распределение по родам войск следующее: ПВО — 177 065 человек; части связи — 41 886; ВВС — 40 209; женские формирования и школы — 14 460; автомобильные части — 18 785; курсы поваров — 28 500; военно-санитарные части и учреждения — 41 224; ВМФ — 20 889; железнодорожные части НКПС — 7500; НКВД — 70 458; другие части и учреждения Красной армии — 29 529 человек[10] (общее количество женщин, распределённых по родам войск (490 505) не соответствует общему количеству мобилизованных женщин, указанному в источнике (490 235. — **Прим. ред.**).

Мобилизованные женщины служили не только на рядовых должностях, но и на офицерских. Осенью 1942 года в Рязанском пехотном училище имени К.Е. Ворошилова на основании директивы Главного организационно-штатного управления № Орг/2/788972 от 4 ноября 1942 года начали подготовку командиров для Красной армии из числа женщин[11].

Состоявшие по списку на 1 января 1945 года военнослужащие-женщины по составам распределялись: офицеров — 70 647; сержантов — 113 990; солдат — 276 809; курсантов и слушателей — 2057.

Мобилизованные женщины проходили службу как в частях

с мужчинами, так и в чисто женских частях. За годы войны были сформированы 3 авиационных полка: 46-й гвардейский ночной бомбардировочный, 125-й гвардейский бомбардировочный, 586-й истребительный полк ПВО; отдельная женская добровольческая стрелковая бригада; отдельный женский запасной стрелковый полк; центральная женская школа снайперов; отдельная женская рота моряков[12].

Кроме военнослужащих, существовала ещё категория, где находились женщины, — вольнонаёмный состав. Вольнонаёмный состав (женщины и мужчины, не годные к строевой службе) использовался в штабах различного уровня и в войсках (в т.ч. и в действующей армии) на должностях обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных, вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений. Их количество принято оценивать в 250—300 тыс. человек (по состоянию на 1 января 1945 г. численность вольнонаёмного состава в Красной армии (мужчин и женщин) составляла 512 161 человек, из них в действующей армии — 234 759 человек)[13].

Много женщин было задействовано и в партизанском движении. Их количество оценивается в 90—100 тыс. человек, что составляет 10 проц. от общего количества партизан[14].

Таким образом, с учётом вольнонаёмных мы получаем цифру в 740—790 тыс. женщин, находившихся в составе Красной армии и Военно-морского флота. Это количество составляет 2,28 проц. к общему числу призванных и воевавших в годы Великой Отечественной войны (34 500 000 человек)[15]. Надо отметить, что вольнонаёмные были на положении состоявших в рядах Красной армии, без выдачи красноармейских пайков и обмундирования, но военнослужащими не являлись[16].

Борьба с врагом в Великую Отечественную войну велась ожесточённая, и женщины находились в самой гуще событий, управляя самолётами, танками, поражая врага из снайперских винтовок, спасая раненых из-под огня. Имеется большое количество свидетельств и воспоминаний о событиях тех лет. Вот некоторые из них.

Мария Петровна Смирнова (Кухарская), санинструктор: «Таскали на себе мужчин, в два—три раза тяжелее нас. А раненые — они ещё тяжелее. Его самого тащишь и его оружие, а на нём ещё шинель, сапоги... Взвалишь на себя восемьдесят килограммов и тащишь... А в тебе самой сорок восемь килограммов — балетный вес... Сейчас уже самой не верится...»[17].

Евгения Сергеевна Сапронова, гвардии сержант, авиамеханик: «К концу войны у нас вся семья воевала. Отец, мама, сестра — они стали железнодорожниками. Они шли сразу за фронтом и восстанавливали дорогу. Медаль "За Победу" у нас получили все: отец, мама, сестра и я...»[18].

Из воспоминаний командира взвода автоматчиков Любови Ивановны Любчик: «Направили в Рязанское пехотное училище. Выпустили оттуда командирами пулемётных отделений. Пулемёт тяжёлый, на себе его тащишь. Как лошадь... На войне ты наполовину человек, а наполовину зверь. Другим способом не выжить. Если будешь только человек — не уцелеешь...»[19].

Тамара Ульяновна Ладынина, рядовая, рассказывала: «...В июне сорок третьего на Курской дуге нам вручают знамя полка, а наш полк, сто двадцать девятый отдельный полк связи шестьдесят пятой армии, уже был на восемьдесят процентов женский...»[20].

Из рассказа старшего сержанта Альбины Александровны Гантимуровой: «Самая дорогая моя награда — первая медаль "За отвагу". Солдаты залегли. Команда: "Вперёд! За Родину!", а они лежат. Опять команда, опять лежат. Я сняла шапку, чтобы видели, что я девчонка, поднялась... И они все встали, и мы пошли в бой...»[21].

Из воспоминаний командира отделения строительного батальона Зои Лукьяновны Вержбицкой: «Мы строили... Строили железные дороги, мосты понтонные, блиндажи. Фронт рядом. Копали землю ночью, чтобы нас не заметили. Лес валили. В основном девчонки у меня в отделении, все молоденькие. Мужчин несколько, кто нестроевые. Дерево как выносили? Берёмся все за это дерево и несём. Одно дерево целым отделением. Кровавые мозоли на руках... На плечах...»[22].

Экипаж катера-тральщика Т-611 Волжской военной флотилии. Слева направо: краснофлотцы Агния Шабалина (моторист), Вера Чапова (пулемётчик), старшина 2-й статьи Татьяна Куприянова (командир корабля), краснофлотцы Вера Ухлова (матрос) и Анна Тарасова (минёр)
1943 г.

Девушки-санинструкторы 6-й гвардейской армии
Март 1944 г.

Замполит полевого прачечного отряда лейтенант Валентина Кузьминична Братчикова-Борщевская вспоминала о наградах: «Когда шла война, нас не награждали, а когда кончилась... девчата получили медали "За отвагу", "За боевые заслуги", а одну прачку наградили орденом Красной Звезды...»[23].

Из воспоминаний командира сапёрного взвода младшего лейтенанта Станиславы Петровны Волковой о первой награде: «Наконец получили назначение. Привели меня к моему взводу... Солдаты смотрят: кто с насмешкой, кто со злом даже... Когда командир батальона представил, что вот, мол, вам новый командир взвода, все сразу взвыли: "У-у-у-у"... А через год, когда мне вручали орден Красной Звезды, эти же ребята, кто остался в живых, меня на руках в мою землянку несли. Они мной гордились...»[24].

Фельдмаршал Э. Манштейн описывал бои в Крыму в 1942 году: «Плотной массой... бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов...»[25].

В своём письме домой немецкий обер-ефрейтор Энтон Прост в 1942 году писал: «Долго ли ещё придётся нам вести такого рода войну? Ведь нам — боевой части — здесь противостоит всё гражданское население, в том числе женщины и дети...»[26].

Немецкий генерал Эрхард Раус оставил следующие воспоминания: «Русские женщины служили в полностью женских частях при так называемых партизанских отрядах, или по отдельности в роли наводчиков в артиллерии, в качестве разведчиц... в роли санинструкторов при боевых частях... Они были... полными ненависти к врагу, жестоки и неподкупны... они были опасны»[27].

Женщины сражались наравне с мужчинами и награждались наравне с ними. Никаких специальных наград не было, награждение шло на общих для всех основаниях.

Количество женщин, награждённых за годы Великой Отечественной войны, следующее[28]: Герой Советского Союза — 62 награждения; Герой Социалистического Труда — 3; Мать-героиня — 4772; орден «Материнская слава» — 208 613; медаль Материнства — 549 088; другими орденами и медалями СССР (кроме медалей «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней) — 240 283; медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней — 757 701; всего — 1 760 522 награждения.

За вычетом «материнских» наград (звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава» и медаль Материнства), которыми мужчины не награждались по понятным причинам, получаем количество чисто боевых наград — 998 049, что составляет 8,99 проц. к общему количеству награждений орденами и медалями СССР за время войны (11 093 068 награждений)[29].

Поскольку речь в статье идёт о женщинах-военнослужащих, то из общего количества необходимо вычесть награждённых медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней, т.к. большинство партизан и подпольщиков не являлись военнослужащими. В итоге получаем цифру в 240 348 награждений, что составляет 2,16 проц. к общему количеству награждений орденами и медалями СССР за время войны.

Анализ этих данных свидетельствует о том, что женщин в годы Великой Отечественной войны награждали чаще мужчин. У мужчин одна награда приходилась на 0,31 воевавшего (11 093 068 награждений делим на 34 500 000 человек, воевавших на фронте), а у женщин награда приходилась на 0,49 воевавших (240 348 награждений делим на 490 235 мобилизованных)[30].

Это происходило по следующим причинам. Массовый призыв женщин начался в 1942 году и явился следствием огромных потерь (убитыми, ранеными, пленными, пропавшими без вести и т.д.), понесённых Красной армией в первые месяцы войны. Миллионы мужчин были потеряны, погибли в первом же бою, так и не получив награды.

Имело место некоторое несовершенство наградной системы СССР. В начале войны существовало мало наград (2 звания, 5 орденов и 4 медали, из них одно звание, 2 ордена и 2 медали были «трудовыми») и, как следствие, было мало награждений. Первая награда Великой Отечественной войны (орден Отечественной войны) была учреждена летом 1942 года, а к концу войны наград-

ная система уже насчитывала 15 орденов (учитывая количество степеней, фактически 26), а также 25 медалей (в т.ч. и «трудовые» награды, количество которых не изменилось). Всё это существенно увеличивало возможности по награждению отличившихся[31].

Если мужчины были почти все военнообязанными (за исключением не годных по разным причинам) и призывали по мобилизации всех, то женщин — выборочно. Следовательно, отбирали лучших, имевших необходимое медицинское, техническое или специальное образование. Практически все они были добровольцами, рвавшимися на фронт. Отсюда храбрость, стойкость в бою, выносливость в тяжёлых условиях, что поощрялось командирами.

Награждение женщин имело огромное патриотическое значение. Многие из них освоили самые тяжёлые военные специальности. Около 20 женщин стали танкистами, среди них Е.И. Кострикова — командир танкового взвода, а в конце войны командир танковой роты. Младший лейтенант Л.В. Литвяк — самая результативная женщина-истребитель, которая лично сбила 11 вражеских самолётов до своей гибели 1 августа 1943 года. Снайпер Людмила Павличенко уничтожила 309 солдат и офицеров противника (среди них 36 снайперов)[32]. На таких примерах руководство страны, военное командование строило работу по воодушевлению населения. Награждения женщин широко освещались в газетах, подчёркивая тем самым народный характер борьбы против врага. Не случайно, когда советская делегация в 1942 году отправилась в США убеждать союзников открыть второй фронт, главную роль отвели женщине-снайперу Л. Павличенко, которая, выступая на конференции, сказала: «Мне двадцать пять лет. На фронте я уже успела уничтожить триста девять фашистских захватчиков. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?!»[33].

Война — страшное дело, многие мужчины не выдерживали трудностей. А тут девушки. Естественное желание командиров и начальников уберечь, спасти, помочь, облегчить быт. Они всегда были на виду, поэтому наградами пытались, как могли, отблагодарить, поддержать их.

Тема награждения женщин на войне в последнее время очень актуальна, поскольку в настоящий момент в Российской армии находятся 45 тыс. женщин на военных и гражданских должностях[34]. Женщины служат на общих основаниях, и их награждение производится существующими наградами, специальных женских наград нет.

Причины столь большого количества женщин (они не подлежат призыву), служащих в Российской армии в мирное время, и особенности их службы и награждения требуют, пожалуй, дальнейшего глубокого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закон СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 64, 65.

[2] *Лазарев С.Е.* Советское законодательство 1930-х годов о физкультуре и спорте и его актуальность в наши дни // Гражданин и право. 2016. № 9. С. 3—8.

[3] Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам». См.: *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945): цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 492, 493.

[4] *Зоберн В.* Бог и Победа: Верующие в Великих войнах за Россию. М.: Эксмо. С. 296—309.

[5] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Великая Отечественная война без грифа секретности: книга потерь: новейшее справочное издание. М.: Вече, 2010. С. 38.

[6] *Алексиевич С.А.* У войны не женское лицо. М.: Время, 2016. С. 177.

[7] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Указ. соч. С. 69.

[8] *Петрова Н.К.* Женщины Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2014. С. 5.

[9] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Указ. соч. С. 38.

[10] Там же.

[11] *Шайкин В.И.* Подготовка женщин — командиров стрелковых подразделений в годы Великой Отечественной войны // Воен.-истор. журнал. 2016. № 3. С. 68—70.

[12] Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 269.

[13] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Указ. соч. С. 38.

[14] Народная борьба в тылу врага // Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 4. М.: Кучково поле, 2015. С. 591.

[15] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Указ. соч. С. 36.

[16] Постановление ГКО № 2395сс от 9 октября 1942 г. «О правовом положении строителей, занятых на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной Армии». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 63. Л. 41.

[17] *Алексиевич С.А.* Указ. соч. С. 26.

[18] Там же. С. 29.

[19] Там же. С. 33.

[20] Там же. С. 36.

[21] Там же. С. 39.

[22] Там же. С. 102.

[23] Там же. С. 107.

[24] Там же. С. 129.

[25] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 294, 295.

[26] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 17. Л. 18.

[27] *Иринчеев Б. и др.* Сёстры по оружию: воспоминания женщин о Великой Отечественной войне. Выборг: Военно-исторический центр Карельского перешейка, 2016—2017. С. 7, 8.

[28] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 5, 5 об.

[29] Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны. См.: Там же. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11.

[30] *Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В.* Указ. соч. С. 36.

[31] *Лобода В.Ф., Каргальцев И.П.* Ордена и медали СССР: справочник. М.: Воениздат, 1950. С. 129, 130.

[32] *Петрова Н.К.* Указ. соч. С. 27.

[33] *Пчелинцев В.Н.* Особая миссия. М.: Молодая гвардия, 1991. 218 с.

[34] *Миранович Г.* Женский фактор // Красная звезда. 2017. № 23(27060). С. 1.■